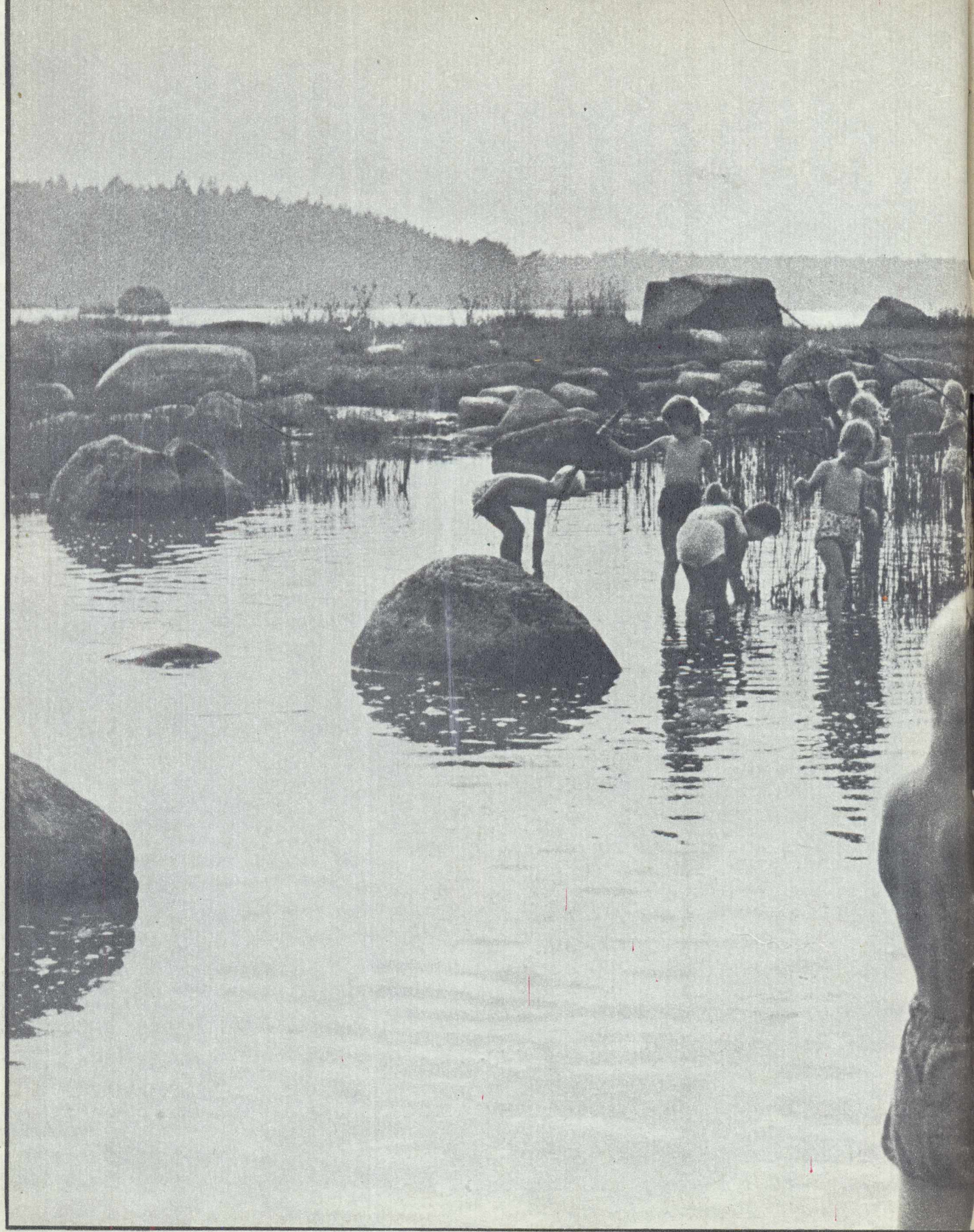
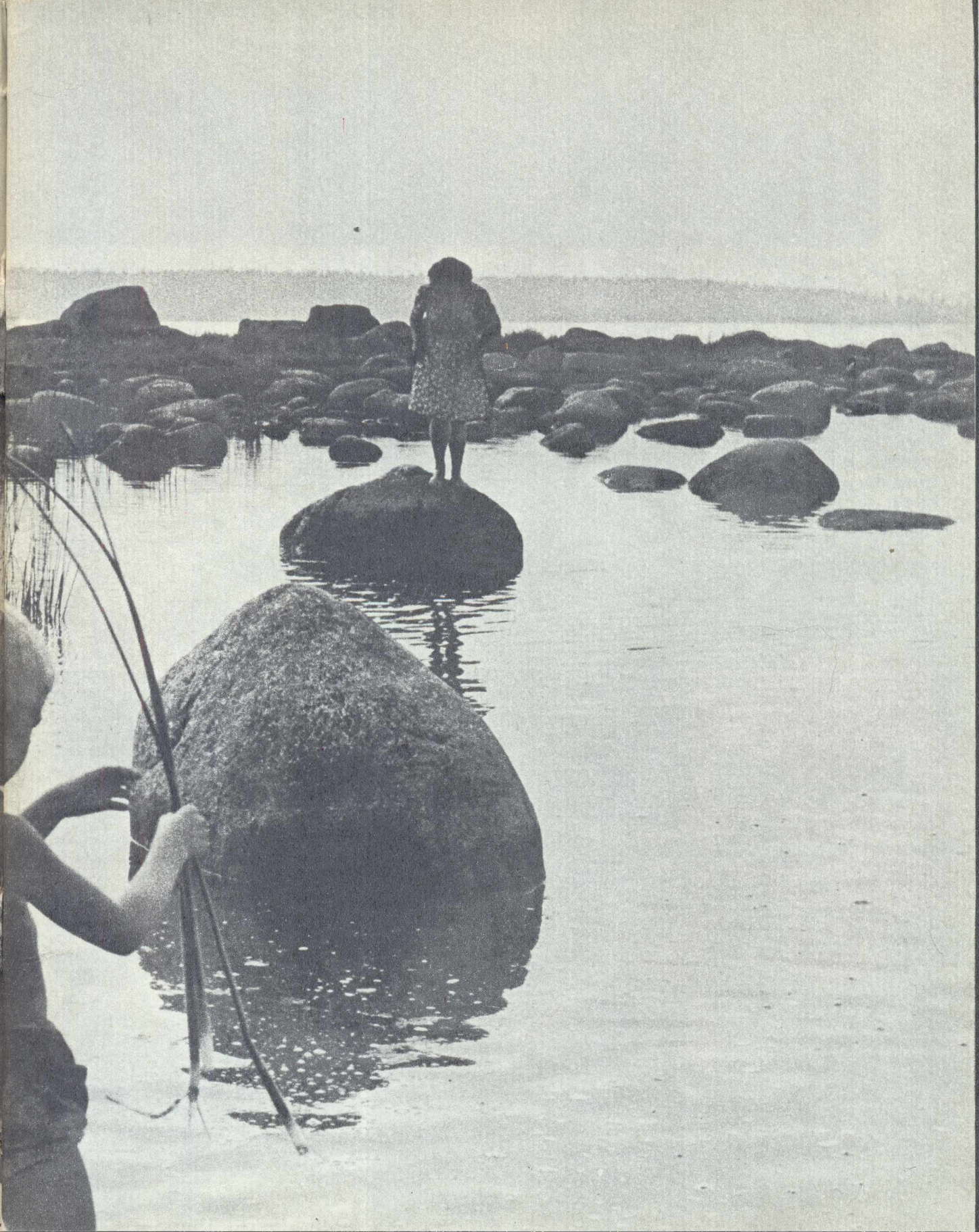

СЕМЬЯ И ШКОЛА

журнал для родителей 8. 1974

В этом номере:

«Повышение качества обучения — самая важная и неотложная задача школы... Учителя не жалеют сил, чтобы дать молодежи хорошее образование. Того же хотят для своих детей отцы и матери. Деловому и доброжелательному содружеству семьи и школы хочется в новом учебном году пожелать новых успехов» (Ю. Иванов. «Хорошо учить, хорошо учиться»)

Фото В. Тугова

— страница 2

«Вправе ли мы требовать от юного человека, чтобы у него уже сформировались твердые убеждения, не рано ли? Как, когда, в каком возрасте формируется убежденность, воспитывается верность коммунистическим идеалам? В. И. Ленин дает нам четкий ответ: в школе!» (Ю. Колесников. «Наши дети — наши единомышленники»)

— страница 4

«Будущие первоклассники с радостью и нетерпением ждут перво-

го сентября: их привлекает и внешняя сторона школьной жизни, и то, что они теперь уже «не маленькие», а ученики. И самое важное — они хотят учиться» (Л. Айдарова. «Отчего бывает трудно первокласснику?»)

— страница 10

Письма читателей, письма читателям

— страницы 13—15

Воспитывать трудолюбие, трудовые навыки с самого раннего детства

— страница 16

Многие считают, что для того, чтобы добиться послушания, все средства хороши... (А. Протопопова. «Послушание за конфетку»)

— страницы 18

Нельзя наставить юношу на путь истинный одними наставлениями, нельзя говорить с ним только выговорами, учить одними нравоучениями... (В. Васильев. «А вы любите нотации?»)

— страница 19

О кабинетной системе в школе

— страница 21

Счастье многодетной семьи

— страница 28

Продолжаем разговор о воспитании мальчика

— страницы 30—33

2279 анкет о физкультуре. В них есть неожиданные ответы: оказывается, не все владеют обыкновенной скакалкой...

— страница 38

Отрывки из книги американского психолога Х. Джино «Между ро-

Семья и школа

дителями и детьми»

— страница 40

Продолжаем публикацию заметок писательницы Любои Кабо на тему «Кино и дети»

— страница 41

Перечитаем вместе: Чарлз Диккенс. Жизнь Дэвида Копперфилда...

— страница 44

Из напечатанного

— страница 47

В мире книг

— страница 48

Далеко не все знакомы с фамилией художника Курдова, зато рисунки его видели многие...

— страница 51

Чтобы дети полюбили оперу...

— страница 52

Ирина Пивоварова. «Верная собака Уран». Повесть

— страница 54

В свободное время вместе с детьми

— страницы 62—63

Домашний музей. Веласкес

— страница 64

См. 48-ю страницу

См. 6—9, 24—27, 34—37-ю страницы

См. 10-ю страницу

Ежемесячный журнал
для родителей
Академия
педагогических наук СССР
№ 8, август 1974 года
Издается с 1946 года

Главный редактор
Л. М. Иванова

Редакционная коллегия:
П. И. Гелазония
(ответственный секретарь),
А. С. Грищенко,
В. В. Давыдов,
М. В. Жилинская,
О. М. Иванова,
И. И. Карпец,
Н. П. Кузин,
Р. А. Курбатова,
О. Н. Мамонтова
(зам. главного редактора),
Н. И. Монахов,
Б. М. Неменский,
А. И. Попов,
В. А. Рыбаков
(зав. отделом психологии),
А. Г. Хрипкова,
В. П. Щербаков

Художники
М. Верхоланцев и В. Макаров
Художественный редактор Т. Мухина
Технический редактор Л. Упатина

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются
Литературных консультаций
редакция не дает

Издательство «Педагогика»

Адрес редакции:
129278 Москва, И-278,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-85-16, 283-80-09

Подписано к печати 2 июля 1974 года
A05458 Закал 181
Тираж 1 300 000 экземпляров
Бумага 84×108 1/16
Условных печатных листов 7,14

Чеховский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли
город Чехов Московской области

Набор этого номера произведен
на фотонаборном автомате 2НФА
с перфоленты, изготовленной
на устройстве «Север-2»

© Издательство «Педагогика»
«Семья и школа», 1974

Хорошо учить, хорошо учиться

Всеобщее среднее образование прочно входит в нашу жизнь. Оно отвечает требованиям времени и интересам народа. Совершенствуется техника, усложняется современное производство, и какую бы профессию ни выбрал молодой человек, обойтись без серьезных знаний становится все труднее. И мы законно гордимся тем, что Советская страна может предоставить молодежи самые широкие возможности для учения и всестороннего развития.

Наша школа призвана давать учащимся знание основ наук, формировать марксистско-ленинское мировоззрение, прививать чувство высокой ответственности перед народом, воспитывать коллективизм, стремление к беззаветному служению социалистической Родине. Поэтому в оценке работы школы основным — не проценты и цифры успеваемости, а степень подготовки ее питомцев к жизни, труду, дальнейшему самообразованию.

Повышение качества обучения — самая важная и неотложная задача школы.

В последние годы в школах вводятся новые программы, учебники, учебно-методические пособия, в которых нашли отражение современные достижения науки, техники и культуры. Содержание новых программ и учебников призвано обеспечить более высокий уровень знаний школьников, развитие их познавательных интересов, мыслительной деятельности.

Если раньше основное в обучении состояло в том, чтобы узнать, запомнить, пересказать, то теперь главное — найти закономерность, выделить основное, сравнить, обобщить и т. д.

Изменения, внесенные в программы и учебники, основаны на выявлении в каждом предмете ведущих идей, отражающих основные направления развития современной науки и одновременно доступных для освоения детьми соответствующего возраста. Советская педагогика считает за правило обучать школьников на грани высокой, но преодолимой трудности.

Некоторые сомневаются: стоит ли так усложнять школьную науку, перегружать детей слишком серьезным материалом? Сомнения эти не отбрасываются. И отвечать на них следует не только указанием на то, что научно-технический прогресс требует высокого уровня образования. Ученые, педагоги и медики, постоянно и тщательно изучают посильность современных программ и дозировку учебного труда. И в этой связи интересно привести вывод психологов. Их исследования показали, что самих детей, дошкольни-

ков и школьников, прежде всего привлекают те виды учебной работы, которые, являясь более сложными и трудными, требуют умственного напряжения, активности мысли.

По совершенствованию программ и учебников сделано немало, но эта работа продолжается, в ней учитывается опыт учителей, возможности и потребности учащихся.

Пройдет время, и школьные учебники станут еще более содержательными и интересными. Улучшится их оформление, многие из них станут многоцветными. Известные ученые, лучшие педагоги и методисты создают учебники. Недавно Президиум Академии наук СССР принял важное решение об участии ученых в подготовке учебников по истории нашей Родины, новой и новейшей истории зарубежных стран. Школа получит хорошие учебники по обществоведению, географии и другим дисциплинам.

Однако как бы ни были совершенны школьные программы и учебники, в конечном счете все решает готовность учителя работать по-новому, его педагогическое мастерство. Хороший учитель — это человек, основательно знающий предмет, который он преподает, и владеющий, по выражению Ушинского, «воспитательной силой». Эта воспитательная сила зависит от того, насколько глубоко понимает учитель психологию детей и подростков, как умеет руководить своими учениками в усвоении науки и правил коммунистической морали.

Учительский труд всегда считался одним из самых ответственных и сложных видов человеческой деятельности. Но в наши дни в нашей стране небывало возросли общественные требования к учителю. Одно дело было тогда, когда обязательный минимум обучения был невелик и отсеивался из старших классов был обычным явлением. Сейчас же учителю предстоит вести всех учащихся до завершения среднего образования. Значит, каждому из учителей нужно больше знаний и больше умения передавать эти знания ученикам.

Сейчас огромное внимание уделяется улучшению подготовки учителей в вузах. В педагогических институтах, например, вводятся новые учебные планы и программы, в которых учитываются достижения научной мысли, техники, культуры и школьной практики.

Будущий учитель с самых первых студенческих шагов должен готовиться к сложной и почетной роли наставника детей. Поэтому теперь изучение психолого-педагогических дисциплин предусматривается в большем объеме, чем раньше, и на всем протяжении пребывания студентов в педвузе.

А как пополняют свои знания учителя, окончившие вузы несколько лет назад? Для них организуются курсы и семинары в педагогических

институтах и институтах усовершенствования, которые есть в каждой области. Здесь учителя повышают свою квалификацию не реже одного раза в пять-шесть лет. Замечательные традиции сложились в Московском, Ленинградском, Киевском, Ереванском и многих других университетах. Летом их аудитории заполняют учителя и методисты. Крупнейшие ученые выступают перед ними с лекциями о достижениях науки и техники, истории и философии, по проблемам литературы, искусства, охраны природы.

Хороший учитель — сам постоянный ученик. Его стремление быть в курсе современной культуры безусловно сказывается на знаниях наших детей.

Конечно, лекции и семинары — это хорошо. Но главное для учителя — самообразование. Что предпринимается, чтобы помочь ему и в этом? К услугам педагогов специальные методические журналы, книги по вопросам содержания учебных дисциплин, методики, дидактики, педагогики, школьной гигиены.

Отошло то время, когда, кроме классной доски, мела и нескольких простейших наглядных пособий, в руках учителя ничего не было. Теперь широко используются технические средства обучения. Обычным делом становятся учебные телевизионные передачи непосредственно на урок. Правда, наши школы еще продолжают испытывать трудности в оснащении современным учебным оборудованием, но государственное и общественное внимание к этому делу так велико, что трудности эти несомненно будут преодолены в ближайшее время.

Важным средством повышения эффективности преподавания станут разрабатываемые в настоящее время научно-методические комплекты по каждому учебному предмету и для каждого класса. А это значит, что учитель будет иметь, помимо программ и учебника, методическое руководство, хрестоматию, дидактический и раздаточный материал, набор фильмов, диафильмов и фономатериалов, серию картинных наглядных пособий, схем, диаграмм.

Новый учебный план школы характеризуется тем, что расширяет возможности для самостоятельной работы учащихся, организации занятий по интересам и склонностям детей. В целях развития способностей и профессиональной ориентации учащихся в школах введены факультативные занятия по их выбору.

Часто спрашивают, не отражается ли это на уровне знаний школьников. Иными словами: не отстанет ли школьник все свое внимание любимому предмету, а остальные будут тянуть кое-как, и образование его будет как бы односторонним. Такого положения школа не допустит, не имеет права допустить. В Основах законодательства Союза ССР и

союзных республик о народном образовании специально отмечается, что введение дополнительных форм образования ни в коем случае не может осуществляться за счет нарушения основного требования: обязательный объем общеобразовательных знаний во всех средних общеобразовательных школах должен быть единым. Поощряя углубленное изучение факультативных курсов по литературе и математике, кибернетике и физике, биологии и иностранным языкам, логике и изобразительному искусству, психологии, школа готовит не математиков, физиков или биологов — это задача специальных учебных заведений, — а только помогает старшеклассникам на основе возникшего интереса испытать, развить свои способности в той или другой науке. Факультативные занятия особенно ценятся тем, что побуждают учащихся к самостоятельной работе.

Готовить подрастающего человека к жизни — значит привить ему навыки умственного труда, ибо любому из нас так или иначе приходится учиться всю жизнь. Этого требуют профессиональные интересы, общественная деятельность, без которой немислим гражданский социалистический общества, и, наконец, воспитание собственных детей, которые, очевидно, будут расти в среде, еще более насыщенной культурой. И все знают также, что знание добытое, найденное, подтвержденное собственными усилиями, продуманное, подогретое интересом — куда основательнее, чем те сведения, которые приняты на слух, на глаз или даже затвержены. Заученное без понимания и интереса обладает печальным свойством быстро забываться, потому что цель заучивания в большинстве случаев — ответить, сдать, получить отметку, а дальше мозг как бы освобождается от тяжкого груза, снимает с себя обязанность хранить факты науки. Поэтому, когда мы говорим о качестве знаний, то имеем в виду запас их прочности.

Непрочность знаний — застарелый изъян в работе школы. Именно поверхностность, непрочность знаний не позволяет многим абитуриентам подтверждать школьные оценки на вузовских экзаменах. Прочность знаний учеников во многом зависит от учителя. Он должен преподавать свой предмет так, чтобы ясны, доступны, увлекательны были его идеи и основные направления, которые как прожектора высвечивают факты и явления, делая их незабываемыми, раз они не берутся отдельно, не превращены в осколки, а даны в системе, в целостности, в связи друг с другом и, таким образом, восприняты сознательно. Сознательное восприятие науки побуждает и к выработке навыка. Упражнение, связанное с углублением понятого материала, становится для ученика удовольствием.

Но прочность знаний, в огромной мере зависит и от ученика, от его внимания и желания работать. Мы говорим о современном учителе. Стоит сказать и о современном ученике. Это человек, которого школа и семья постоянно побуждают к умственным усилиям, к самообразованию, человек, умеющий работать с книгой, аппаратом, прибором, любящий результативный труд. Поэтому сейчас так много усилий кладется на то, чтобы вооружить школьников приемами и навыками самостоятельной работы.

Без воспитания активности в учении среднего образования не одолеть. Но активность эта возникает тогда, когда ученик усваивает все разделы программы. Поэтому учителя стараются не упустить из поля зрения пробелы в знаниях учеников. Добавим, что в понятие современного ученика входит сознательное отношение к качеству своих знаний. Если в школе и дома человека не попрекают отметками, не превращают отметку в самоцель, он скорее признается, в чем он слаб, что не усвоил, не понял, прозевал, и легче будет помочь ему догнать класс. Запущенное отставание чаще всего является причиной потери интереса к предмету, а то и к учению в целом. Установлено, что те подростки, которые слабо усвоили курс восьмилетки, не хотят продолжать свое образование.

Остается в силе старая истина: повторение — мать учения. В систематическом повторении пройденного (на это в учебных программах отводится время) — залог прочности знаний. Повторение, освежение знаний приучает ученика к культуре труда, к умению вести записи, конспекты, читательские дневники, тренирует память, укрепляет уверенность в своих силах, что тоже очень важно для поддержания хорошего рабочего настроения.

Вопросы глубины и прочности знаний школьников всегда в центре внимания органов народного образования. Министерства просвещения (народного образования) союзных республик систематически проводят в школах контрольные работы по русскому (родному) языку, литературе (сочинение), математике и другим предметам. Тщательный анализ результатов этих работ дает реальную картину уровня знаний учащихся. За качеством знаний постоянно наблюдает большая армия школьных инспекторов и методистов. Их главная забота — добиваться постоянного совершенствования преподавания учебных предметов в школе.

Систематическое изучение уровня знаний школьников имеет и еще одну важную сторону. Оно позволяет своевременно вносить те или иные коррективы в школьные программы и учебники, в планы повышения квалификации педагогов. Скажем, какая-то тема нового курса математи-

ки вызвала затруднения не только у школьников, но и у педагогов. Это серьезный сигнал для авторов учебника. На особенности содержания и методики изложения этого раздела обратят внимание методисты на курсах переподготовки педагогов. И в школьных методических объединениях учителя посоветуются, как лучше организовать изучение такого раздела курса.

В борьбе за глубокие и прочные знания большая роль принадлежит семье. Там, где родители проявляют живой интерес к новинкам научной и технической мысли, не может быть детей, равнодушных к учению. Где домашняя библиотека, семейные чтения — традиция, трудно представить себе ребенка, который бы не любил книгу. Если посещение театра, музея, выставки в семье — правило, вряд ли подросток останется равнодушным к урокам литературы, истории, изобразительного искусства.

Часто приходится слышать, что теперь нужно иметь высшее образование, чтобы помогать своему школьнику учиться. Нет, для этого надо иметь то, что имеют почти все родители, — любовь к ребенку и терпение. И еще надо хорошо знать дорогу в школу, где обязаны посоветовать, как развивать у вашего сына или дочери любознательность, трудолюбие, ответственность за учебный труд. А поддержать полезное увлечение ребенка — разве не доступно это каждой семье? Проявить интерес к делам школьного кружка, к занятиям в факультативе... Нас волнуют отметки и поведение ребенка. Это, конечно, важно. Но очень нужно и другое. Вспомните, часто ли мы спрашиваем нашего ребенка, что интересного было на уроке родного языка, литературы, математики, часто ли смотрим вместе страницы учебника, спорим о достоинствах и недостатках его домашнего сочинения?

Но, конечно, непрременной родительской обязанностью является контроль за приготовлением домашних заданий. Регулярное их выполнение — одно из главнейших условий прочности знаний. Качество самостоятельной работы ученика проверит учитель, а вот проследить, чтобы дома ученик работал в спокойной обстановке, в определенном ритме: сидел бы за уроки в одно и то же время, соблюдал режим, достаточно бывал на воздухе, — это забота семьи.

Учителя советской школы не жалуют сил, чтобы дать молодежи хорошее образование. Того же хотят для своих детей отцы и матери. Деловому и доброжелательному содружеству семьи и школы хочется в новом учебном году пожелать новых успехов.

Ю. Иванов,
заместитель начальника
Главного управления школ
Министерства просвещения СССР

«Все лучшее, что накоплено нравственным опытом нового общества, мы должны передать молодежи, каждому юноше и девушке и вместе с тем настойчиво избавляться от всего, что мешает жить и трудиться».

Из речи

*товарища Л. И. Брежнева
на XVII съезде ВЛКСМ*

Наши дети — наши единомышленники

Свидетелем этого спора я стал совершенно случайно. На перемене задержался возле нового выпуска стенгазеты, а чуть в стороне двое старшеклассников спорили довольно громко.

— Ну и что кризис? Они и с кризисом живут — будь спок. Ты «Америку» читал когда-нибудь? Нет? Темный ты, Витек, человек. Ты почитай, ахнешь: автоматика, сервис, машины! Роскошь!

— Роскошь, да не для всех, — возразил тот, кого называли темным человеком. — В Америке, просвещенный Володя, почти пять миллионов безработных...

— Ну и что? Они пособие получают, и почти каждый машину имеет.

— А вот еще что я тебе скажу... — Витя явно не собирался сдаваться.

— Ты мне скажешь, — перебил его с явной иронией Володя, — что у них негров линчуют...

— Ну, знаешь!... — возмущился Витя. — Мне отец рассказывал...

Звонок прервал спор. А вскоре я встретился с участниками этой идеологической микродискуссии в классе — стал у них преподавать обществоведение. Довольно быстро мы разобрались в предмете спора: и в кризисах, и в знаменитом сервисе. Разобрались и во многом другом. Признаться, это было не так уж трудно, если делать это спокойно, без паники и «ужасания» по поводу того, как могли появиться у советского школьника «такие взгляды», если разговаривать откровенно, с привлечением достоверной, объективной информации. В этой информации нет недостатка — просто ни Витя, ни тем более Володя, настроившийся исключительно на журнал «Америка», ни другие ребята, увы, ее не знали. Восторги Володи и других молодых (а иногда и не очень молодых) людей по поводу красивых машин и

американского сервиса лишь подтверждали справедливость слов известного американского экономиста Самуэльсона: «При отсутствии реальных данных представления об американском образе жизни складываются по рекламным проспектам и обложкам американских журналов, которые рисуют американскую семью живущей в отдельном загородном коттедже с кондиционированным воздухом, плавательным бассейном, двумя легковыми автомобилями и другими удобствами. На самом деле живут в подобных условиях 10 процентов, а 90 процентам американцев это недоступно...»

Кстати, беседуя с ребятами, я оперировал главным образом данными, приводимыми самими американскими деятелями, журналистами, учеными, весьма трезво смотрящими на многие особенности пресловутого образа жизни в своей стране, — это оказалось наиболее сильным и убедительным аргументом. Когда я сказал, что все эти данные легко найти в нашей же печати, то ребята удивились и озадачились. Они не знали... Они не ищут... Не приучены...

О чем свидетельствует этот, хоть и благополучно разрешившийся, спор? Конечно, прежде всего — о неосведомленности, о незнании существенных фактов, об известной наивности и легкомысленном отношении к серьезным проблемам. Это плохо, но все-таки это исправится по мере приобретения жизненного опыта. Но есть тут еще и другое — начала цинизма и ироничности, которые, на мой взгляд, в значительной мере являются результатом влияния буржуазной пропаганды на незрелых людей, не способных критически оценить современную капиталистическую действительность, увидеть нищету рядом с роскошью, бесправие рядом с всевластием и проникнуться сочувствием к страданиям миллионов угнетенных. А это уже опасно...

Есть вещи, над которыми иронизировать кощунственно и недостойно человека. Даже когда человеку еще нет и восемнадцати.

Негров убивают. И от этой страшной действительности нельзя отмахнуться иронической фразой. Правда, современные расисты сегодня предпочитают не веревку или костер, а огнестрельное оружие. Мартина Лютера Кинга «просто» застрелили из современной винтовки с оптическим прицелом. И никакие успехи в чем бы то ни было не могут заставить забыть это убийство и трагедию Сонгми, и травлю негритянских школьников, и другие бесчинства расистов.

А буржуазная пропаганда очень бы хотела заставить забыть это, посеять апатичность и равнодушие, привить индивидуализм, циничное отношение к высоким общественным идеалам. Машина пос-

ледней марки, телевизор или магнитофон, — одним словом, «Вещь»! Вот главное! Собственное благополучие — превыше всего! Где-то убивают арабов, где-то в Латинской Америке или в Африке дети умирают от голода — плевать! Думай о себе! Вот она, философия общества потребления. Этот «товар» буржуазная пропаганда в соответствующей привлекательной упаковке предлагает для массового потребления, с нажимом и настойчивостью проталкивая его и на наш рынок.

Всему этому мы противопоставляем нашу философию и нашу мораль — коллективизм, общественно-политическую активность, пролетарский интернационализм, классовый подход к оценке всех явлений общественной жизни. Четкая классовая позиция помогает видеть не только прогресс техники, науки и производства, но и эксплуататорскую сущность современного капитализма.

«...Ни один живой человек, — писал В. И. Ленин, — не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений...»

А вправе ли мы требовать от юного человека, чтобы у него уже сформировались твердые убеждения, не рано ли? Как, когда, в каком возрасте формируется убежденность, воспитывается верность коммунистическим идеалам? В. И. Ленин дает нам четкий ответ: в школе! Вспомним: «...наша школа должна давать молодежи основы знания, умение вырабатывать самим коммунистические взгляды...» Это из речи на третьем съезде комсомола.

Семья и школа, пионерская и комсомольская организации, литература и искусство, весь уклад нашей жизни, огромная идейно-воспитательная работа партии формируют коммунистическое мировоззрение молодежи. Но это не происходит автоматически. Реальный процесс воспитания сложен, мы сталкиваемся со многими трудностями и противоречиями, а наши идеологические враги усиленно добавляют нам забот, прекрасно понимая, на кого нужно делать ставки.

Антикоммунизм применяет ныне самые разнообразные формы и методы: от грубой лжи до скользкой полуправды, от проповеди национализма до попыток оживить частнособственническую мораль, бывающую психологией. И борьба за чистоту взглядов нашей молодежи — это не только отпор откровенной антисоветской пропаганде, это и борьба с чуждыми нашему социалистическому обществу мнениями и представлениями.

Наши дети не знают классового

угнетения, эксплуатации и безработицы, ужасов и страданий войны. И хорошо, что не знают. Но очень плохо, если мы из естественного желания, чтобы дети жили лучше нас, облегчаем им жизнь настолько, что они все благо воспринимают как само собой разумеющееся и перестают ценить преимущества социализма, перестают «замечать» те действительные права и свободы, которые обеспечивает только социализм.

Если у молодого человека отсутствует уважение к труду и людям труда, если он общественно пассивен, если все его желания сводятся к тому, чтобы иметь джинсы, туфли на платформе или магнитофон,— значит, мы просмотрели в воспитании что-то очень важное.

«Кроха-сын» всегда хотел знать, «что такое хорошо и что такое плохо». И он приходил с этими вопросами к отцу, к учителю. Но «кроха» семидесятих годов подросток во всех отношениях, его вопросы стали сложнее. И нужно слушать очень внимательно, отвечать очень аргументированно, нужно объяснять, спорить, доказывать, убеждать. И уж ни в коем случае не отмахиваться, не обрывать: «Не твоего ума дело». «Не задавай дурацких вопросов» и т. д. Иначе ответа они будут искать не у нас...

Школьники хотят, чтобы мы, старшие, учителя и родители, видели в них думающих людей, считались с ними, уважали их мнение, их человеческое достоинство, говорили с ними всерьез, без скидок на возраст, не обходя острых тем. Важность именно такого разговора с молодежью подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на XVII съезде ВЛКСМ: «Духовный мир советских людей основывается на прочном фундаменте нашего революционного учения. Формировать взгляды — значит давать убедительные ответы на волнующие молодого человека вопросы».

В наши дни становится все более очевидной зависимость личной судьбы каждого от тех событий, тех процессов общественного развития, которые происходят в мире. Эта прямая зависимость личности от коллектива, от общества воспринимается проще и осознается легче. Труднее осознается обратная связь. Поскольку непосредственное влияние отдельного поступка, поведения одной личности на явления жизни общества, как правило, заметить труднее, нередко создается впечатление, что-де от одного человека ничего не зависит, что наше личное поведение не в состоянии изменить ход определенных событий. И это находит свое отражение в попытках оправдать собственные недостатки, нерешительность, бездеятельность, равнодушие, а иногда прямое нарушение трудовой, общественной дисциплины. В значительной мере именно в силу этого так живучи остат-

ки бытательской «мудрости»: «А что я могу?», «Мы — люди маленькие», «Мне думать нечего, пусть думает начальство», «Тебе что, больше всех надо?», «Все равно ничего не добьешься» и т. п. С проявлением таких бытательских взглядов приходится встречаться и в среде вполне нормальных советских ребят.

Харьковская школьница Людмила Ш. писала в республиканской молодежной газете: «Почему некоторые смеются и не верят тем, кто открыто мечтает о трудной жизни на благо Родины?» Как ответит она сама на эти вопросы, к каким выводам придет? Хватит ли убежденности, знаний и силы воли в борьбе с теми, которые «смеются и не верят»? И окажутся ли рядом в эти трудные, переломные минуты старшие, которые помогут разобраться в сложной жизненной ситуации, поддержат в минуты сомнений, помогут убедиться в правоте высоких слов, подскажут, научат?

Сегодня довольно часто можно услышать жалобы на школьную молодежь, на ее безответственный инфантилизм. Жалобы, раздражение, негодование. «Мы были не такие...» Ребятам время от времени напоминают, что Аркадий Гайдар в пятнадцать лет командовал полком, а «мы в ваши годы одними штанами довольствовались». В горячности своей и желая детям добра, мы не замечаем, что эти доводы уже «не работают».

«Нередко бывает, — подчеркивал В. И. Ленин, — что представители поколения пожилых и старых не умеют подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы».

Это очень важно, чтобы старшие постарались понять своеобразие новых условий, в которых растет молодежь, постарались учесть отсутствие той жизненной школы, которую прошли они сами и их отцы... Нет двух разных чувств классовой ненависти к эксплуатации и фашизму, к мещанству и преступности у различных поколений. Есть единые классовые взгляды, одна классовая солидарность, одна верность коммунистическим идеалам, одно чувство ответственности за настоящее и будущее страны. И это связывает поколения в их общей борьбе за торжество идеалов коммунизма. Но по-разному формируются и воспитываются эти чувства и убеждения в разной исторической обстановке.

Если мы против затянувшегося детства и легкомыслия, если мы хотим, чтобы старшеклассники-комсомольцы серьезно, с чувством долга и ответственности относились к учению и к общественным делам, то мы должны понять, что «самостоятельность», которая распространяет-

ся у буржуазных классов, — это не самостоятельность. Если мы хотим, чтобы комсомольцы дорожили честью своего коллектива, чтобы решение организации, коллективное мнение имели вес в глазах каждого старшеклассника, мы должны относиться с уважением к этому коллективу и его решению. Если мы хотим воспитать человека, которому до всего есть дело, который завтра не побоялся высказать свое мнение, даже если это будет грозить ему неприятностями, то сегодня мы обязаны подать ему пример принципиальности, гражданского мужества, помочь выработать привычку и умение высказывать и аргументированно отстаивать свои взгляды.

Молодой человек должен многократно убедиться в том, что коллективизм, уважение к человеку, коммунистическая честность, идейность не просто декларируются, а подтверждаются поступками, поведением, жизнью старших. Он должен видеть их непримиримость к мещанству, ко всему, что мешает нам двигаться вперед, видеть их готовность вступить в борьбу с конкретными проявлениями зла, несправедливости, отсталых взглядов. Он должен видеть, что наши принципы побеждают и утверждаются пусть в трудной, но бескомпромиссной борьбе с индивидуализмом, ложью, равнодушием и приспособленчеством. И он сам должен участвовать в этой борьбе. Никакие, даже самые очевидные, истины не становятся убеждениями, если они не подкреплены личным опытом.

Наши дети у нас учатся ненавидеть классовых врагов. У нас учатся солидарности с участниками классовых боев пролетариата, у нас учатся непримиримости к мещанству, к равнодушию и апатичности. У нас учатся уважению к человеку, верности высоким коммунистическим идеалам.

Этому учатся ежедневно, постоянно. И невозможно в каждом конкретном случае определить точную дату «рождения» гражданина. Общественно-политическая деятельность — это звучит немного громко, в жизни мы привыкли к более скромным определениям: «общественная работа», «общественное поручение» и даже «комсомольская нагрузка». Но по существу это и есть общественно-политическая деятельность юного человека на пользу другим, коллективу, обществу. Эта деятельность естественно и постепенно подводит его к пониманию своей общественной сущности, общественной значимости. Человек сознает себя сыном своего класса, своего Советского государства, твердо знающим, что он любит и что ненавидит.

Ю. Колесников,
кандидат философских наук,
преподаватель
Киевского
педагогического института

Разноцветное лето

Огромная ребячья армия завладела пионерскими лагерями, спортивными площадками, туристскими базами. В 1973 году эта армия насчитывала почти 14 с половиной миллионов. А нынче еще 1 миллион школьников получают льготные путевки профсоюзов в пионерские лагеря. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению организации отдыха пионеров и школьников» предусматривает и значительное укрепление материальной базы летнего отдыха и лечения ребят, улучшение организации и содержания идейно-воспитательной, культурной, экскурсионно-туристской и физкультурно-спортивной работы с детьми.

К пионерским здравницам мы давно уже привыкли. А сравни-

тельно недавно появились лагеря труда и отдыха старшеклассников, школьные строительные отряды, зеленые патрули, пионерские лесничества, ставшие в ряд с уже известными и популярными у ребят ученическими производственными бригадами. Это — прекрасная форма соединения отдыха с общественно полезным трудом. Подросткам нравится эта деятельная жизнь, самостоятельность, возможность испытать свои силы в настоящем деле. В постановлении ЦК КПСС подчеркивается важность более широкого развития движения трудовых объединений школьников.

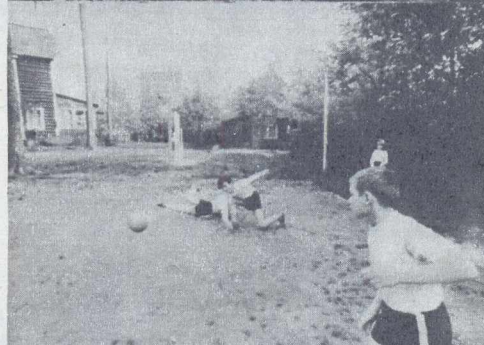

ПОКАЗАТЕЛИ РАБОТЫ
ОТРЯДОВ ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ, БЕРЕЗКО
ИЮНЬ 1974 г.

На снимках — лагерь труда и отдыха школьников из города Балашихи
Фото И. Ципина

Фотографии сделаны в пионерском лагере
«Чайка» (поселок «Заветы Ильича» Московской
области)

Фото Д. Воздвиженского

Разноцветное лето

Алый флаг на мачте, полыхание галстуков на торжественной линейке, огонь прощального костра... Главный цвет пионерского лагерного лета — красный. К месту здесь и старинное значе-

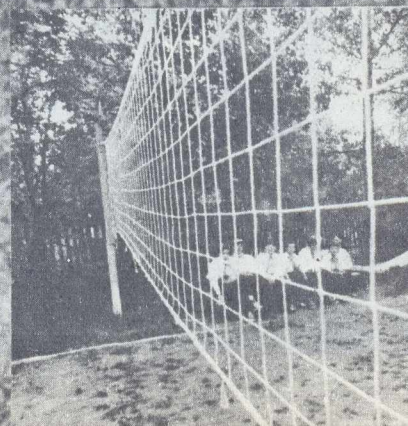
модели, вчерашний тихоня записывается в секцию бокса. Новые умения — неуклюжий ваш сын вдруг по-хозяйски орудует у плиты и лишь обижается на мамино изумление: «А что? Мы в лагере сами на кухне дежурили!»...

Стал самостоятельнее, увереннее, больше знает, больше умеет — не лучшая ли это оценка того, что дало ребятам лето в лагере?

ние этого слова: лето красное — значит прекрасное, лучшее. Уже и не один месяц пройдет, уже зимой, на перемене или по дороге из школы непременно заговорит кто-нибудь: «А помнишь, в лагере?» И начнутся рассказы наперебой: как купались, как работали в колхозе, как были разведчиками в военной игре, как варили кашу в походе, как совсем уж было выиграли у старшего, первого отряда, да подвел один мазил... Для ребят дорожке всего живые, занятные эти подробности, а мы вспомним другое: как переменился сын за лето.

Подрос, возмужал — это мы увидим сразу. А потом заметим: не только в этом перемена. Новые друзья появились, новые интересы — вчерашний «гуманитарий» вдруг принимается строить

Отчего бывает трудно первокласснику?

На пороге школы — новые тысячи ребят, первоклассники 1974 года. И о каждом из них заранее тревожатся в семье: как-то сложится начало школьного пути? Одних родителей беспокоит, сумеет ли ребенок привыкнуть к новому режиму, других — как будет относиться к нему учительница; кто-то думает, что сын слишком робок и «потеряется» среди бойких сверстников; иных волнует, что не научили малыша читать, а большинство его товарищей уже умеют.

А сами ребята? К счастью, у них тревог гораздо меньше. Как правило, будущие первоклассники с радостью и нетерпением ждут первого сентября: их привлекает и внешняя сторона школьной жизни, и то, что они теперь уже «не маленькие», а — ученики. И самое важное — они *хотят* учиться. Пусть первоклассник лишь в самых общих чертах представляет содержание и цели своих будущих занятий; чрезвычайно важна сама готовность к усвоению знаний. Именно она помогает первокласснику быстро и в большинстве случаев безболезненно усвоить первые требования, касающиеся его новых обязанностей, правил поведения в классе, распорядка дня.

Эта готовность к учению нуждается, конечно, и в родительской поддержке. Те случаи, когда ребенок встречает школу не с радостью, а, скорее, с опасением — как правило, следствие досадных ошибок взрослых. Неоправданно представлять малышу школьную жизнь лишь как источник развлечений и радостей; но еще хуже заранее подчеркивать и предсказывать те трудности и беды, которые его там ждут. Позиция взрослых должна быть спокойной, деловой и ободряющей. Пусть ребенок заранее почувствует: дома понимают важность его новых обязанностей, ждут от него старания и ответственности, верят в его силы и готовы прийти на помощь.

Но какова должна быть родительская помощь? Первокласснику не всегда удастся сразу привыкнуть к «новому образу жизни»: режиму, необходимости спокойно сидеть на уроках, обязательности домашних занятий и т. п. Родительское стремление облегчить эти трудности, в какой-то мере взять их на себя — понятно, но и чрезвычайно рискованно. Приучать ребенка к режиму «потихоньку» или, скажем, выполнять за него часть заданий в надежде, что он «попривыкнет к школе» и потом все будет делать сам — не лучший способ помощи. Именно на са-

мых первых порах крайне важно четко и однозначно показать ему, что входит в круг его новых, его собственных обязанностей. Не бойтесь, что, требуя их выполнения, вы окажетесь слишком строги — первоклассник примет их без сопротивления, а, скорее, с готовностью, если почувствует, что они — не невесть откуда взявшиеся тяготы, а обязанности, присущие его новому «общественному положению».

Мы сказали в начале, что желание учиться свойственно подавляющему большинству первоклассников. Однако одно лишь оно не может обеспечить успеха в учебной работе; для этого необходимо и ряд других качеств, неразвитость которых проявляется весьма скоро и мо-

Неприученность к труду заметнее всего проявляется у тех ребят, у кого до школы не было дома каких-либо постоянных трудовых обязанностей

жет свести на нет первоначальную готовность к учению.

Что же мешает первоклассникам успешно учиться? Оговоримся заранее: речь пойдет не о частных трудностях («грязно пишет», «не любит читать», «плохо считает»), а о некоторых более общих недостатках, сказывающихся во многих видах учебной работы.

Неприученность к труду. Она проявляется заметнее всего у тех ребят, у кого до школы не было дома каких-либо постоянных трудовых обязанностей. К таким обязанностям взрослые часто относятся пренебрежительно: что, мол, можно поручить малышам, какая от них помощь? Помощь может быть и в самом деле невелика, зато важно другое: именно в таких постоянных домашних делах формируются качест-

Недопустимо, когда родители, будучи не в силах победить «бестолковость» ребенка, прямо или косвенно подсказывают ему ответ и довольны хоть тем, что он старательно и аккуратно его записывает

ва, существенно значимые для учебной работы: ответственность, способность доводить дело до конца, умение оценивать качество работы и ее результат. Если же всего этого нет, то первоклассник, как правило, работает очень неровно: с тем, что легко и интересно, справляется, а остальное — кое-как. Но своеобразная ситуация здесь в том, что во всех случаях школьник обычно старается и потому уверен, что может рассчитывать на хорошую оценку. Исследования установили, что значительная часть ребят в первом классе еще не умеет разделить старание и результат; для них самое главное именно в том, что они «старались из всех сил».

Взрослые должны учитывать особенность этой ситуации. Слова «опять не стараешься», которыми они порою так легко бросаются, обидны для малыша, потому что чаще всего они несправедливы; старание непременно должно быть замечено. Но нам следует явственно показать ему и другое: оценивается, прежде всего, то, что получилось, результат работы. Школьника надо научить сопоставлять его с теми или иными образцами (скажем, написанные им буквы — с прописями и т. п.). Из такого сопоставления определится и ближайшая цель: не вообще «научиться хорошо писать», а конкретно — не допускать тех или иных ошибок. Выделение последовательности таких целей очень помогает ребенку: они как бы направляют его работу и позволяют пережить столь важное чувство успеха, когда цель достигнута, когда умение освоено. Разумеется, этот успех следует заметить и взрослым: их одобрение является самым сильным «подкреплением» в первую пору учения.

Интеллектуальная пассивность. Речь идет о том, что в обиходе называется «не хочет думать». Характерно то, что во всем остальном такие первоклассники ничем не хуже других: они внимательно слушают учителя, старательно и обычно даже аккуратно выполняют ту часть работы, где достаточно простого копирования (скажем, при переписывании текста упражнения или задачи). Трудности начинаются лишь там, где требуются умственные усилия. А они для ребенка непривычны — и начинаются поиски обходных путей: вместо понимания текста — дословное зазубривание, вместо решения задачи — списывание, угадывание или подгонка ответа. Причем, если говорить о первоклассниках, «ложный путь» может быть и непреднамеренным: когда первоклассник «решает» задачу, заглядывая через плечо соседа, еще не стоит видеть в нем злостного лентяя. Он хочет быть «не хуже других» и искренне уверен, что решит задачу и получит ответ — одно и то же. А поскольку ребенок не знает, что нужно делать, чтобы задача решалась, он и находит такой путь.

Причины умственной пассивности обычно находятся в особенностях жизни ребенка до школы: бедности интеллектуальных впечатлений, неразвитости интересов. Мнение же иных родителей, что дело тут в «природе» ребенка, необоснованно. В экспериментах психолога Л. С. Славиной дети, не справлявшиеся с простейшим счетом, достаточно быстро освоили те же и более сложные задания, когда они были включены в игру, занимательную для ребят и сулившую им награду при правильных ответах. Пример этот вовсе не о том говорит, что лучший способ борьбы с умственной пассивностью — конфетка или мороженое. Он лишь

свидетельствует, что в таких случаях мало одного лишь нажима или требования «Подумай!»; необходимо активизация умственных сил ребенка. Помогут ли тут дидактические игры или дополнительные занятия — надо решать вместе с учителем. Одно лишь абсолютно недопустимо: когда родители это недостающее звено в учебной работе школьника берут на себя, когда они, будучи не в силах победить «бестолковость» ребенка, прямо или косвенно подсказывают ему ответ и довольны хоть тем, что он старательно и аккуратно его записывает. И «неумение думать» закрепляется, не осознается самим школьником. Да и учителем, если в тетрадках все в порядке, может быть замечено далеко не сразу.

Здесь уместно сказать о том, как следует относиться ко всякого рода дополнительным занятиям с первоклассниками. В школе такие занятия обычно проводятся с отстающими; да и дома, так или иначе, какую-то часть работы школьнику порою приходится не раз и не два переделывать, чтобы достичь требуемого качества. Существенно тут вот что: чтобы такая работа ни в коем случае не воспринималась детьми как наказание.

В одной школе, где проводились психологические исследования, было установлено такое правило: все ребята, выполнившие задание недостаточно хорошо, должны были оставаться на дополнительные занятия. Деления на лучших и отстающих не было: заниматься приходилось каждому, чья работа сегодня была не на уровне. Такое требование не вызвало у ребят протеста; они охотно оставались, «чтобы потренироваться». Одним достаточно было того, что их сегодня оставили, чтобы выполнить работу безукоризненно; другим требовалась помощь учителя; но так или иначе, продвижение было заметно у всех.

Постарайтесь и вы избежать отзвuka наказания при контроле за домашней работой первоклассника. Не надо выговаривать ему: «Плохо написал, не старался! За это — перепиши еще два раза». Полезнее будет спокойно сказать: «Эта буква у тебя еще плохо получается. Надо поучиться». Напиши еще три строчки и будь внимательнее».

«Надо поучиться» — такой подход будет плодотворен и по отношению к тем трудностям, которые связаны не с самой учебной работой, а с поведением первоклассника. Вести себя «как нужно» удается сразу далеко не всем: одни разговаривают на уроках, другие «вертятся», третьи без спросу «включаются» в разговор учителя с отвечающим у доски. Это вовсе не «злостные нарушители дисциплины», их промахи — большей частью — от неумения себя вести; но так или иначе, они мешают учителю — приходится унимать или наказывать шалунов. Когда та-

кие порицания выпадают на долю ребенка с первых дней и постоянно, первоначальная тяга к школе может быстро смениться сначала антипатией к учительнице, а потом и нежеланием учиться.

Реальный путь воздействия, если вас призывают «принять меры» — конечно, не в одних лишь упреках и наказаниях, как и не в абстрактных призывах «хорошо себя вести» (уверены ли вы, что малыш понимает, что от него конкретно требуется?). Вот здесь и надо ясно и четко показать ему, чему предстоит научиться, раз уж он теперь школьник. Задание «болтуну» — «постарайся сегодня на уроках не разговаривать» — гораздо понятнее для него, чем требование «вести себя как надо». Такого рода заданий и целей можно наметить немало; важно не ждать от ребенка мгновенного исправления и отмечать каждый его успех в «работе над собой». Причем существенно, чтобы цель была поставлена заранее, а не тогда, когда школьник уже «проштрафился».

Если детям дают лишь готовые правила и определения, и на их долю остается только запомнить их, интеллектуальная творческая активность, столь свойственная натуре каждого ребенка, ослабевает, интерес к учению, столь живой вначале, гаснет

Это правило применимо, кстати, и к самой учебной работе: если вы знаете, к примеру, что ваш сын поспешен и оттого небрежен, лучше перед началом домашней работы поставить перед ним цель — «не торопись», чем одергивать по ходу дела.

Еще одна группа трудностей у первоклассников связана с оценкой своих возможностей и уровня притязаний. Так или иначе, но мнение о себе складывается у ребенка еще до школы: его формирует и семья, и детский сад, и общение со сверстниками. Теперь же именно учебные успехи, отмечаемые в школе и дома, оказываются решающими, подтверждают или опровергают прежнее мнение. Представление о своих возможностях, складывающееся на первых порах учения, может оказаться очень стойким и в чем-то предопределить весь дальнейший школьный путь.

Украинский психолог Н. И. Бутовская исследовала, как складывается у младших школьников такое важное качество, как уверенность в себе. Оказалось, что «уверенными» можно считать лишь 30 процентов первоклассников. Что же остальные? Эксперимент показал, что примерно 12 процентов ребят относятся к категории неуверенных, 8 процентов — к самоуверенным, а половина всех семилеток еще не определила отношения к себе, еще не имеет четкого представления о

своих возможностях. Это понятно: вся жизнь ребенка с приходом в школу меняется, и ему нужно время, чтобы примерить свои силы к новым требованиям и оценить себя. Но из этого следует очевидный педагогический вывод: сколь же осторожными должны быть взрослые, оценивая в эту пору возможности ребенка. Ведь именно их мнение: суждение учителя, оценки родителей и окружающих — в решающей степени формирует самооценку школьника.

Как показало исследование, в число неуверенных попали не одни лишь слабые ученики; здесь были и те, кто учится на 4 и 5. Неуверенность здесь возникла оттого, что эти школьники больше внимания обращали на трудности, чем на свои возможности их преодолеть. И важнейшая воспитательная задача взрослых — показать ребенку эти возможности, подтвердить их оценкой его труда. Что же касается тех, чья неуверенность оправдана, то тут необходимо, если можно так сказать, «ободряющая перспектива», указание на те особенности работы и частичные достижения, которые дают надежду на будущие успехи.

Но, пожалуй, наиболее сложная задача — преодоление завышенной самооценки, притязания ребенка на исключительное первенство. Мы должны понимать, что утрата его, даже «по справедливости», всегда болезненна для маленького человека. Ведь притязания не возникают из ничего: они опираются или на какие-то реальные его достижения, или на завышенную оценку окружающих, культ ребенка в семье. Скажем, умение читать или писать дает, на первых порах, легкую возможность оказаться среди лучших. Однако это — временное превосходство; оно перестает действовать, когда этими умениями овладевает весь класс. Если же у школьника, вдобавок, не сформируются умения трудиться, вполне реальна опасность из лучших перейти в отстающие. Конечно, опытный учитель в силах избежать этой опасности; он сумеет показать «самоуверенному», что ему есть чему поучиться у товарищей, найдет способ наглядно продемонстрировать их сильные стороны. К сожалению, именно родители оказываются порою здесь невольными врагами своих детей: продолжая подчеркивать исключительность ребенка, они невольно (а то и прямо) приводят его к мысли, что в школе его недооценивают, не понимают. Это отдаляет школьника от учителя, от класса и, в конечном итоге, вызывает утрату интереса к учению как к общему делу, ставит его вне коллектива.

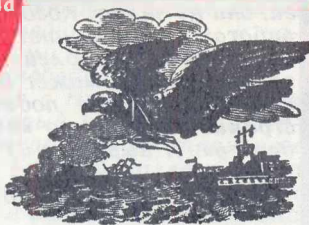
Трудности во взаимоотношениях с учителем могут быть вызваны и другими причинами. Что скрывать — не каждый учитель в силах сразу безошибочно разобраться в характере ребенка, оценить мотивы его поступков, найти эффективные спосо-

бы влияния. И вы ничем не нарушите его права и полномочия, если придете ему на помощь. Разумеется, не следует заранее становиться на позицию защиты ребенка от «несправедливости»; скорее стоит попытаться взглянуть на своего сына или дочь глазами учителя: а вдруг в его суждениях, пусть и огорчительных для вас, откроется что-то не замеченное, упущенное вами?

В заключение отметим еще одно обстоятельство, само по себе благоприятное и, тем не менее, могущее стать источником трудностей. Известно, что сейчас дети приходят в школу гораздо более подготовленными, чем 15—20 лет назад. Радио, телевидение, серьезные занятия в подготовительной группе детского сада — все это способствует развитию малышей. Но может случиться так, что некоторые первоклассники, сначала очень активные и усердные, ко второй половине учебного года вдруг становятся вялыми, незаинтересованными или превращаются в озорников. В чем тут дело? Наблюдения показали: если детям дают лишь готовые правила и определения и на их долю остается только запоминать их, интеллектуальная творческая активность, столь свойственная натуре каждого ребенка, ослабевает, интерес к учению, столь живой вначале, гаснет. Внешние же атрибуты школьной жизни, столь привлекавшие в первые дни малышей, становятся привычными и тоже не могут одни поддерживать интерес к школе.

Как же можно предупредить это раннее «насыщение» учением? Современные исследования психологов и у нас и за рубежом показывают, что необходимо так строить занятия, чтобы «сталкивать» самих детей с проблемными ситуациями (конечно, доступными им), чтобы ученик и дома и на уроке был включен в активный поиск путей и средств решения тех задач, которые перед ним поставлены. Такая «исследовательская» работа в высшей степени привлекательна для ребенка, потому что он видит в ней доверие к его силам. В такой работе формируются внутренние мотивы учения, столь нужные для всей дальнейшей учебной деятельности ребенка.

Мы рассказали, конечно, далеко не о всех трудностях, которые могут встретиться первокласснику в начале школьного пути. Хотелось бы, однако, чтобы вы приняли главную мысль этого разговора: не нужно винить в этих трудностях ни школу, ни «незадачливую природу» вашего ребенка. Они возникают от того, что он многого еще не умеет. Неумение это преодолимо. Довести эту мысль до сознания ребенка, показать ему понятно и реально, «чему надо научиться» — значит во многом уберечь его от трудностей в будущем.

«Парус»

В средней школе № 41 Липецка я познакомилась с клубом «Парус». Откроем дверь, войдем в школу. Вестибюль, лестница, классы. Все обычно. Разговаривают, смеются, спешат кто куда ученики. Перемена есть перемена. Поднимаемся на третий этаж. Как вы думаете, что может поразить приезжего учителя в школе на большой перемене? Тишина. Такая, которая бывает только в музее. Здесь на третьем этаже действительно музей. Представьте себе стену, выкрашенную светловышневой краской. На этом фоне чудесно смотрятся красивые, пышно разросшиеся цветы. Но вот вы отводите взгляд от нежной зелени и замираете в изумлении. Роспись на противоположной стене изображает сцены из стихотворения Лермонтова «Бородино». Выполненная тремя красками: вишневой, желтой и черной, она очень выразительно передает сцену боя. На других стенах и стойках, которые разделяют помещение на несколько секций, представлены экспонаты, рассказывающие о Лермонтове, местах, где бывал поэт.

Я не рассчитываю у кого-нибудь вызвать удивление перечислением и описанием «сокровищ» музея, хотя интересного тут немало. Хочется остановить внимание на другом: всё в школьном музее — рамочки, фотографии и иллюстрации к произведениям Лермонтова — сделано руками ребят. Сделано мастерски, а главное, с большой любовью. И в этом заслуга учительницы Аллы Матвеевны Шаталовой.

Восемь лет назад открылся в школе клуб «Парус». Учительница много рассказывала ребятам о своем любимом поэте — Лермонтове. А потом решили поехать в Тарханы. О том, какое впечатление произвела на ребят эта поездка, рассказывают их стихи, зарисовки. Ребята из «Паруса» приехали в Тарханы не просто туристами. Они привели в порядок усадьбу, расчистили сад, а позже добились того, чтобы вблизи музея запретили хозяйственное строительство.

А вот фотографии — сцены из спектакля, который привезли ребята

с собой в подарок жителям Тархан. Потом были поездки на Кавказ, встречи с интересными людьми. Об этом рассказывает целая серия снимков, ребячьих стихов, лирические миниатюры, рисунки.

Сейчас у ребят из клуба «Парус» обширная переписка, их знают многие лермонтоведы. Им пишут, их благодарят, и они продолжают свою работу. Еще многое предстоит сделать для оборудования музея.

Алла Матвеевна, организатор и руководитель клуба, с гордостью говорит: «Мы научились все делать сами. Потребовались для рамок стекла — научились вырезать их с максимальной точностью. Хотелось иметь хорошие снимки — научились фотографировать. К тому же мы — и маляры, и столяры, и плотники, и художники, и поэты, и артисты. И деньги на поездки ученики тоже зарабатывают сами. В общем скучать некогда».

Понимаешь, что название для клуба выбрано не случайно. Это не только образ, который часто встречается в лермонтовских стихах. Парус способствует движению... Так и школьный «Парус», поднятый учителем, ведет ребячий коллектив, помогает делать жизнь насыщенной и целеустремленной.

Н. Нестерова,
учительница
г. Елец

Спортивный праздник

На собрании жильцов дома зашел разговор о детях. Близился к концу учебный год, кто-то предложил отметить это событие спортивным праздником. Домовый комитет обратился в ЖЭК. Дали волейбольную сетку и мяч. Но где взять призы? Тогда мы решили поговорить с са-

мими ребятами. Если соберем много макулатуры, то и деньги для призов появятся. Ребята загорелись, обошли все ближайшие дома, побывали на почте, в соседнем училище. Красочно оформленная «молния» подвела итоги:

«Ребята нашего дома собрали 200 килограммов макулатуры, 10 килограммов шерстяного и 25 килограммов хлопчатобумажного сырья. Из этого можно изготовить 3500 тетрадей, 6 метров новой шерстяной ткани, валенки, войлок, вату. Собранная макулатура сохранит от вырубки 1 кубометр леса и позволит сэкономить 200 киловатт-часов электроэнергии. Так держать! Молодцы!»

К спортивному празднику ребята разравнивали площадку, поставили футбольные ворота, разметили дорожки для велосипедных состязаний, сделали большую мишень для стрельбы из лука. Программа намечалась большая: турнир по настольному теннису, шахматный турнир для младших школьников и старшеклассников, состязания футбольных снайперов, велосипедистов, набрасывание колец, стрельба из лука.

В день праздника на спортивной площадке собралось много болельщиков. Особое оживление вызвало шуточное состязание велосипедистов «Тише едешь — дальше будешь». Оказывается, не так просто ехать медленно. Упорной оказалась борьба и у «пенальтистов». Нашлись в доме неплохие стрелки из лука. Так, Саша Сергеев выбил 43 очка из 50 (стрелы и лук были самодельными). Наступил самый торжественный момент: тринадцать ребят получили призы, а Юра Гаврилов, Саша Чумейкин, Сережа Щепин стали абсолютными чемпионами в трех видах соревнований, Леня Куликов одер-

Фотографию прислал
Б. Романов (Москва)

жал две победы. Всего разыгрывалось 24 приза: цветные карандаши, удочки (какой мальчишка откажется половить рыбу), шашки. Всем участникам соревнования вручили тетради для рисования.

Праздник настолько понравился ребятам, что они решили повторить его для малышей. На фанерных щитах, покрытых лаком, сделали аппликации. Изготовленные сувениры и игрушки пошли на призы. Общие интересы сдружили и сблизили ребят во дворе.

А. Голубев,
конструктор
г. Иваново

Спустя двадцать лет

У нас хорошая семья, правда, маленькая: муж, сын и я. Но разговор не о нас и в то же время о нас. Я всегда любила читать, но читала как-то все подряд. А узнала, что можно и нужно иначе относиться к книгам, когда вышла замуж. Муж рассказывал много о писателях и всегда добавлял: «Вот бы ты послушала мою учительницу литературы». У нас уже рос сын, пошел в школу. С первого класса учится на четыре и пять, но бывает всякое. В воспитании приходится мне действовать на свой страх и риск. А муж все время сравнивает со своей любимой учительницей — как бы она поступила, что бы она сделала?

Самым большим желанием мужа было познакомить меня и сына с этим человеком. И вот всей семьей

мы поехали в Феодосию и разыскали Олимпиаду Константиновну Миргородскую.

Да! Это действительно удивительный человек, прекрасный знаток и ценитель литературы. Книги для нее — самое дорогое богатство. Слушавшая Олимпиаду Константиновну, я невольно почувствовала волнение. Наверное, такое же душевное волнение испытывали на ее уроках ученики.

Старая учительница вспомнила своего ученика, первая назвала его фамилию. Меня это просто поразило, ведь учился он у нее давно.

Сейчас она уже на пенсии, консультирует молодых преподавателей. Через журнал мне хотелось бы поблагодарить Олимпиаду Константиновну за ее благородный труд, за то доброе, что она подарила тем, кто у нее учился.

Л. Донская
г. Уфа

Не только для себя

Считаю, над статьей «Нельзя Олю на хозрасчет», опубликованной в № 4, должны задуматься многие родители. Мне тоже хочется поспорить с Олиным папой, который смотрит на школьников как на бездельников и дармоедов. Я как учитель, может быть, лучше других знаю, что учение — прежде всего труд, упорный, настойчивый, не даром про тех, кто плохо учится, всегда говорят: не умеет трудиться.

Но, конечно, нельзя впадать и в другую крайность — баловать детей, отстранять и оберегать их от всего. У нас растет сын Юра. Моя жена — тоже учитель. Сын-шестиклассник много помогает по дому, ходит за продуктами, сам покупает необходимые школьные принадлежности. Он всегда причастен к семейным заботам. Участвует в наших семейных советах, когда обсуждаем, как распределить зарплату, что купить. Сын деньгами не избалован, деньгам счет знает.

У Юрика много хороших вещей: альбом с марками, своя библиотека, большой аквариум, велосипед. Но это не делает его ни зазнайкой, ни жадным, ни собственником. Потому что он привык думать о других, да и участие в школьных общественных делах — будь то уборка класса или сбор металлолома — оказывает свое благотворное влияние, когда результаты труда становятся общим достоянием.

А работать школьники могут, но, думается, только в каникулы. У меня есть знакомые, чьи дети-старшеклассники каждое лето трудятся: мастера на макаронной фабрике из фанеры ящики или убирают в совхозе овощи. Заработанные деньги идут в общий бюджет семьи, часть выделяется, конечно, и для нужд детей. И в этом есть не столько материальный выигрыш, сколько моральная польза. Ведь нередко у ребят запросы большие, а как достаются день-

ги, они не знают. Когда же сами поработают, то начинают понимать цену копеек и рублей. Только при таком подходе может быть полезен хозрасчет. Иначе подросток будет стремиться из всего «выколачивать деньги». И вырастет из него стяжатель.

В. Чупыркин,
учитель
г. Шумерля

В детском саду и дома

Я работаю в подготовительной группе детского сада. Скоро наши дети пойдут в школу. Глядя на своих подросших ребят, с удовлетворением отмечаем: многое из того, что хотелось бы видеть в детях, привилось им.

Детский сад готовит детей к школе. Но мы не только развиваем ребят. Старания и заботы направлены еще и на то, чтобы устранить причины, которые могут помешать ребенку успешно учиться.

Когда четыре года назад мы приняли новую группу, то сразу выделилось несколько детей: нервные, драчливые, непоседливые. Конечно, такие дети доставляют много хлопот. Но другими глазами мы стали смотреть на своих озорников, когда поняли причины их поведения. Грубость, напряженность в семье, где отец пьянствует и дебоширит, разве это может пройти бесследно?

На наше вмешательство один такой отец прореагировал бурно, просил не вмешиваться в его семейную жизнь. Потребовалось немало усилий, чтобы он наконец понял, что мы правомочны вмешиваться, если речь идет о здоровье и спокойствии ребенка. Не сразу, конечно, но все же намелись кое-какие перемены: отец вовремя стал выключать телевизор, не сквернословил в присутствии сына. Мы приносили отцу книжки о детях, педагогическую литературу, привлекали его к работе в детском саду, попросили отремонтировать игрушки, постройки на участке.

При близком знакомстве выяснилось, что есть все-таки хорошие черты в этом, казалось бы, пропащем человеке: он дорожил своей трудовой репутацией и гордился тем, что на хорошем счету в коллективе. Мы поговорили с его товарищами по работе, а они сумели повлиять на него. В результате в семье надолго воцарился мир, но был один изъян в этом благополучии: отец большую часть заработанных денег же не отдавал. Снова встречи, разговоры с отцом, незаметно мы подводили его к тому, что ребенку нужно купить свитер, заплатить за детский сад, приобрести кушетку, так как у мальчика нарушение осанки и спать на мягкой постели ему нельзя. Нам хотелось не только восстановить покой и тишину в этой семье, но и добиться того, чтобы у ребенка был настоящий отец — заботли-

вый, внимательный. Это был самый трудный «семейный случай», и наконец, поэтому так гордимся мы одержанной победой.

Иначе было с Ниной. Справиться с отцом, который нередко в нетрезвом виде приходил за ребенком, нам тоже помог рабочий коллектив. Но характер Нины по непонятным для нас причинам долго не менялся: она оставалась все такой же капризной, непослушной. Причину все-таки удалось установить после неоднократных визитов в семью. Оказалось, все внимание родители отдавали младшему сыну, забыв о том, что Нина тоже маленькая и нуждается в ласке и внимании. Родители поняли свой промах. И девочка расцвела, развились ее способности, она лучше всех в группе стала рисовать, хорошо рассказывает сказки, охотно читает наизусть стихи.

Работа над характером Сережи тоже потребовала много усилий. Долгое время Сережа оставался жестоким, драчливым. Мать Сережи — женщина замкнутая, ничего нам не рассказывала. Но вот мы подметили: когда Сережа бьет детей, то хвастается, что такой же сильный, как папа.

И вот мы решили повлиять на отца, используя его большую любовь

к сыну. Приготовились к плохому приему, но на удивление отец встретил воспитателей приветливо, ведь мы пришли посмотреть, как живет ребенок в новой квартире. Выбрав момент, когда вышли жена и сын, я начала трудный разговор с отцом. Предельно внимательно выслушал меня отец Сережи, ни разу не перебил. По выражению его лица я поняла, что он впервые взглянул на себя глазами ребенка и всерьез задумался над тем, каким растет его любимый сын. Любовь к сыну победила. Отец изменился, стал внимательнее к жене. Сейчас в этой семье тоже все обстоит благополучно. В характере Сережи наметились сдвиги к лучшему: он стал ласков с матерью, воспитателями, очень любит малышей, проявляет заботу о них. Его маму мы пригласили провести с детьми беседу о своей работе. А когда мы разговаривали с детьми о мамах, Сережа очень тепло рассказывал о том, как они с папой помогают маме по хозяйству.

Когда уходят от нас «выпускники», мы, конечно, волнуемся, беспокоимся за них. Хочется, чтобы и дальше у ребят все сложилось хорошо. Вряд ли что могут сказать скупые сведения о родителях, которые собирает школа: где и кем работают. Хотелось, чтобы учителя спросили и нас о характере детей и родителей. Думается, что полезными оказались бы педагогические наблюдения воспитателей детского сада. Ведь так важно, чтобы многое из того, что делали мы, продолжила и закрепила школа.

Т. Федина,
воспитательница
детского сада № 9
завода тяжелого машиностроения
г. Электросталь

из переписки

Г. Бубенцову (Удмуртская АССР): Если по состоянию здоровья ученик не может заниматься физическим трудом и это подтверждает медицинская справка, то его освобождают от участия в уборке класса.

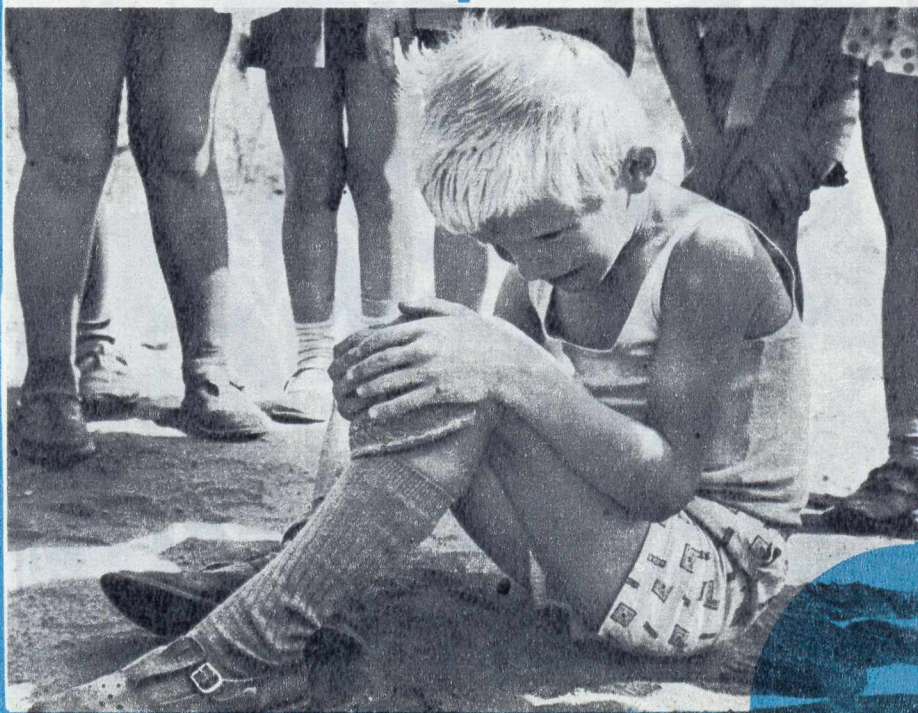
Снежане Красиной (г. Минск): Хотя ты и занимаешься в музыкальной школе, но научить брата игре на фортепьяно вряд ли сможешь. Уроки музыки должен давать только специалист. Но вместе с братом вы можете слушать музыку, разучивать песни.

Е. Вершковой (Калининская область): Если имя ребенку дано было без участия матери, она может изменить его. Вы можете называть девочку тем именем, которое Вам нравится и которое, на Ваш взгляд, ей больше подходит. И девочка будет считать его с детства своим. Но вносить изменения в метрику до совершеннолетия не разрешается. По закону перемену имени можно оформить только после того, как дочери исполнится 18 лет.

Л. Назаретовой (г. Кривой Рог): Рассматривать при гостях подарок и прикидывать, сколько он стоит, разумеется, неприлично. Тем более не стоит показывать свое разочарование или неудовольствие и таким образом обижать того, кто проявил к вам внимание.

Фотографии прислали
Л. Колтунов (г. Липецк),
Е. Коктыш (г. Минск)

«Только те родители делают по-настоящему доброе дело, которые воспитывают трудовые навыки у детей с самого раннего возраста».

Из речи

*товарища Л. И. Брежнева
на XVII съезде ВЛКСМ*

Сначала была коробочка...

Директору одной из школ на Кубани как-то пришлось читать лекцию в колхозной мастерской. Среди слушателей он увидел много механизаторов, бывших учащихся его школы. После лекции он подошел к доске показателей социалистического соревнования. Сначала педагог обратил внимание на то, что против многих фамилий выпускников его школы стоят приличные цифры — свыше ста процентов. Но и самые низкие показатели тоже дали его питомцы... Директор спросил инженера:

— Почему токарь Алексей Л. не выполняет нормы? Что он — лодырь?

— Нет, другая у него беда, — говорит инженер. — Ему ничего не стоит выточить болт диаметром в десять миллиметров из железа в полтора дюйма. Работа лишняя и перерасход материала...

— А что за причина у шофера Сергея З.? — интересуется директор школы.

— Неряшлив очень, — вздыхает инженер. — Ключи, болты, гайки, прочие детали его машины можно найти в любом углу мастерской. Разнесет, а потом ищет. Вечно у него автомашина на веревках. На такой машине план не выполнишь.

— Вижу я, и механик Игорь Ш. у вас не в передовых ходит...

— Верно, — подтверждает инженер, — ему сообщать надо, а он как семь лет назад отучился, так дальше ни шагу...

— Ну а Борис Ю., электротехник, ведь он в школе учился лучше всех! С ним-то что случилось?

— Голова у него толковая, да настойчивости нет. Ни одно дело до конца не доводит. Другим за него придется доделывать.

Горько было директору узнать все это. Значит, школа не воспитала в молодых людях настойчивости, аккуратности и прилежания.

Обо всем этом говорили на школьном педсовете, думали, искали, в чем причина такой неважной подготовки учеников к трудовой деятельности. Сложная это проблема, не единственная у нее отгадка, не одно решение. Кто-то из педагогов, размышляя вслух, напомнил коллегам, как еще в начальных классах учителя охотно заменяют, бывает, уро-

ки труда русским языком или математикой... Может быть, отсюда начинается беда?

Да, есть в школе такие специальные уроки — уроки труда. Ведутся они прямо с первого класса и ставят целью развитие трудовое воспитание детей, начатое в семье и детском саду. Вот что сказано в «Объяснительной записке» к учебной программе начальной школы:

«Трудовая политехническая подготовка в начальных классах общеобразовательной школы — органическая составная часть единой системы обучения, воспитания и развития учащихся. Она имеет целью:

а) расширение трудового опыта детей, их знаний о производственной деятельности людей, о технике; воспитание в духе трудолюбия, коммунистического отношения к труду и людям труда;

б) развитие трудовых умений, основ трудовой культуры, умения планировать и организовать свою работу и работу товарищей;

в) развитие и воспитание учащихся на уроках труда: умственное, нравственное, эстетическое, физическое.

Особое внимание при этом обращается на развитие у детей основ конструкторских умений и способностей в процессе выполнения практических работ на уроках технического труда, на проведение опытнической работы по выращиванию растений на уроках сельскохозяйственного труда.

Условием для достижения этих задач является умственное развитие детей, повышение их самостоятельности в выполнении трудовых заданий».

Значит, в начальных классах основной смысл уроков труда состоит не столько в изготовлении какой-то вещи, хотя итогом урока всегда бывает готовое изделие, а в самом трудовом процессе, во время которого ученики получают определенные знания о материалах, с которыми работают, овладевают умением обрабатывать материалы простейшими инструментами, приучаются к экономному расходованию материалов, к аккуратности, точности, усидчивости, учатся доводить дело до конца, развивают свои конструкторские способности и творческую смекалку. Как раз те качества, которых не хватало питомцам школы, о котором шла речь в начале. Не так ли? Директор этой школы и учителя, как видите, самокритично отнеслись к своим просчетам и, конечно, сделали на этот счет практические выводы. Но только ли в руках школы трудовая подготовка наших детей?

Ребенок пошел учиться. Родители заранее уже озабочены тем, как будут помогать ему по математике (в некоторых школах даже специальные занятия с родителями проводятся!) и по письму. Пение, рисование и труд, конечно, в расчет не берутся, ведь никогда же не быва-

ет, чтобы школьник не успевал по труду.

Может быть, «двойки» по труду и в самом деле встречаются редко, но сплошь и рядом случается, что ученик неважно справляется с заданиями на уроках труда. И плохо, когда родители считают: подумаешь — коробочку не хочет клеить, чепуха какая...

Опытные учителя знают, как важно познакомить родителей с тем, что дети делают на уроках труда, объяснить, чем важен тот или иной вид трудовых занятий и какое отношение имеет к общему развитию и к успеваемости по «основным предметам». И если родители станут живо интересоваться всеми поделками детей, одобрять удачное, оказывать всяческое внимание и уважение к трудовому старанию, ребячье рвение умножится.

Как правило, дети младшего школьного возраста не имеют еще устойчивого интереса к какому-то отдельному виду труда. Этим и объясняется, что зачастую кружки «умелые руки» в начальной школе бывают временными. После того как определенная задача выполнена, кружок может изменить и содержание работы, и свой состав. Например, перед Новым годом открывается «Мастерская Деда Мороза». Подготовив украшения на елку и костюмы для выступлений, мастерская закрывается.

Значит, хорошо, когда в школе есть несколько групп юных умельцев — по интересам. Однако учителю одному трудно организовать их работу. В этом случае помощь родителей неocenима.

Предположим, ваш сын-первоклассник с восторгом отзывается об уроках труда: ему все интересно. Это прекрасно, но это пока только одна сторона дела. Спросите у учителя, что у сына получается и что не получается и почему. И не исключено, что вы услышите не весьма приятные для себя вещи: да, мальчику все нравится, он очень эмоционален, но... неусидчив, разболтан, не умеет работать доводить до конца. А кому-то, возможно, мешает недостаток внимательности: недослушает, недопоймет задание и делает все не так. Другой неаккуратен: коробочку клеит так, что потоки клея заливают и «изделие», и парту, и соседей. Третий вырезает требуемый маленький кружочек из самой середины большого листка цветной бумаги — никак не сообразит, как тут нужно сэкономить. Кто-то делает только то, что у него сразу получается, а если не выходит, бросает, не желает пробовать еще раз — явно не хватает настойчивости.

Вот вам уже предмет для родительских размышлений и забот. Дурные качества в характере и стиле поведения ребенка не должны усугубляться. Поэтому всегда и везде — в игре, в учебных занятиях, в домашнем самообслуживании, в се-

мейном труде — последите именно за этими тревожными моментами. Когда нужно, подкажите, посоветуйте, поправьте, покажите, как надо. Ведь задача родителей в данном случае полностью совпадает с задачами школы воспитать важнейшие трудовые навыки: усидчивость, точность, аккуратность, творческую смекалку, умение экономить, быть внимательным в любом деле.

А совместный труд детей и взрослых? Грудно переоценить его значение. Дети любят настоящий труд и любят работать вместе со взрослыми. Родителям могу дать только один совет: работайте вместе с детьми. По дому и во дворе, если объявлен воскресник. В школе и в своем саду. Если у семьи есть хоть маленький участок под клумбы или грядки, младшие школьники могут проводить там простейшие наблюдения и опыты. В каком объеме чем именно надо заниматься — об этом лучше всего посоветоваться с учителем. Важно приучить ребенка постоянно ухаживать за растениями, уби ать с участка сорняки и вредителей. Обязательно следите за тем, чтобы дело было доведено до конца, то есть убраны выращенные плоды, собраны семена и т. д.

Возможно, перед праздником вас позовут в школу — помочь подготовиться к торжеству. Вы будете работать вместе с детьми. Изготовление украшений, игрушек, декораций и всего другого, что потребуется для школьного спектакля, концерта, октябрятского сбора или утренника, для игровой комнаты или подшефного детского сада — это не просто представившаяся детям возможность применить в деле все узнанное, приобретенное на уроках в классе. Это для ребят путь настоящего самоутверждения. И способ установить самые близкие контакты и взаимопонимание между ребятами и взрослыми. В общем труде люди лучше узнают друг друга.

Уроки ручного труда у нас — только для младшеклассников. Но конечно же, трудовое воспитание на этом не заканчивается. Труд — всему голова. Наша школа — трудовая, политехническая — постоянно об этом заботится. Дальше у ребят начинается работа в учебных мастерских и лабораториях, труд на пришкольном участке, в цехах базовых предприятий. И десятикласснику, вместе с аттестатом получающему удостоверение радиомонтажника или программиста, механизатора или дояра, наверное, уже и не вспоминается первый урок труда. Но ведь все начинается с малых лет. Это особенно ответственный период. Вот почему мы так сблизили далекие, казалось бы, полюсы — настоящих рабочих и маленьких детей.

С. Титаренко,
методист трудового обучения
Ленинградского
(сельского) педагогического
Краснодарский край

Послушание за конфетку

В детском саду игрушки больше «индустриальные», а Сережа любит игрушки «живые». Поэтому его шкафчик набит разными зверюшками, и как только Сережа приходит домой, вся эта «живность» выгружается на пол и начинается игра.

Но вот мама говорит: «Сереженька, время к восьми. Идем умываться, ужинать и — бай-бай!» Сережа словно не слышит — он продолжает усаживать клоуна на слона. Мама добавляет: «А в постельке я расскажу тебе сказку». Малыш сразу побежал к маме, схватил ее за руку и потянул к двери. «Подожди, Сереженька, — все так же ласково говорит мама, — надо же сначала игрушки в шкафчик убрать». Сережа хныкнул. «Убери игрушки, Сережа!» — сказала мама посуше. Сережа хныкнул погромче. «Я что сказала? Убери игрушки!» — сказала мама уже строго. Малыш хныкнул еще громче, не выпуская руки матери. Мама рассердилась, она выдернула свою руку, слегка шлепнула его: «Никакой сказки ты не получишь, если не уберешь игрушки!» Малыш разревелся окончательно.

В дверь заглянула бабушка. «Вот, полюбуйся! — крикнула мама. — Не слушается! Не хочет убирать игрушки!» Не глядя на внука, бабушка всплеснула руками и громко запричитала: «Ай-ай-ай! Бедные, бедные игрушки! Гляди-ко, слон-то задавил клоуна! А жирафчик-то, знать, ножку сломал? А кролик-то, бедный кролик! Козел ему ушки изжевал, да и бросил под стул... Давайте-ка я помогу вам добраться до дому. Пора и вам на покой...» Бабушка подняла с полу кролика, расправила ему ушки и понесла к шкафчику. Громогласный плач Сережи, словно выключенный, мгновенно прекратился. И вот уже мальчик рядом с бабушкой, поднимает и поглаживает зверюшек. Скоро все они были убраны. Бабушка похвалила малыша. Мама рассказала ему сказку. И все, казалось бы, кончилось хорошо.

Только кончилось ли? На другой, на третий, на десятый день могут возникнуть новые конфликты. И мать опять, как в описанном случае, будет пытаться купить послушание ребенка обещанием удовольствия, либо принудить его к послушанию угрозой лишить этого удовольствия. Такое встречается нередко: родители не знают иных способов добиться послушания, кроме соблазна («будешь слушаться — получишь то-то») и угрозы («не будешь слушаться — не получишь того-то»).

А бабушка, мгновенно снявшая противодействие Сережи, на чем она основывала свое педагогическое «чудо»? На лучших чувствах мальчика, на любви и жалости к остав-

ленным без призора зверюшкам. Вот и весь секрет в данном случае. Но и общее соображение можно вывести из него: добрые чувства ребенка постепенно возводят в принципы, в убеждения, в нормы поведения — вот что облегчает воспитание.

Иные же родители поступают наоборот: добиваясь послушания, они дают пищу корыстному, эгоистичному в ребенке. Вот мать кричит из окна квартиры: «Павлик! Иди домой! Пора ужинать и спать». — «Мам, еще рано!» — откликается мальчик. — «Я что сказала? Немедленно домой! Ремня захотел?» — «Ну я еще немножко», — канючит Павлик. И вдруг мать резко меняет суровый тон на сладенький, соблазняющий: «А папа тебе что-то принес-ес!» — «А что принес?» — встретился Павлик. — «Вот придешь и увидишь...» Мальчик со всех ног бросается к дому...

Не все, к сожалению, понимают, что послушание «за конфетку» разрушает волю и душу ребенка, губительно сказывается на всем его характере. Многие считают, что для того, чтобы добиться послушания, все средства хороши. Ведь, в конце концов, взрослые требуют только то, что ребенку полезно. Ну а он еще мал, пользы своей не понимает. Вот подрастет... Он подрастет и поумнеет, конечно. Но могут в нем вырасти, укорениться и лицемерие, корыстолюбие, эдакая духовная мелкость. Он подчинится силе и посулу, а когда не будет ни того, ни другого — даст себе волю. И выходит в жизнь человек неорганизованный, недисциплинированный, ложащийся тяжелым бременем на плечи трудового коллектива, которому предстоит немало повозиться, чтобы сделать из него полноценного члена общества. Да и не всегда это удается.

Еще и другое надо учесть: как утешает иных внешнее благообразие, как умиляет готовность подчиняться родительскому требованию за ту же конфетку! А за этой любовью куплей-продажей кроется разрушение духовной близости детей и родителей.

...Алеша стоит перед отцом, читающим газету, и просит купить ему мопед. Василий Захарович сначала слушал вполуха, когда же до него, наконец, «дошло», он отложил газету, пристально посмотрел на сына и вдруг... расхохотался. «Мама! — крикнул он жене, возившейся в кухне. — послушай-ка, что наш сынок надумал!» И насмешливо к сыну: «Так, значит, ты решил с троек и двоек, на которых ты плетешься, пересест на мопед? Так я тебя понял?»

Алеша вспыхнул, но старался говорить спокойно: «У Игоря Куликова давно есть мопед. Косте Гошеву вчера купили. А ты получаешь больше всех...» — «Замолчи, свинтус! — гаркнул отец. — Не заглядывая в отцовский карман! Окончишь восьмой класс без троек, получишь мопед.

Поступишь в институт — получишь автомобиль. А сейчас и рта не раскрывай! Костя и Игорь хорошо учатся, поэтому им...» — «А ты откуда знаешь, как они учатся! — уже с трудом сдерживая возбуждение, перебил Алеша отца. — А ты знаешь, что их отцы занимаются с ними... помогают... А ты? Что ты знаешь обо мне? Раз в месяц посмотришь дневник... Нотацию прочтешь... Каждый раз одно и то же, одно и то же... Надоело! Ты в этом месяце даже не заметил, что у меня ни одной двойки...» — «Пошел вон... щенок!» — закричал отец, стукнув кулаком по столу. — «И уйду! И уйду!» — уже сквозь слезы закричал Алеша. — Окончу восьмой класс, уйду в ПТУ, буду жить в общежитии... Не надо мне вашего мопеда... никакой машины... Сам заработаю... А щенок... щенки бывают у собак!» — И хлопнул дверью. Отец был ошеломлен.

Сам Василий Захарович рассказывал мне об этом своем столкновении с сыном. «Я растерялся. Обошла мысль: я теряю сына! Я кинулся за ним. Он лежал в другой комнате на своей постели. Уткнулся лицом в подушку и горько, отчаянно рыдал. Я сказал ему... Нет, не для успокоения мальчика, у меня это вырвалось, невольно... Моя душа этого требовала. Я сказал ему: «Ты прости меня, Алексей! Я был груб. Мы оба погорячились. Даю тебе отцовское слово, что ничего подобного больше не повторится...» Я тогда ни в чем еще не разобрался, — продолжал Василий Захарович. — Но как-то пронзительно почувствовал: наверно, плохо сложились мои отношения с сыном. Как их поправить?»

Как говорят, по гроб жизни я не забуду помощь в этом труднейшем деле Алешиной классной руководительницы. Она только что начала работать в школе. Я за годы не нашел подхода к сыну, а она нашла за два месяца. Впрочем, я и не искал. Рассуждал просто: ребенок здоровый, нормальный, сыт, одет и обут. Все у него есть. Коньки, лыжи, велосипед, транзистор, магнитофон и, конечно, телевизор. И многое другое. А плохо учится, значит, лень.

Нет, я никогда не бил его, но все чаще начал пугать: принесешь двойку, не получишь того-то и того-то... И вот его бунт против моей тугой системы «кнута и пряника». Потому что, кроме этого, не было ничего. И он больно это чувствовал, а я был глух ко всему, что происходило с ним и в нем».

Какой же путь избрала классная руководительница, чтобы выправить мальчика? Скажут: случай. Но и у случая есть свои закономерности. Как-то, дежуря в зале на перемене, она услышала: «Эй, Таль, погоди-ка!» Десятиклассник подбегал к Алеше, и они о чем-то зашептались. Классная руководительница остановила десятиклассника и, улыбаясь, спросила: «Это за что же вы его так величаете?» — «Ой, Клавдия Ивановна! Он нас всех общелкивает в шахматном кружке. Силен мальчик! Но сегодня мы ему дадим бой!»

Клавдия Ивановна пришла на занятия шахматного кружка. Затем пришла еще раз. И еще... И увидела: двоечник Алеша в шахматном кружке большой авторитет. Она пошла во Дворец пионеров и попросила «попобовать» ее мальчика. Скоро Алеша был уже членом одной из пионерских команд и готовился к городскому турниру. С этого начался Алешин подъем. Он набирал силы для умственного труда, признание и внимание сделали его упорным и усидчивым в учении.

Знал ли отец об увлечении сына шахматами? Знал, что Алеша засиделся за шахматной доской у одинокого старика, соседа по квартире. Отца это почему-то раздражало. «Алексей! — кричал он из коридора. — Хватит глупостями заниматься! За уроками посидел бы лишний часок...» — «Не раньше чем закончим партию», — откликнулся сосед, подмигивая Алеше. И они начинали новую партию. Встречаясь в коридоре или в кухне, старик твердил: «Талант у вашего Алексея! Талант! Золотая голова!» На что Василий Захарович смеялся: «Да вас, небось, наш котенок может обыграть...» — «Напрасно смеетесь, — ворчал старик. — Напрасно. Я в свое время с гроссмейстерами игрывал...»

Отец ревновал Алешу к старiku соседу. Но этой, по его мнению, странной дружбе он не догадался, или не смог противопоставить свою дружбу. На его стороне отцовская власть, чего тут мудрить: прикажи сыну, и он обязан слушаться!

Нет, без тесного общения, установления общих взглядов, без выработки общих принципов поведения, отношения к обязанностям, без настоящего родительского авторитета, основанного на любви и уважении, — и речи быть не может о сознательном и охотном выполнении ребенком родительских пожеланий и требований.

Счастье материнства и отцовства — это благо совсем особое, от-

личное от всех других жизненных благ, несущее человеку неизменную радость. Тот, кто не встретил первой улыбки ребенка, кто не ахнул при первом шаге малютки и не шагнул с трепетом сам навстречу ему, кто не ощутил ни с чем не сравнимой гордости при первом его лепете, тот не знает, что такое настоящее, полное счастье. Тот, кого не оглушал дождем бесконечных «почему» разбуженный ум маленького человека, тот не изведал всей полноты счастья. Но все знают, как омрачается это счастье, если ребенок поступает не так, как должен бы поступать. Однако не все понимают, что такое происходит не столько от педагогического неведения, сколько от взгляда на воспитание, как на что-то прикладное в жизни, а не главное.

Я спросила одну мать, которая жаловалась на несносный характер маленькой дочери, часто ли она и отец бывают с ней вместе. Мать посмотрела на меня с недоумением: «Да ведь в выходные дни и по вечерам, когда забираем ее из садика, она все время рядом с нами». Вот именно рядом, но не вместе! А надо бы вместе. Пожить ее интересами и в то же время незаметно, в игре и беседе, вносить в ее духовный мир новые и новые впечатления бытия. При любовной близости взрослых и детей проблема послушания в семье не бывает острой.

«Какое пышное развитие мог бы получить ум, — писал Н. А. Добролюбов, — какая энергия убеждений родилась бы в человеке и слилась со всем существом его если бы его с первых лет приучали думать о том, что он делает, если бы каждое дело совершалось ребенком с сознанием его необходимости и справедливости, если бы он привык сам отдавать себе отчет в своих действиях и исполнять то, что другим велено, не из уважения к приказавшей личности, а из убеждения в правде самого дела».

Вдумайтесь: «с первых лет», «если бы он привык» — это о том же, о близости, о постепенной любовной передаче детям наших мыслей и убеждений. О воспитании сознательности — самой прочной основы дисциплины.

Анна Протопопова

А вы любите нотации?

Скажите, папы и мамы, помните вы хоть один случай, когда бы ваш сын вбежал в дом с восторженным возгласом:

— Мне Мария Ивановна такую прекрасную нотацию прочитала! Так здорово!

Не помните?

Со своей стороны, не могу привести ни одного примера, чтобы кто-нибудь из учащихся, не в силах сдерживать радости, ворвался ко мне или к кому-либо из моих коллег-учителей:

— Знаете, какую замечательную нотацию выслушал я сегодня от родителей! Хочется жить и учиться еще лучше!..

К сожалению, факты другого рода — сплошь и рядом.

По расписанию у меня «окно» (свободный урок). Но, как обычно, в учительское «окно» заглядывают посетители. Вот и сейчас сказали, что в учительской меня ждет мать Нины Т., восьмиклассницы. Что ж, очень кстати: с девочкой творится что-то неладное.

Иду по длинному коридору. Дверь одного класса распахнута.

— Сидоров, встань! — доносится до меня голос учительницы. — Ты что, не знаешь, как надо сидеть на уроке? Почему ты все время вертишься?

Уже в конце коридора меня снова настигает монотонно-напряженный голос:

— Сидоров! Ты опять за свое...

«Как-то сложится наш разговор с матерью Нины?» — думаю я. Самое главное для меня сейчас понять, каков стиль, тон взаимоотношений в семье. Девочка и в прошлом году была нервной, а сейчас стала резкой с учителями и подругами, взвинченной, порой истеричной. Нам с матерью обязательно надо найти общий язык, чтобы наша согласованная и разумная требовательность не казалась Нине жестокостью, а настойчивость не выглядела настырностью. Тяжкая задача. Одному не по плечу. Потому и ищу союзников.

Но разговор не складывается. Мать выглядит устало. Ее явно раздражает, что я не спешу безоговорочно стать на ее сторону в домашних словесных баталиях с дочерью.

— Она как с цепи сорвалась, — жалуется мать. — Попросила рубль. Бери, не жалко. Так вы что думаете — накупила лаков, помад всяких! На рубль красоты. Я ей и сказала: «Что, — говорю, — красotka...»

— Так и сказали? Родной дочери?

— А что ж вы думаете! Если она на шестнадцатом году такие фортели выкидывает...

— Так, может, все и дело в том, что на шестнадцатом? — пытаюсь вставить я.

— Ну нет! Я — мать. И моя обя-

занность — позаботиться о том, как-то Нина будет в семнадцать, восемнадцать и всю жизнь.

— Вот в этом совершенно с вами согласен. Но ведь и моя обязанность в том же, вам не кажется?

— А как вам понравится, что она уже Мопассана читает? Фильм «Ромео и Джульетта» смотрела! Два раза. Я пыталась с ней сюсюкать, как вы предлагаете...

— Но, простите, я...

— Так она мне: «Если захочу, все равно прочитаю, все равно увижу». Слышите, «все равно»? Разве мы такими были в ее возрасте?

— Послушайте, но разве установить доверительные отношения с взрослеющей дочерью и «сюсюкать» — одно и то же? Вы пытались с ней поговорить, как с равной? Вы пробовали дать ей понять — тоном, словом, лаской, — что она может на вас положиться в это сложное для нее время?

— Я такой не была, — решительно глядя мне в глаза, отрезала родительница. — А теперь она мне твердит: «Ты меня совсем не знаешь. Я от тебя одни упреки слышу». Слишком большими неженками они растут, трудностей не знают, вот что я скажу вам на прощание.

Прощание без взаимопонимания. Впрочем, педагог обязан понять всех, кто окружает ребенка, так или иначе воздействует на него. Тем более, если это мать. Ведь она любит дочь, переживает за нее — это несомненно. Но меняет ли это что-нибудь в их отношениях? Не могу забыть слов, брошенных Ниной матери: «Я от тебя одни упреки слышу». Как же мать не слышит в них упрека себе, как не замечает, что непонимание перерастает в разрыв, а разрыв грозит превратиться в пропасть? В сущности, ей хотелось бы, чтобы дочь «стала такой, как прежде». Но возможно ли вернуть подростка в детство? Ведь все его устремления — к будущему, к взрослости, к самоутверждению. Противодействуя этому, идя «против течения», мы рискуем утратить полностью контакт с ним.

Итак, проблема духовного контакта. По-разному его ищут и устанавливают «отцы и дети», но про один путь можно сказать с уверенностью — он не ведет к успеху. Нельзя наставить юношу на путь истинный одними наставлениями, нельзя говорить с ним только выговорами, учить одними нравоучениями.

Один дедушка жаловался на упрямство внука: «Пилую его, пилую, а в нем как железо застряло — все зубья обломались...» Не хотелось обижать пожилого человека, но про себя я подумал: «Какое счастье, что в мальчишке стержень железный. Но если и он когда-нибудь поржавеет и перепилится? Что тогда произойдет с характером ребенка?»

Мне не раз приходилось слышать, что педагогический эффект нотаций

равен нулю. Не могу согласиться. В том-то и дело, что эффект этот — величина отрицательная. Сидоров, привыкнув, что каждое его движение вызывает упреки и одергивания, научится не замечать этих упреков. И попробуйте пробиться к его сознанию через эту привычку!

Опасность здесь еще и в том, что в неуспехе своих непрестанных наставлений взрослые, как правило, винят наставляемых: «Что за дети пошли! Я же ему так ясно, так понятно излагаю такие общеизвестные истины, а он...» Между тем именно общеизвестные истины, чтобы стать личным убеждением ребенка, дойти до его сердца и сознания, требуют особенно яркой и убедительной «поддачи».

Но всегда ли действие нотаций отрицательно? Не совсем: эффект может быть самый разный. Сошлюсь здесь на собственные воспоминания.

Вспомнил я единственную в своем роде встречу с человеком, любившим — нет! — жаждавшим нотаций. Сейчас это студентка педагогического института, а дело было в восьмом классе. Ученица, зная слабость учительницы химии к «чтению морали», так сказать, вызывала огонь на себя. Выслушав очередное нравоучение, ехидная девочка добросовестно заносила его в особую тетрадку, специально для этого случая заведенную. Тетрадь так и называлась «Книга нотаций», выслушанных мной в восьмом классе от...» Из соображений педагогического такта не стану ее цитировать. А сам факт можно рассматривать с разных сторон. Можно рассуждать о том, у кого есть чувство юмора и у кого нет. Можно заметить, что голова восьмиклассницы на уроках химии была занята отнюдь не химическими формулами. Можно...

Но в любом случае придется признать, что все старания учительницы вызвали совсем не тот результат, ради которого предпринимались...

Второе. Лирико-педагогическое. Признаю (по себе узнал): назидание может быть одним из могучих педагогических средств.

Три года у меня с учителем истории были идеальные отношения. Дело не в пятерках. Никогда он не был для меня «предметником» — с ним можно было поговорить и посоветоваться обо всем на свете. И однажды я своего учителя обидел. Не могу вспомнить, чем я вызвал его гнев, — слишком много лет прошло. Но разве когда-нибудь забудешь его холодный взгляд и ледяные слова! Единственная суровая нотация, прочитанная мне человеком дорогим и вообще-то очень веселым, добродушным, — незабываема. Я благодарен своему наставнику за горький урок. Но и то не забуду — она была единственной за все эти годы, хотя необходимость наставить меня «на путь истинный», наверное, возникала у учителя не од-

нажды. Но для этого находились другие пути.

А сейчас, посещая уроки своих коллег, я с радостью замечаю, как богата их педагогическая палитра, как умело многие из них избегают «назидательного тона», предпочитая менторству неожиданный прием, точно учитывающий поступок и характер ученика.

Вот из недавнего. Учитель уже дважды назвал фамилию девятиклассницы, которая нетерпеливо и горячо делилась какими-то новостями с соседкой. Не помогает. Традиционный арсенал педагогических средств в подобном случае достаточно богат. За дверь у нас не выставляют, в угол в девятом классе не ставят, но ведь можно еще сделать запись в дневнике или внушение. А еще можно... Впрочем, всем известно, как в таком случае обычно поступает учитель. А этот учитель поступил необычно.

Видя, что ученица захвачена разговором, он, стоя еще у стола, приложил палец к губам и направился к парте, где сидели болтушки. Класс замер. У парты «нарушительницы дисциплины» учитель остановился и, непринужденно облокотившись, сделал вид, что прилежно слушает. Первой спохватилась соседка. Она отчаянно сигналила подруге об опасности, но та была так захвачена... И когда она наконец оглянулась, увидела рядом внимательные учительские глаза... Думаю, что в ушах ее еще долго будет стоять взрыв хохота, которым ребята приветствовали ее «возвращение на грешную землю». Больше не было сказано ни слова. Урок продолжался в мажорном, рабочем настроении.

Спросим себя, педагоги и родители, часто ли мы прибегаем к шутке и юмору там, где нам не помогают самые мудрые рацеи?

Как-то поделился я этими своими мыслями с одним из коллег. «Ты что же, против дидактики?» — удивился он. Если кто-нибудь тоже так меня понял, то поясню. Я за дидактику, но веселую, непринужденную, ненавязчивую дидактику. Между прочим, коллега обратил мое внимание на то, что такие исконно народные жанры, как сказка и басня, тяготеют к дидактичности. «Сказка ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок...», «Мораль сей басни такова...»

Да, это так. Но ведь морали предшествуют увлекательная сказка, забавная басня. А мораль, как правило, заключена в двух-трех строках, а то и вовсе отсутствует. Мораль выводит сам читатель, слушатель — и в этом педагогическая мудрость сказки и басни. Я за то, чтобы ребенок сам прибегал к нам: «До чего же вы правы! А я и не знал, что...» Вот тогда мы будем наверняка знать, какой «урок» преподнесли и как он усвоен.

В. Васильев, учитель
г. Краснодар

Кабинетная система

В нашей школе введена кабинетная система. И вот теперь у детей нет своего постоянного класса. Они путешествуют на переменах из одной комнаты в другую. Зачем это? Что за кабинет может быть по математике? Или по литературе? Была я в кабинете литературы. Висят портреты Пушкина и Маяковского. И все...

*М. Бабаева
г. Тамбов*

В конце 1973 года в Москве проходила специализированная Международная выставка «Школьное оборудование-73». Читателей журнала «Семья и школа» познакомил с этой выставкой фоторепортаж, помещенный в № 2 за 1974 год.

На выставке демонстрировались новые, очень интересные предметы учебного оборудования и всевозможные приспособления, облегчающие их использование. Но главным экспонатом выставки по праву стали кабинеты для занятий школьными науками: кабинеты истории и обществоведения, географии, русского языка и литературы, иностранных языков, математики, физики и астрономии, химии, биологии, демонстрируемые Советским Союзом. Эти учебные кабинеты неизменно привлекали пристальное внимание многочисленных посетителей выставки, вызвали всеобщее одобрение.

Как видите, не только естественные, но и гуманитарные науки удостоились права иметь свои кабинеты. Какими они должны быть? С портретами? Или еще с чем? Вот об этом и поговорим.

Кабинеты по отдельным предметам стали появляться в школе довольно давно. Все быстро привыкли к тому, что уроки физики, химии, биологии проходят в специально оборудованных классах — кабинетах. Целесообразность появления таких кабинетов, насколько мне известно, никто никогда под сомнение не ставил. В самом деле, всякому понятно, что физику или химию невозможно усвоить, не выполняя многочисленных опытов и лабораторных работы. Значит, нужны приборы, приспособления, посуда и т. п. Для всего этого кабинет — самое подходящее место.

Главными же «орудиями труда» преподавателей математики, литературы, истории, иностранного языка были (и, к сожалению, сейчас еще во многих школах остаются) мел и тряпка. Ну, еще карта или таблица. Небогато... Однако в ближайшем будущем положение должно коренным образом измениться.

Фото Л. Станового

Выступая на XXIV съезде КПСС, министр просвещения СССР М. А. Прокофьев сказал: «Развитие познавательных способностей учеников невозможно без лабораторного опыта, сделанного собственными руками, без использования кино, телевидения и других технических средств. Для самого процесса воспитания, наконец, нужно максимально широкое применение технических средств обучения... Необходимо создать квалифицированную область промышленности по производству учебного оборудования для школ, вузов, техникумов и других учебных заведений».

В настоящее время выпуск всех видов учебного оборудования — и таких традиционно используемых в средней школе, как таблицы или приборы, и таких сравнительно новых, как кинофильмы, диафильмы, диапозитивы, — с каждым годом увеличивается. Например, в ныне действующих «Перечнях типовых учебно-наглядных пособий и учебного оборудования для общеобразовательных школ», утвержденных приказом министра просвещения СССР от 31 декабря 1968 года (№ 107), записано, что по одной только математике, наиболее абстрактному из школьных предметов, должно быть выпущено около 200 кинофрагментов, более 150 диафильмов, более 100 серий диапозитивов.

Оснащение школы всем необходимым учебным оборудованием, без которого невозможно организовать усвоение предусмотренного школьной программой чрезвычайно широкого потока информации, — важнейшее условие перехода ко всеобщему среднему образованию. При всеобщем обучении окончательно перестает действовать формула «не хочешь или не в силах учиться — можешь уйти из школы». В этих условиях учитель должен добиться того, чтобы каждый поступающий в школу ребенок захотел учиться и смог усвоить обязательный минимум знаний, предлагаемый десятилеткой. И тут на помощь учителю приходит новейшее учебное оборудование. Опыт его использования в ряде школ свидетельствует о том, насколько глубже и интереснее организуется учебный процесс и как увлеченно и свободно занимаются дети.

Несколько лет назад мне пришлось участвовать в чрезвычайно показательном эксперименте. Учитель получил все необходимое учебное оборудование для работы по геометрии, а остальной математический материал преподавался как всегда, без специального оборудования. Так вот, «обычные» уроки и проходили обычно, не вызывая особого интереса. Кончался урок, и дети стремились как можно скорее убежать из класса, заняться своими, не относящимися к математике делами. А на «оборудованных» уроках геометрии тот же самый учитель отмечал поразительную ребячью любозна-

тельность. Дети буквально засыпали учителя вопросами, просили дать еще задачи, обсуждали материал на переменах и по дороге домой...

Что же еще дают современные учебные пособия, почему они становятся необходимым условием успешного обучения? Дело в том, что их использование открывает учителю огромный резерв времени. Того самого времени, которого на уроке всегда не хватает. В упомянутом выше эксперименте учащимся двух четвертых классов предлагались одни и те же задачи по математике. В одном классе задачи решались как обычно: на доске записывалось условие и т. д. В другом — предъявлялись ребятам с помощью диапозитивов. В первом случае удавалось решать за урок в среднем не более пяти задач, в другом за то же время — около пятнадцати. С помощью 2—3-минутного кинофрагмента учитель в силах помочь учащимся увидеть самое главное, существенное в рассматриваемом материале. Кадры диафильма, демонстрация приборов и т. п. помогут быстро закрепить и детализировать увиденное. Печатные материалы для индивидуального использования и специальное контрольное устройство обеспечат оперативное руководство самостоятельными действиями учащихся.

Оснащение школы новым учебным оборудованием идет сейчас широким фронтом. Учитель, как уже отмечалось, должен получить в скором будущем весь арсенал современных средств обучения по всем предметам школьного курса. Одно это требует широчайшего введения кабинетной системы. Новые средства обучения нуждаются в новом обустройстве.

Действительно, пока учитель лишь изредка, эпизодически пользовался учебным оборудованием, отсутствие кабинета не ощущалось так остро. Вполне устраивало, что из одной классной комнаты в другую переходил учитель «в сопровождении» нескольких, легкопереносимых таблиц, карт, графиков. Теперь же в распоряжении учителя появился набор диафильмов и диапозитивов, аппарат, с помощью которого он может их показать, новые приборы, несколько серий таблиц и прочие учебные пособия. Даже этот минимум, чтобы он работал, а не пылился на полке, требует специальных условий: розетки, удлинитель, экран, затемнения, приспособления для подвески таблиц и т. п. Причем все это должно быть в каждом из классов, в которых учитель проводит занятия. Все это необходимое оборудование (а его с каждым днем становится все больше) учитель должен где-то хранить, переносить из класса в класс. Если же, например, после урока в пятом классе учитель идет в седьмой, ему надо вначале отнести «пятиклассное» оборудование в тот укромный уголок (нередко рас-

положенный довольно далеко), где оно хранится, взять все необходимое для следующего урока. А если на уроке обнаружится, что какое-то пособие забыто?

Словом, необходимость создать такие условия, чтобы учителю и ученикам было удобно пользоваться имеющимся в школе учебным оборудованием, и вызвала к жизни кабинеты.

Вероятно, в школе, о которой пишет тов. Бабаева, переход на кабинетную систему был осуществлен лишь формально. Ведь дело не в табличке, прибитой к двери класса, не в вывешивании портретов выдающихся представителей науки и не в украшении стен рисунками, формулами и т. п. (хотя кабинет, конечно же, должен выглядеть привлекательно, даже нарядно). Если бы только ко этому сводился переход на кабинетную систему, то путешествия детей на переменах из одной комнаты в другую были бы действительно неоправданны.

При формальном переходе на кабинетную систему учитель получает всего лишь комнату, в которой, как предполагается, ему будет удобнее работать. Но именно: предполагает. Оказывается, что школа часто не в состоянии дать учителю необходимую мебель, оборудование и пособия. Правда, многое можно сделать в порядке самообслуживания. Но если это означает оборудование кабинета одним только учителем, вряд ли можно ожидать чего-то серьезного. Другое дело, когда серьезную помощь учителю окажут сами школьники, а главное — представители шефствующих организаций и родители. Им под силу сделать многое. Помощь в оснащении и оформлении кабинетов могла бы стать постоянной и важной стороной деятельности наших родительских комитетов, шефствующих организаций.

Нередко родители и хотели бы помочь, но не знают как. Между тем необходимые описания и чертежи разработаны в Научно-исследовательском институте школьного оборудования и технических средств обучения АПН СССР. Выпущена серия брошюр, в которых рассказывается, как оборудовать каждый из школьных кабинетов. Как представитель лаборатории математики этого института, хочу, например, порекомендовать книгу «Кабинет математики», выпущенную издательством «Педагогика» в 1972 году.

Помощь учителю в оборудовании кабинета должна быть постоянной и многоплановой. Вот размещение учебного оборудования закончено. Каждый прибор установлен на полке, каждый диафильм занял свое место в специальной укладке (а не в коробке от обуви, как еще нередко случается), каждая таблица помещена в специальный ящик-хранилище и т. д. Можно ли считать, что оборудование кабинета завершено? Оказывается, необходимы специа-

ные приспособления, позволяющие быстро воспользоваться любым предметом, который понадобился учителю в ходе урока.

Скажем, таблицы. Нужно, чтобы при подготовке к уроку и на самом уроке их легко было найти. А это невозможно, если таблицы хранятся свернутыми в рулоны. Сколько времени надо потратить на то, чтобы найти и повесить нужную. Гораздо легче найти таблицу, если она не в рулоне, а, например, наклеена на картон и поставлена в специальное хранилище, устроенное под доской. Но картонную таблицу труднее укрепить на доске, значит, надо оснастить ее специальным приспособлением для подвески (леской или веревкой, пробивкой для крепления на специальных штырях и т. п.). Соответствующим образом надо оборудовать и места, где предполагается повесить таблицы. Это могут быть специальные крепления, а могут быть и обыкновенные гвоздики. Но в стену гвоздь не вобьешь. Значит, на стене надо укрепить щит или хотя бы планку для подвешивания таблиц.

Международная выставка «Школьное оборудование-73» и конференция, прошедшая в то же время, показали, что преподавание в условиях кабинетной системы имеет ряд неоспоримых преимуществ. Мнение учителей — и тех, кто уже давно работает в специальном кабинете, и тех, кто впервые познакомился с кабинетной системой, — единодушно: переход на кабинетную систему облегчает работу учителя, делает учение более интересным для школьников и эффективным. А это — дело большой государственной важности, чтобы каждый школьник учился с интересом.

В ближайшие годы переход к кабинетной системе будет завершен. Важно, чтобы осуществился он не формально, чтобы каждый кабинет представлял собой максимально полную, единую систему учебного оборудования, устроенную в соответствии с требованиями научной организации труда учителя и ученика и обеспечивающую высокий уровень преподавания. Достигнуть этого можно, лишь объединив усилия школы, шефствующих организаций и родителей.

*М. Волович,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского
института
школьного оборудования
и технических средств обучения
АПН СССР*

Не собоюсь — и не собою

Ребята гуляют во дворе. То и дело слышится: «Вова, отойди подальше, а то дверью ударят!», «Игорь, остановись, сейчас малыша собоюшь!» Но как ни стараются взрослые, а все равно за всем углядеть не могут. Двое столкнулись, когда играли в салки, потому что не умеют бегать, не мешая другим. Кто-то в лужу угодил, потому что не успел перепрыгнуть. Мама или бабушка отчитывают: «Смотреть надо, куда идешь!» Но дело вовсе не в отсутствии внимания, а в том, что ребята не умеют правильно ориентироваться в пространстве, согласовывать свои действия с обстановкой.

Игра «В лес за грибами» поможет тренировать этот навык.

Поставить в ряд друг за другом с интервалом в полметра 3—4 стула — деревья. В лесу придется идти по извилистой тропинке — обойти один стул справа, другой — слева и т. д., так, чтобы не наткнуться на дерево.

Тропинка в лесу становится труднопроходимой — заросла крапивой. Огибая деревья, перешагнуть через крапиву (на стулья положить веревку или тесьму так, чтобы она провисала).

На пути к грибной поляне встретилась канава, переходим на другую сторону по узенькому бревнышку (теперь веревка натянута на полу, сбоку от стульев по прямой линии). Чтобы сохранить равновесие, лучше расставить руки в стороны.

Новое препятствие — заросли. Ребенок проползает под стульями на четвереньках, собирает грибы (любые круглые предметы, например пуговицы) и складывает их в целлофановый мешочек — корзину.

Возвращается домой! С пакетом грибов ребенок идет знакомой дорогой, преодолевая в обратном порядке те же препятствия:

- 1) пролезть через заросли;
- 2) пройти по бревнышку через канаву;
- 3) пройти по извилистой тропинке, перешагивая через крапиву;
- 4) пробежать извилистой тропинкой, не задевая деревьев.

*С. Руднева,
Л. Осипова,
методисты*

«Найди по картинке»

Эту игру можно затеять около дома, на дачном участке или на прогулке. Предназначена она для детей пяти-шести лет и имеет целью научить их ориентироваться, развивать их внимание. Можно играть в нее и с одним ребенком, но лучше, если вы пригласите участвовать в ней нескольких ребят, товарищей вашей дочери или сына.

Играют так: вы показываете малышам какую-нибудь игрушку, например зайчика, и говорите: «Ребята! Этот зайчик очень любит играть в прятки. Сейчас он спрячется от вас, а вы будете его искать. Но чтобы вам легче было, зайчик для вас нарисовал картинки, которые помогут найти его». Вы прячете зайчика так, чтобы дети не видели. Затем даете каждому малышу по одинаковой карточке. На ней последовательно нарисованы те предметы, мимо которых надо пройти ребенку, чтобы найти зайчика. Такими предметами-ориентирами могут быть качели, высокое дерево, клумба с цветами и т. п. Кроме естественных ориентиров можно использовать заранее приготовленные искусственные ориентиры: поставить на пути к зайчику игрушечный грибок или елочку, флажок, матрешку.

После того как зайка спрятан, кто-нибудь из малышей отправляется на поиски. С помощью карточки он последовательно находит ориентиры и отыскивает спрятанную игрушку. Остальные дети по своим карточкам следят за правильностью пути и могут помогать искать, говоря «тепло» или «холодно».

После того как игрушка найдена, вы прячете ее на другое место и даете детям другие карточки, на которых ориентиры изображены в ином порядке. Выходит искать другой ребенок. Так игра может повторяться несколько раз.

Эта игра развивает у детей не только внимание и умение ориентироваться в пространстве, но и дает детям начатки умения читать схемы и рисунки и соотносить изображения с реальностью.

*Р. Говорова,
О. Дьяченко,
научные сотрудники
Института дошкольного воспитания
АПН СССР*

Разноцветное лето

Как они огорчаются, как печалются, когда мы оставляем их, уезжая в отпуск! А мы объясняем: в санаторий детей не берут. Или: этот маршрут для тебя труден. Но ведь есть маршруты и не очень трудные — как раз для родителей с детьми. И есть санатории, дома отдыха, пансионаты, куда именно с детьми и берут. Нынче 12 тысяч загородных баз отдыха заводов и фабрик принимают 15 миллионов человек — родителей и детей.

Представьте себе уютная ком-

ната для вашей семьи. Все удобства, никаких забот. Рядом лес, озеро... Так значит — в отпуск все вместе?

Какое удовольствие сказать: «Собирайся, сын. Уезжаем на турбазу, пойдем в поход. Ты ведь не подведешь, уже большой, правда?»

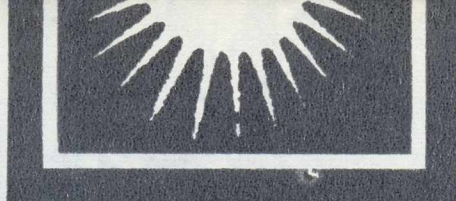
Все, что будет потом — белый рассветный туман над рекой, утренний холод из-под полога палатки, отрада привала после долгого пути, ночной разговор у

костра — навсегда останется в детской памяти связанным с вами, подаренным вами.

Пройти, проехать вместе с детьми по тем местам, которые памятны нам, взрослым, — этого прикосновения ребенка к нашей прежней, не знакомой ему жизни не заменят никакие слова, никакие рассказы. А если у вас все дела, заботы, занятия?.. Тогда — хоть на прогулку в выходной, хоть по грибы... Какую-то часть долгого лета ребенок должен получить от вас, из ваших рук.

Разноцветное лето

...Вернулся с загородной детсадовской дачи — целое лето не видели. Закружили, зацеловали, затормошили; потом утихли, стали спрашивать: «Ну как ты? Какое было лето?» Подумал. А потом: «А лето было зеленое».

И вправду — на приволье полей и полян — оно, наверное, именно такого цвета. Городские наши малыши, для них мир впервые открывается громадами домов, линиями улиц, серыми лентами асфальта. А тут вдруг рядом, за окном — лес, до неба темный лес — не про него ли была сказка? А взглядишься — не темный вовсе, по-разному зеленый. И не страшный: ходили-ходили, чудной пень видели, белку, а волка совсем и не было.

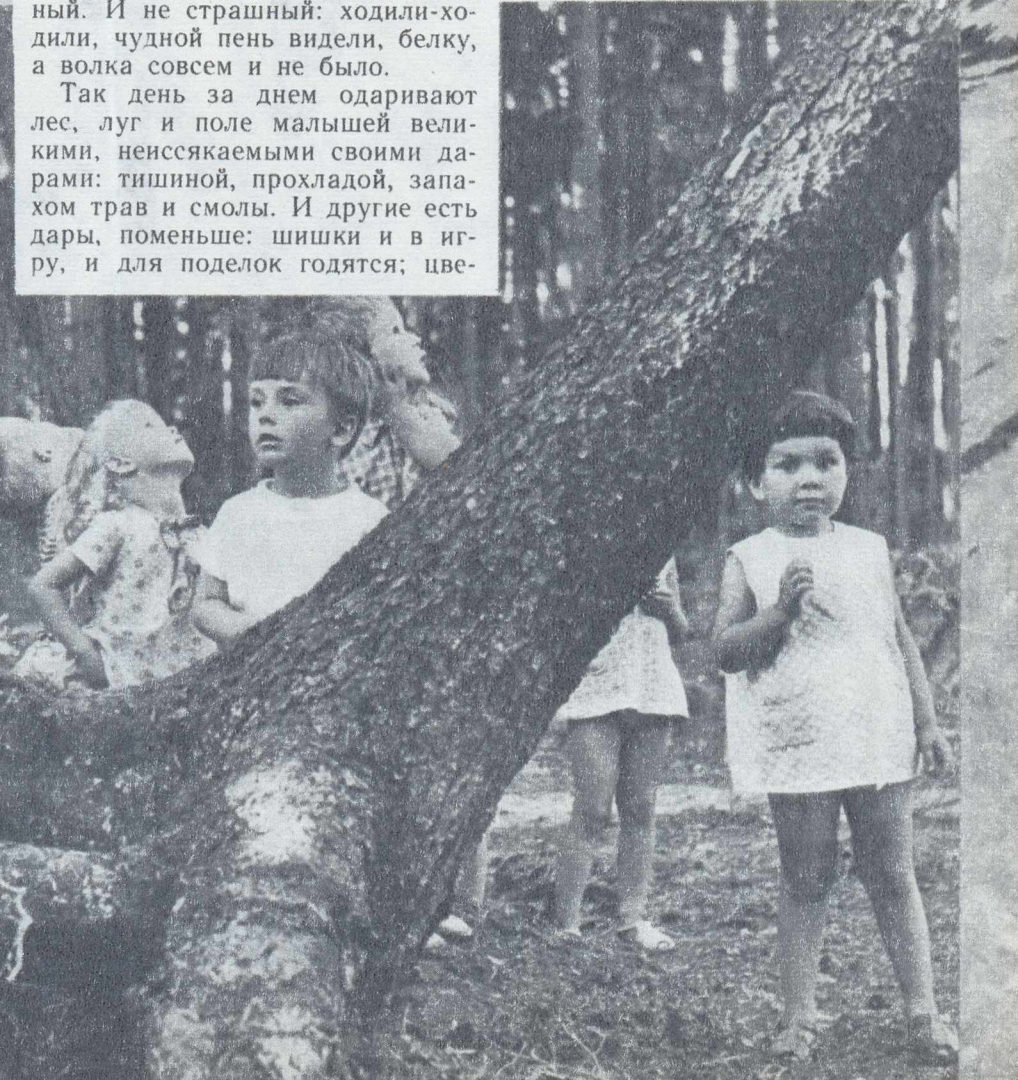
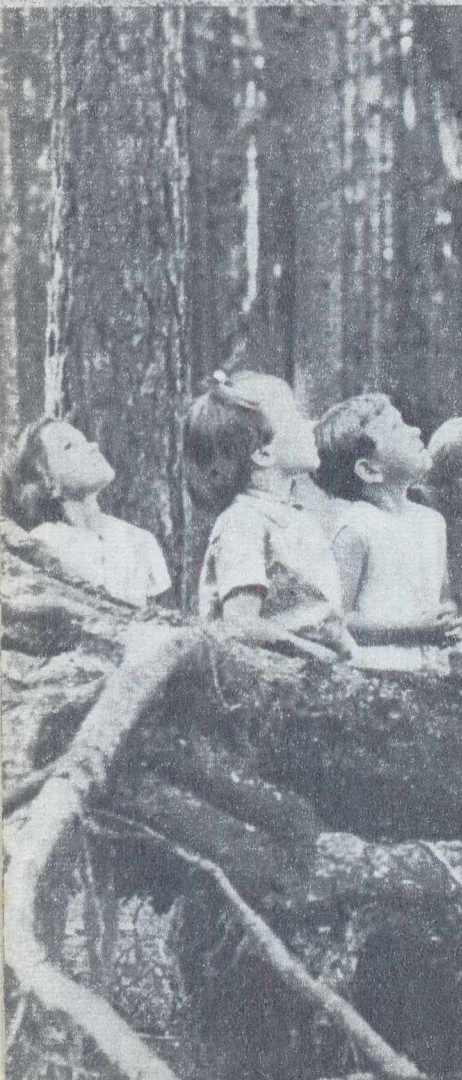
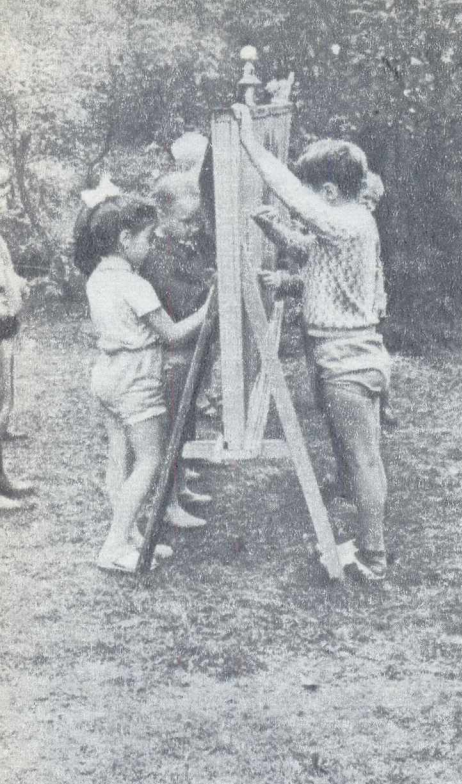
Так день за днем одаривают лес, луг и поле малышей великими, неиссякаемыми своими дарами: тишиной, прохладой, запахом трав и смолы. И другие есть дары, поменьше: шишки и в игру, и для поделок годятся; цве-

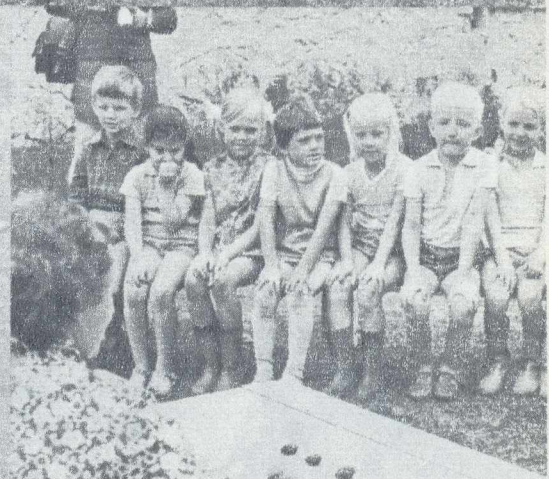
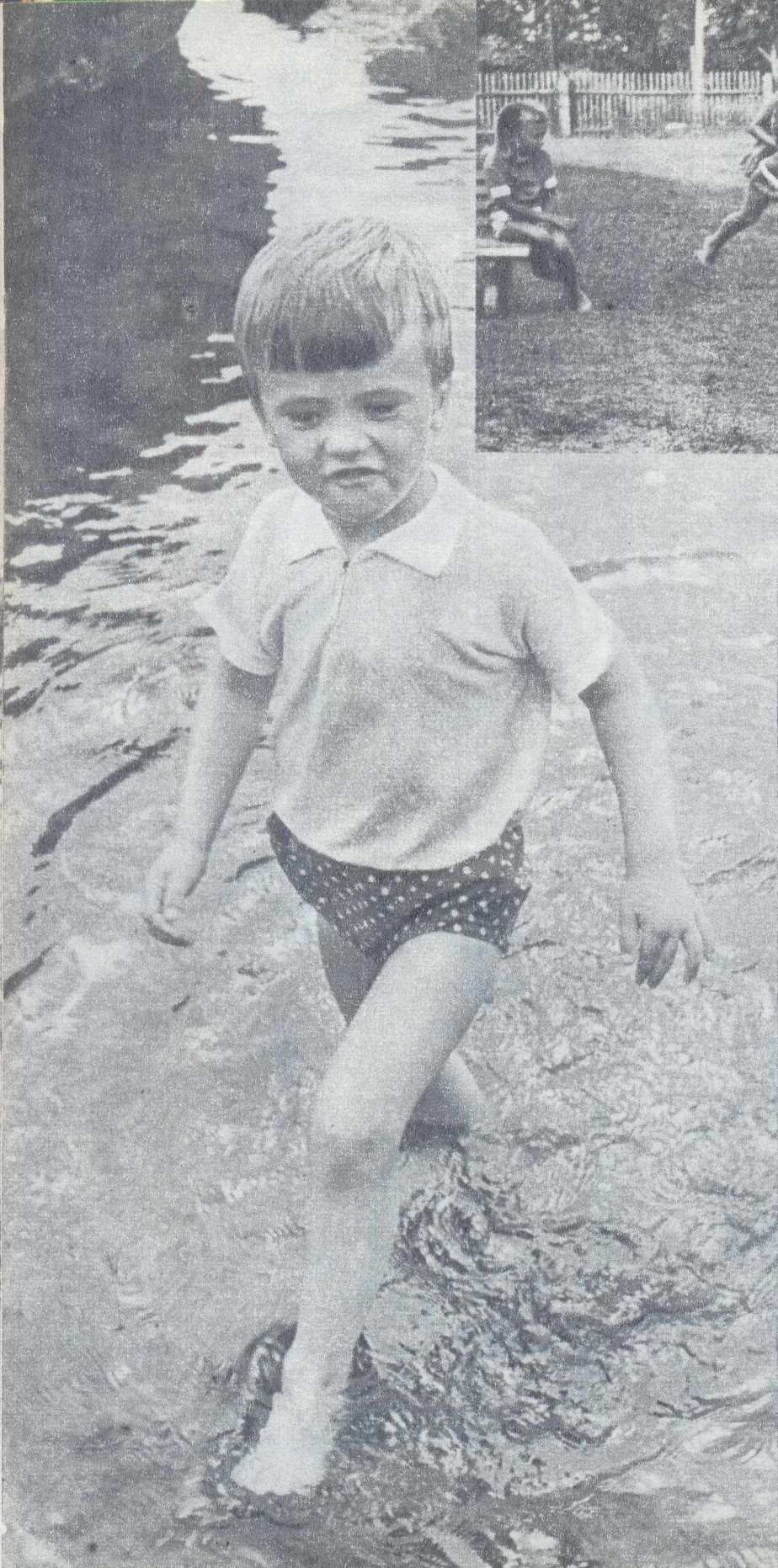
ты — для венков, а самый красивый сохранить — в подарок маме.

Но и летом не только гуляет и развлекается детский сад: он еще и занимается. Счет, рисование, физкультура — здесь, на воле все это веселее, интереснее.

Но все равно гулять — лучше. Пошлепать по теплой луже. Разве в городе такое раздолье позволяют! Спасибо зеленому лету!

Фото Н. Свиридовой

Самые обычные...

Молодые, как и полагается, сидели во главе стола, они были взволнованы и немного смущены. Уже преподнесли подарки, сказали первые тосты. Свадьба как свадьба. И гостей много, собралось около тридцати человек, и весело, и шумно, как водится в таких случаях. И все-таки нечто необычное было в этом торжестве. Дело даже не в том, что «молодые» были самыми старшими на свадьбе, а в какой-то неуловимой сердечности и понимании, с которыми относились друг к другу собравшиеся. Все это была одна семья. Ольга Дмитриевна и Дмитрий Алексеевич Чученковых праздновали свою золотую свадьбу.

Золотую свадьбу можно считать своеобразным итогом прожитой жизни. Вместе прожить пятьдесят лет, работать, растить детей. В семье Чученковых их девять. Когда умерла жена старшего сына и совсем маленькими остались Сережа и Андрюша, Ольга Дмитриевна с Дмитрием Алексеевичем усыновили и воспитали еще двоих. Бытует мнение, что в многодетных семьях одним ребенком меньше, одним больше — не имеет особого значения, как будут дети сами по себе растут. А ведь они друг на друга не похожи и по характеру и по своим интересам. Суметь понять каждого и одновременно быть необходимой каждому — сколько же нужно иметь самой матери! Это все-таки проще, когда дети еще дети и живут вместе. И значительно труднее, когда дети уже взрослые и у каждого своя семья.

В семье Чученковых ни один серьезный вопрос не разрешается без участия родителей. «Отец с матерью и словом и делом всегда помогут», — рассказывает Вера Дмитриевна Астафьева, старшая дочь Чученковых. — Когда что-нибудь случается, до сих пор бежим к ним за советом. Всегда спокойная, мягкая, справедливая, Ольга Дмитриевна сумела сохранить свой авторитет среди детей и внуков. И если до сих пор, став взрослыми, дети ждут ее советов, значит, умеет она жить жизнью своих детей, смотреть на жизнь их глазами. Здесь совсем не в том дело, чтобы принимать близко к сердцу боль или радость своих родных, — это доступно каждой матери. И не в том, чтобы поучать их с высоты своего опыта. Здесь важно умение применить свой опыт для настоящего времени. Короче говоря, расти вместе с детьми, изменяться вместе со временем. И еще, наверное, нет необходимости всегда настаивать на категоричности своего мнения, пользуясь правом «старшего поколения», ведь у молодых тоже

можно чему-то поучиться. И очень важно сохранить чувство товарищества между родителями и детьми.

По тому, как рассказывают Ольга Дмитриевна и Дмитрий Алексеевич о своих детях и внуках, сразу чувствуется, что они действительно знают, кто чем живет. С гордостью они говорят о том, что о Вере часто пишут в заводской газете, наперебой рассказывают о том, как Мишенька чудесно играет на пианино, и бережно показывают грамоту, которую получил Сергей от Первомайского комитета ВЛКСМ за ударную работу в студенческом строительном отряде.

В такой семье не удивительно, когда выходит замуж внучка, она советуется с бабушкой и дедушкой, представляет им своего жениха, спрашивает их мнение. И это не потому, что Светлана не уверена в своих чувствах, а просто ей хочется поделиться своей радостью с самыми близкими людьми.

Конечно, бабушки нужны всем, мы часто стремимся «подкинуть» бабушке внуков, одновременно сетуя, причем не всегда без основания, на то, что она их «портит». А тут с бабушкой советуются, как воспитывать ребенка. У маленького Миши возник конфликт в школе с учительницей. Ольга Дмитриевна не только поехала в школу и с присущим ей тактом все урегулировала, она сумела все понять и все поставить на свои места. «Я всегда обращаюсь к маме за помощью в воспитании сына», — говорит Александра Дмитриевна, — она, как никто, понимает ребенка душу».

Каким-то особым теплом веет от Ольги Дмитриевны и Дмитрия Алексеевича. Чутко и внимательно относятся они друг к другу, так же относятся и к людям. «Мама очень мягкий и отзывчивый человек», — рассказывает Александра Дмитриевна, — но доброта ее распространяется не только на своих, она всегда готова прийти на помощь тому, кто в этом нуждается, это и на нас отразилось».

Для Дмитрия Алексеевича и Ольги Дмитриевны кажется вполне естественным принести какие-то свои удобства в жертву другим. Безразлично, идет ли речь о том, чтобы принять в семью мужа дочери, или о том, чтобы предоставить свою квартиру соседке, когда ей надо отпраздновать свадьбу. Причем для них это не жертва, это естественное положение вещей.

Во дворе дома № 2 по Мантулинской улице немного найдется молодых мам, которые бы не оставляли на попечение Дмитрия Алексеевича колясок с малышами. И это тоже естественно. Поэтому, наверное, и дети и внуки Чученковых отличаются особой доброжелательностью к людям. Прожив такую большую жизнь, Дмитрий Алексеевич и Ольга Дмитриевна сумели сохранить свежесть своих чувств и, что самое главное, не растратили душевную теплоту,

которой щедро одевают окружающих. Наверное, поэтому к ним и тянутся все.

Разными словами говорят члены семьи Чученковых о родителях, разные эпизоды вспоминают из своей жизни, но все они едины в своем отношении к ним. Теплота человеческих отношений характеризуется какими-то мелкими черточками. И поэтому, когда слушаешь о том, что Вера Дмитриевна, возвращаясь с работы, хоть на три минутки да забежит к родителям, или о том, что Иван Дмитриевич никогда не забывает заехать к родителям помыть окна, понимаешь, что отношения в этой семье строятся на чем-то большем, чем просто дочерний или сыновний долг.

Вспоминает Ольга Дмитриевна о трудных годах войны, о том, как совсем крохотная тогда Нина перестала ходить от голода и как Иван, который был постарше, каждый день приносил сестренке из ремесленного училища что-нибудь сладкое. И снова задумываешься о силе примера, великой силе, которая передается детям от родителей.

Как нечто естественное, неотделимое от жизни воспринимается в семье Чученковых труд. Большую часть своей жизни Дмитрий Алексеевич проработал техником на Миусском узле связи. Не раз о нем писали в местной газете, за хорошую работу он был удостоен ордена «Знак почета» и трех медалей. И сейчас Дмитрий Алексеевич не перестает трудиться. «Что дома-то сидеть?» — убежденно говорит он. Глядя на него, не верится, что человеку семьдесят восемь!

По-разному сложились судьбы братьев и сестер Чученковых, разными они владеют профессиями. Есть среди них красильщица и контролер-браковщик ОТК, буровой мастер и сельскохозяйственный техник, строительный мастер, инженер-радиотехник и инженер связи. Старший внук Сергей окончил электротехнический техникум и служит в рядах Советской Армии, а Андрюша окончил школу, готовится в институт. Но всем одинаково присуща одна черта — трудолюбие. «Мы все до работы жадные», — шутливо замечает Вера Дмитриевна.

Когда знакомишься с семьей Чученковых, вроде бы и нет в ней ничего необыкновенного, да и сами они говорят: «Мы самые обычные». Доброта, отзывчивость, чувство товарищества, взаимопонимание для этих людей норма поведения. И это, наверное, самое ценное.

В 1944 году Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден орден «Материнская слава». Ольга Дмитриевна Чученкова — одна из первых женщин, получивших эту почетную награду.

М. Дьякова,
старший научный сотрудник
Центрального
государственного архива РСФСР

Воспитание мальчика Сын играет в папу

В первом классе случилось чрезвычайное происшествие: у одной девочки пропала авторучка. Но в конце концов обнаружилась. У совсем другой девочки. И вот молодая учительница этого первого класса, справедливо рассудив, что подобные поступки ни к чему доброму никого не приводили, решила на этом прищемленном случае преподать, так сказать, показательный коллективный урок морали.

Она произнесла обличительную речь перед первоклашками и предложила детям поочередно высказать свое мнение о поступке нехорошей девочки. Дети поднимались и говорили...

А один мальчик встал и ничего не сказал. Он стоял, опустив голову, и упорно молчал.

— Ну что же ты?

А он молчит.

— Ведь она взяла чужую ручку?

А он смотрит на ту девчужку.

— Так как же называется человек, который без спросу берет чужие вещи? Ну?! Как называется такой человек? Мы тебя слушаем...

А он молчит. И класс тоже как-то сомнительно молчит. И не подсказывает.

— Ну вот что. Раз ты не согласен с мнением всего коллектива, раз ты не знаешь, как называется такой человек, выйди вон и подумай. И пригласи ко мне родителей.

Мальчик собрал книжки и молча вышел из класса думать и приглашать родителей.

Думать ему, видимо, было о чем, потому что он только вечером, перед тем как заснуть, рассказал отцу сказку, которая начиналась так: «Один мальчик учился в первом классе...» Дальше шла грустная история об одной девочке, которой очень, знаешь, па, очень понравилась чужая красивая ручка. Потом появлялась учительница с очень знакомым отцу именем. Кончалась сказка

тем, что мальчик совсем один бредет, сам не зная куда.

Тут надо заметить, что отец мальчика не имел ничего против того, что сын склонен излагать события окружающей жизни в такой вот, несколько фантастической, иносказательной форме. Неизвестно почему. То ли потому, что ему просто так нравилось, то ли потому, что он считал это хорошим признаком стремления мальчика как-то по-своему анализировать и осмысливать события. Поэтому он иногда не возражал, даже если сказки сына оставались без конца и морали.

Но тут уж очень его удивило и заинтересовало, как он выразился, несоответствие сказочной формы с очень уж правдоподобным содержанием, и он осторожно спросил: «Ну и что же дальше? Чем все кончилось?» — «Не знаю, — ответил сын. — Наверно, родителей вызвали. А как ты думаешь, правильно поступил тот мальчик? Ведь он не послушался учительницу?!»

Легкий ужас, прозвучавший в этом вопросе, насторожил отца и заставил внимательно посмотреть на сына.

«Я увидел, как он смотрит на меня. И понял, что самому ему ответ в общем ясен, что это он меня испытывает, — пишет рассказавший эту историю геолог из Красноярска, — как я буду реагировать. И когда я сказал, что нахожу поведение мальчика все же правильным, честным и мужским, надо было видеть его радость. Пришлось мне, естественно, идти в школу, вновь выслушивать эту историю (уже, конечно, не в сказочной версии) и, мягко говоря, несправедливое мнение о моем сыне и о том, кого мы из него воспитываем. А я старался объяснить этой молодой еще учительнице, почему считаю поступок моего сына вполне достойным. Я надеюсь, что она поняла, почему я испытал радость за сына — в тот день он вел себя действительно как подобает мужчине: проявил человеческую доброту, сумел почувствовать несправедливость, проявил принципиальность, отстаивая свое мнение, не пошел на компромисс с совестью. Таким я хочу видеть его и впредь, хотя разумом прекрасно понимаю, как нелегко, порой ему придется. И, в сущности, мне, пожалуй, следует даже быть благодарным этому случаю, ведь он заставил меня увидеть истинный возраст сына и искать ответа на вопрос: как сделать жизнестойкими те качества, которые он проявил? Невозможно предусмотреть все критические ситуации, через которые ему, быть может, придется пройти самостоятельно, пока он вырастет и сложится вполне. Невозможно и быть все время рядом и опекать каждый его шаг. И беспокойство мое — не вообще, не на всякий случай. Есть в этой истории еще один момент, оставивший некий осадок: сын, когда «испытывал» меня, когда ждал моего

«приговора», пусть совсем слегка, но (для меня это очевидно) сомневался. Во мне ли, в правильности ли своей позиции — это одно и то же. Он подвергал своеобразной жесткой жизненной проверке свои начальные принципы. Проверял в конечном счете меня.

Может быть, таким испытаниям я подвергался и раньше, только не видел их? Думаю, что так. И дальше сын будет испытывать меня, и чем дальше, тем строже. Откровенно говоря, я больше всего боюсь когда-нибудь не выдержать экзамена. И поэтому сейчас все время проверяю самого себя, оцениваю без всякого снисхождения его глазами — сегодняшними и завтрашними».

Это письмо — рассказ о подлинной

Сомнения, испытания — они, наверное, с первого боязливой шага ребенка, с первого заданного вопроса, с первой детской игры. Идет работа, поглощается масса информации, до поры до времени получаемой большей частью от родителей. Исподволь идет оценка, отбор.

Что такое детские игры, в которых они подражают взрослым, как не попытки примерить к себе складывающиеся представления о человеке и о жизни?

Любимое занятие трехлетнего сынишки моего соседа — играть в пьяного папу. Грустно, конечно, но кто знает, может быть, в повадках хмельного папаши малышу привиделось нечто основное в облике самого пока для него главного мужчины в жизни?

Огромное место в жизни мальчишки с самого начала занимает отец. Поначалу — лишь его внешний облик. До той поры, когда за внешними чертами не начнут все отчетливее проступать внутренние качества отца. На какое-то время отец становится высшим авторитетом в первых житейских сомнениях. Кто не был свидетелем доходящих до драк мальчишеских диспутов на тему «А мой папа...»? Отец в эту пору, каким бы он ни был, — идеал.

Но после, когда сын играет в героев, космонавтов, разведчиков, еще позже, когда на смену им приходят герои любимых книг, богатые лучшими человеческими качествами, — тогда первый в жизни идеал может померкнуть и даже вовсе исчезнуть, но может, испытанный строгими критериями бескомпромиссного мужества, благородства, доброты и чести, наполниться живым содержанием и определить судьбу Человека.

Тогда вдруг становится ясно, что повзрослевший сын давно уже оценивает отца не по словам и поступкам и даже не по отношению к себе, а совсем иной, собственной мерой.

Этот день может стать одним из самых счастливых или же, наоборот, самым черным в жизни, потому что определит, какое место вы, отец, занимаете в жизни сына. Одно из главных, или случайное, или никакое. То, как вы выглядите в его глазах, — ваша истинная мера. И если она покажется вам несправедливой, и даже если сын в самом деле будет не прав, все равно — вина ваша. А трагедия — его. Ибо означает это одно — даже если когда-то вы увидели в нем, еще несмышленом, но наделенном любым воображимым будущим, великолепную возможность воспитания лучших человеческих качеств и, как вам теперь кажется, всеми силами старались воспитать их, то забыли, видимо, о главном — развить эти качества и устремления прежде всего в себе.

Может быть, это покажется на первый взгляд кощунственным, но главное даже не в том, какое отношение к окружающему, какие принципы, нормы нравственности и мо-

Всё запретили...

Я кончаю десятый класс. Учусь на тройки, на большее я не знаю. Мечтаю поступить в летное училище. Вчера вечером я пошел прогуляться по своему поселку. Трое парней стали на моих глазах нагло приставать к девушке. Я не выдержал и заступился. Те трое все зло сорвали на мне. Пришел домой с подбитым глазом. Родителям я ничего не рассказал, я их уже изучил. Они меня все равно бы не поняли. Отец сказал: «Больше вечером на улицу не выйдешь».

Мне нравится одна девушка. Что она может подумать обо мне? Папа и мама не пускают на улицу — смешно.

Занимался я футболом, мечтал стать футболистом. Потом стал хуже учиться, но не из-за футбола, а просто заленился. Отец мне запретил заниматься футболом, но учиться я лучше не стал. Просто пропало мое любимое увлечение. После этого я начал курить. А кто виноват?

Виктор Баку

Ну ладно, я плохой, а он?

Мне почти семнадцать. Пишу лишь потому, что хочу, чтобы все узнали историю, конец которой очень задел за сердце. История эта такова.

Целыми днями я со своими друзьями, ребятами из нашего двора, играл в карты, а потом все шли в магазин и покупали на выигрыши «белое» или «краску». В нашем дворе живет одна девчонка, которая мне очень нравится. Но все мои попытки подружиться с ней были напрасными. Однажды, когда я оставил ее около подъезда и снова завел разговор на эту тему, она сказала: «Ты хулиган, у тебя длинные волосы, я с тобой дружить не хочу». И убежала. А на следующий день я увидел, как ее провожал парень из техникума, где она учится. Встретив ее еще раз у подъезда, я спросил, почему она так поступила, а она ответила: «Он учится, а ты играешь в карты». И снова убежала.

Однажды вечером я со своим другом встретил их у того самого подъезда и прямо на ее глазах мы избили этого парня.

Через несколько дней я снова встретил ее у подъезда и спросил, хочет ли она со мной дружить, а она ответила: «Что ты будешь мне рассказывать?» Я задумался, а она снова: «Твои рассказы про дикие ансамбли мне не нужны». И ушла. Ребята сказали мне, что ей запретили со мной дружить родители. А с этим «философом» ей разрешили. А он больше так и не приехал: испугался!

Все-таки надо немножко поучить этих «философов» джентльменству.

Владимир К.

Московская область

А я все же решил исправиться.

дружбе отца и сына, о единстве, о доверии и, пожалуй, о большем — о счастливом отцовстве. В жизни мальчика возникла, как принято говорить, первая остроконфликтная ситуация. И вот благодаря отцу, благодаря стилю взаимоотношений мальчика и взрослого это испытание пошло на пользу, укрепило основу характера непрерывно развивающегося юного человека. Надо думать, из первоклассника вырастет настоящий человек — мужественный, добрый, твердый в убеждениях. Залогом тому — пусть это прозвучит несколько парадоксально — высокая, сознательная, мужская требовательность к себе его отца.

Но сомнения... Сомнения... Его тревога. Безосновательна?

Семейные портреты,

написанные сыновьями

Строки из школьных сочинений

Я и папа очень любим кататься на лыжах, очень любим природу, любим ходить на рыбалку, слушать музыку, шутить, очень любим томатный сок.

Мы с папой ходим в походы, живем в палатках, варим уху. Очень интересно.

Папа увлекается механикой. Я тоже. Он машинами, я мопедами, мотоциклами. Но никогда за этим делом вместе не сходились. Смотрим телевизор, если отец приходит раньше 10 вечера. Летом копаемся на огороде, ходим за грибами.

Папа — электромонтер. Профессия очень нравится мне. Хочу продолжить дело отца. Сам делал дома проводку, папа помогал и объяснял.

Мой папа токарь. Профессия эта мне не нравится. Я люблю скорость и хочу стать шофером.

Папа слесарь-механик. Ударник коммунистического труда. На заводе почти всю жизнь проработал наш дедушка. Папа очень любит и гордится своей профессией. Папа является для меня не только близким человеком, но и другом.

Папа инженер, учится в аспирантуре, но всегда находит время поговорить со мной, погулять. Привил мне любовь к технике, физике, математике. Поэтому я стал заниматься в техническом кружке «Электрон» радиотехникой и думаю обязательно стать инженером. Папа трудолюбив, много учится, и эта жажда знаний просто меня поражает, и я тоже хочу быть таким же трудолюбивым. Папа очень спокойный и выдержанный. Он хорошо относится к маме, никогда не грубит ей. На меня иногда пошумит, но маму очень любит и бережет ее, помогает по хозяйству и требует от меня того же. И я стараюсь во всем быть похожим на папу. У меня очень хороший отец.

Папа страдает временным запоем. Я очень его люблю и жалею. Мы с ним большие друзья. Папа много читает и отвечает на любые мои вопросы.

Я не могу писать только о папе, потому что семья у нас такая дружная, что писать о ком-то одном и не писать о других невозможно.

За какую бы работу папа ни брался, он старается довести ее до конца, но при этом делает еще и аккуратно. Мы с папой большие друзья. Все свободное время проводим вместе: папа и я.

рали мы проповедуем детям. Несомненно, наилучшие. Речь в первую очередь не об этом. Даже не о том, как мы их воспитываем — во всеоружии современных педагогических знаний или же методами интуитивными, самодельными. Главное в том, каковы мы сами.

И если, начиная играть в отца, сын слепо подражает внешним приметам, то все равно рано или поздно разглядит в нас самое глубинное.

Дети должны играть в отцов; хорошо, когда они это делают. Но вот отцу в отца сыграть вполне успешно не дано. Надо им быть.

Сомневаться и тревожиться.

Тревожиться о сыне. Сомневаться в себе.

Дети растут, обретая свой собственный круг увлечений, интересов, расширяя и углубляя свои представления о мире, жадно впитывая самые разнообразные знания, торопясь, как нам порой кажется, самостоятельно вступать в жизнь. С ними растут тревоги наши, потому что все труднее направлять шаги сына, все труднее контролировать получаемую им информацию, все косвеннее наше влияние на него. Да и существует ли оно, если сын уже снисходительно выслушивает самые добрые советы и пожелания, думая о чем-то своем, столь же отдаленном от нас, как пульс его внутренней жизни, который, к сожалению, уже не ощутить непосредственно собственной рукой. Разве что в часы тяжелой болезни — но не приведи бог.

Отдаление — это, может быть, неизбежно. Но не отчуждение. Его никогда не будет, если вся ваша, прошедшая на глазах сына жизнь давала вам право всегда и во всем быть с ним совершенно искренним и правым по высшему счету.

Пожалуй, любой отец, вглядываясь в еще невнятное, словно непроявленный снимок, личико грудного младенца, своего сына, искал в нем исподволь самое для себя главное — фамильные черты, признаки сходства, новорожденное свое будущее. И находил, конечно, и радовался восторгом надежды. В жизнь пришел твой идеал человека, мужчины, ему предстоит быть лучше тебя и счастливее тебя. Сделать то, на что тебя не хватило, не совершить ошибок, совершенных тобой, и, как бы ни сложилась судьба, прожить жизнь прямее, добрее тебя, в свою очередь родить сына и вырастить его.

И с того момента, как ты различил в ребенке свои черты, твоё прошлое и настоящее, а главное — будущее обретает новый тревожный, вдохновляющий смысл: тебе, взрослому, зрелому человеку, дана новая, еще не начатая жизнь и от тебя зависит, какой она станет. В твоё бытие пришел не случайный, хотя и долговременный, гость, но хозяин. И если ты настоящий отец, то теперь

каждый свой миг и шаг, каждое событие и каждое слово, каждое переживание и поступок тебе придется оценивать двумя мерами — мерой собственной жизни и мерой растущей личности — твоего сына. Счастлив тот, для кого вольно или невольно обе меры слагаются в одну.

Потому что любое событие в развивающемся внутреннем мире вашего сына, любой поступок, его отношение к окружающему, и к вам в том числе, образ его чувств и жизни незримо, но на всю жизнь обусловлены кроме генетического кода, которым вы передали ему это удивительное физиологическое сходство, вашими поступками, и вашим образом жизни, и миром ваших чувств.

С того момента, как в огромном, еще малопонятном мире существ и явлений он своими ошеломленными младенческими глазами различил в вас Отца.

Павел Пронин

Воспитание мальчика

Конфликт с Юноной

Сегодня Валентина Петровна освободилась после четырех уроков. Шляпа уже на голове, шарф на шее — можно идти домой.

Длинный коридор освещен солнцем. Вот за этой дверью урок географии. И не входя в класс, можно узнать, что там происходит. Громогласная, солидная Клавдия Ивановна умеет удивительно быстро менять тон. Голос приятного тембра, мирно вещающий о материках, становится вдруг высоким и резким: значит, пришлось делать кому-нибудь замечание.

Из соседней классной комнаты слышно объяснение преподавателя истории Виктора Станиславовича. Кажется, что на столе учителя стоит метроном и отбивает такт.

А отсюда ничего не слышно, хотя идет урок математики. Наверное, пишут контрольную. Иначе бы там был очередной «бой». Часто, отправляясь на урок, Михаил Петрович говорит: «Задачу подобрал такую, что можно решить тремя способами, и все не просто. Вот и пусть повоюют».

Валентина Петровна спускается по лестнице. Сейчас она пройдет мимо своего 7-го «Б», который занимается в кабинете ботаники на первом этаже.

Что это? У дверей кабинета стоят Ильдар Назмеев, Олег Ерошкин, Ни-

колай Ивагов. Лица взволнованы, сумки на полу.

— Что случилось? Почему вы здесь?

— А... Ботаник «психует»,— говорит Ерошкин.— Сейчас Щука вылетит...

И действительно, дверь пропускает Щукина. Учитель ботаники Владимир Алексеевич тоже выходит, замечает Валентину Петровну:

— Эти трое пусть идут домой. А Щукина, пожалуйста, оставьте до конца урока. Разберемся...

Вот и снова третий этаж. Валентина Петровна закрывает дверь учительской.

— Ну что, Щукин? Из-за чего вас выгнали?

— Из-за Юноны... Колька вырвал ее у меня и изрисовал, а «змей» с «Ерошкой» сидели сзади нас, забрали ее и начали всем показывать. Я им поддал, а ботаник отобрал Юнону...

Ох уж этот Щукин! На каждой странице его дневника—записи учителей. В последний раз дневник поразил Валентину Петровну еще и разнообразием рисунков, сделанных его хозяином. На последней странице—фигура с тростью в руке, очень похожая на преподавателя истории. А Клавдия Ивановна показала Валентине Петровне тетрадь Щукина по географии. На обложке изображен царский трон. Вместо подлокотников—красивое переплетение изящных женских рук. В учительской уже рассказывали о чем-то подобном. Вспомнила: месяц назад в мужском туалете на стене нарисовали лицо человека в шляпе. Подбородок человека опирался на рукоятку палки. А рукоятка представляла собой переплетение женских рук. Так вот кто тогда поработал...

В дверях учительской Владимир Алексеевич. В руках два портфеля—свой и Щукина.

— Вот, полюбуйтесь,—говорит он и протягивает порванную репродукцию картины.

«Спящая Юнона» Брюллова... Валентина Петровна рассматривает, как изуродовала ее безжалостная шариковая ручка.

Владимир Алексеевич спешит и говорит на ходу:

— Вызывайте отца. Щукин мне надоел со своими шутками...

Отец Щукина Андреян Платонович, высокий плечистый мужчина с лысеющей головой, работает в художественном фонде оформителем. Одет он всегда неопрятно. Валентина Петровна знает, что он любит выпить. Когда Саша учился в шестом классе, Андреян Платонович уходил из семьи. Полгода не жил старший Щукин дома. Саша плохо учился, пропускал уроки, часто опаздывал. Потом выяснилось, что по утрам он ходил на улицу Калинина, куда переехал его отец, ждал, когда тот выйдет. Посмотрит на него издали и пойдет в школу...

Валентина Петровна несколько

раз бывала в этой семье. Неладно там шла жизнь. «Не вернулся бы, если бы не Сашка»,—сказал ей как-то Андреян Платонович.

А Сашина мама, худая и болезненная женщина с маленьким личиком, говорила одно и то же: «Отец во всем виноват, разменял талант на водку...»

— Саша, где ты взял «Юнону»?

— У отца. И еще репродукции Гойи и Платова. Не говорите отцу! Я все положу обратно, а «Юнону» куплю новую...

— А что ты любишь у Платова?

— «Фашист пролетел...»

— «Ужин тракториста» лучше, по моему.

— Нет, не лучше. Мне никогда не надоедят картины и книги про войну...

— А почему ты ничего не нарисуй для школы?

— Просто не хочу... В прошлом году тоже говорили: «Нужно давать Щукину побольше поручений, он будет их выполнять и исправится»,—усмехается Саша.—Да я и рисую неважно.

— Да ведь тебе отец может помочь.

— Некогда ему, да и не хочет...

— Ну ладно. Иди домой.

Нужно позвонить Андреяну Платоновичу на работу. Телефон в канцелярии на первом этаже.

— Здравствуйте, Андреян Платонович! Помощь ваша нужна. Нет, не стенд оформлять. Нет, не набедокурил, ничего такого... Поговорить надо. Очень хорошо. Приезжайте, я вас подожду...

Ведь любят же они друг друга, отец и сын. И нет взаимопонимания. Как тут помочь?

— Приветствую вас, Валентина Петровна. Чем могу служить?

— Помогите мне в моих делах. Есть в классе так называемые трудные ребята. Очень часто эти трудные бывают умными, может быть, одаренными... Хочется раздвинуть им стены классных комнат, увлечь тем, к чему они тянутся...

— Увлекаются-то они быстро,—замечает Андреян Платонович,—да только не учебой. Мой и мастерил, и рисовал, и марки собирал, а сейчас вот стекла бьет... Позавчера в карты с ребятами играл под лестницей. Мать домой увела...

— Я ведь как раз думаю и о вашем Саше, и о таких, как он. Помогите мне! Я хочу, чтобы Вы рассказали ребятам, которые...

«Художничают»,—с улыбкой перебивает Валентину Петровну Андреян Платонович. И, погрустнев, добавляет.—Когда Саша был маленьким, мы рисовали вместе. А потом все пошло наперекосяк...

— Расскажите им о живописи, о великих художниках. И о себе... Покажите картины. А если устроить в школе вашу выставку?

Долго еще говорят отец и учитель.

Когда Валентина Петровна объявила в классе, что вечером в пио-

нерской комнате будет встреча с художником, кто-то протянул:

— Уроков много задано...

— Повторяю, приглашаются желающие...

Вечером пришло восемь человек...

— Многое мне хотелось бы рассказать вам,—начал Андреян Платонович,—и о многих. Но послушайте сначала о тех, чьему труду и таланту я поклоняюсь.

Валентина Петровна видела восторженные глаза Саши. Может быть, его поразил необычный вид отца: белоснежная рубашка, новые ботинки и спокойная уверенная манера держаться.

Потом он отвечал на вопросы, рисовал дружеские шаржи на ребят.

— Андреян Платонович, покажите нам свои картины,—просят ребята.

— Что-нибудь придумаем... Позже. А вот у вас здесь в окне виден кусочек зимнего парка. Днем, наверное, очень красиво. Знаете, Валентина Петровна, никак не могу зиму написать. Не выходит. Приду как-нибудь в воскресенье, можно? Пусть ребята со мной рисуют. А насчет картин? Саша скажет, когда приготовлюсь вам картины показывать...

Неожиданно в классе возник журнал дружеских шаржей под редакцией Саши Щукина. В некоторых работах чувствовалась рука старшего Щукина. Да Саша и не скрывал, он часто теперь говорил: «Мы с отцом»...

Потом в шутильном журнале появился новый отдел: «Порисуем серьезно». Способности порисовать серьезно обнаружились у троих. Они стали постоянными гостями Щукиных.

— Летом поедем по Каме, сколько-нибудь пешком пройдем,—мечтал Щукин-старший.—К «КамАЗу» выйдем. Там грандиозная стройка. Много сильных, волевых людей. Где социализм, там жизнь...

Прошло полгода после истории с «Юноной». Какой сейчас Саша? И прежний. И новый. Прежний потому, что озорничает. Новый потому, что все это, как говорится, в пределах нормы, а вот заниматься стал гораздо лучше.

Телефонный звонок.

— Да, это я, слушаю вас, Андреян Платонович...

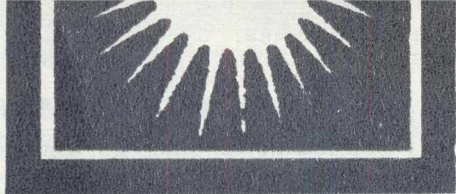
Андреян Платонович рассказывает Валентине Петровне, что вчера, в день его рождения, Саша подарил ему сделанную маслом копию картины Брюллова «Спящая Юнона».

— Скопировал с репродукции и неплохо. А репродукцию, говорит, залил краской, не нарочно...

И не поворачивается у Валентины Петровны язык рассказать отцу, что случилось с репродукцией. Вернул все-таки Саша отцу «Юнону».

...Остается сказать, что все здесь написанное было на самом деле. По просьбе учительницы я только изменила все имена.

Н. Скребнева
Казань

Разноцветное лето

Белые халаты в коридорах, белизна стен, особенная, «больничная» чистота. Это — детский санаторий. Что же делать — случается, что здоровье детей требует специального, основательного лечения. И особенная есть надежда, что летом, когда на помощь усердию врачей приходят целительные силы природы, оно будет успешным.

Процедуры, анализы, обход — по точному врачебному расписанию. Но здесь делают все, что-

бы лето не оказалось для детей окрашенным в один белый больничный цвет. И вот то, что на языке взрослых называется суховатом «лечебная физкультура», превращается в увлекательную игру с мячами. И вот отправляются сообща — сегодня в лес, завтра в поле, на пруд.

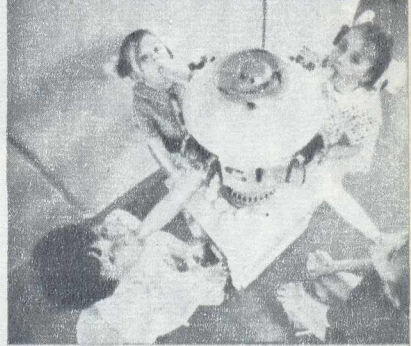
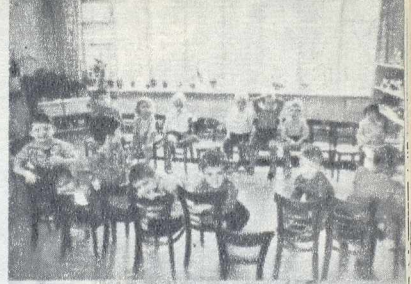
А здесь уж — только успевай утихомиривать разыгравшихся «больных». Конечно, иногда и грустно станет ребятам: не по-

бегаешь всласть босиком по лужам, не купаешься с утра до вечера — режим строгий. Но зато если выполнишь все предписания докторов, не будет больше маминих тревог и больничных листков, таблеток и микстур, лежания с градусником и горчичниками.

На этих снимках вы видите детей из санатория № 49 «Одуванчик» Волгоградского района Москвы

Фото Н. Свиридовой

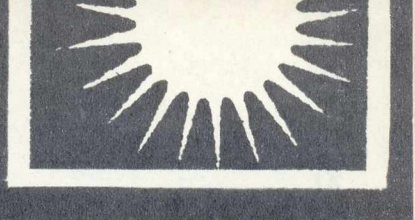
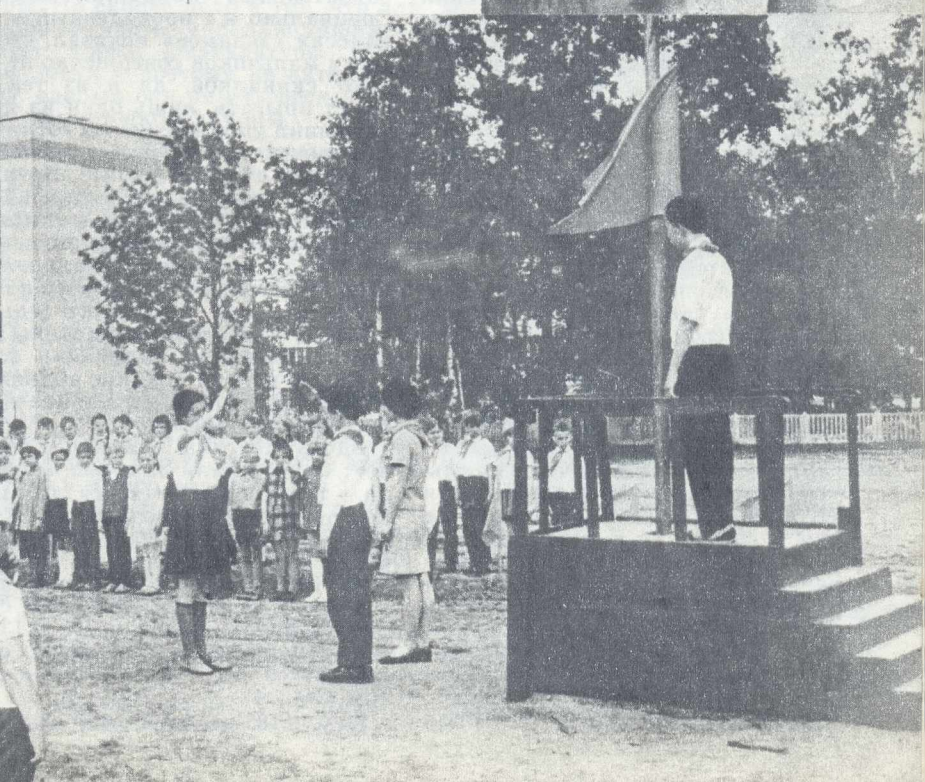
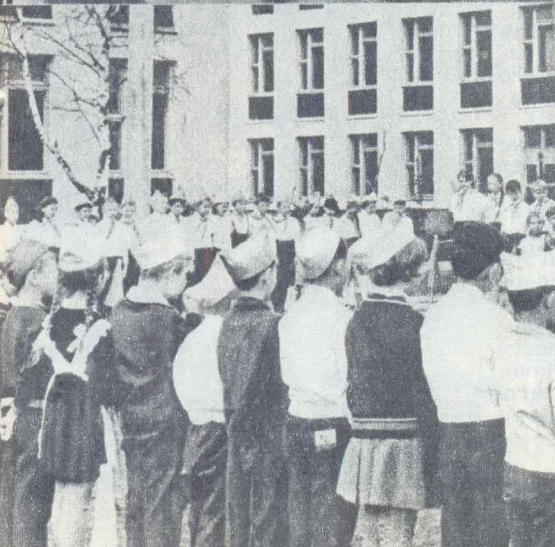
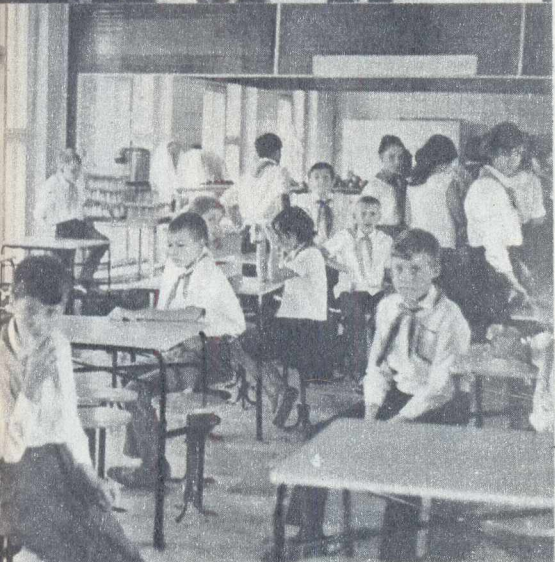

Загородный лагерь — всего месяц, а каникулы такие длинные. Для тех, чья смена еще не подошла, и для тех, кто уже вернулся домой, для тех, кто по каким-то еще причинам проводит лето в городе, придуман городской пионерский лагерь.

Тем, кто устраивал его, кто работал в нем, было, пожалуй, труднее, чем в обычном. Там — новые места, лес, река, и раздолье, а здесь — привычная улица и лагерь, может, в той же школе, куда уже хожено-перехожено. Но кто сказал, что городской лагерь — только пришкольный участок? Разве мало в городе зеленых островов? А то с утра рюкзаки на плечи — и в поход, пусть недолгий, до вечера.

А интересные знакомства? Здесь для этого куда больше возможностей. Мастера разных профессий, артисты, художники, конструкторы, спортсмены — одни приходили в гости, другие приглашали к себе, третьи — вообще становились у ребят своими людьми — руководили кружками, соревнованиями, организовывали выставки и концерты.

Это гордость города, если детвора летом не слоняется неприкаянно по улицам. Если поют по утрам во дворах звонкие горны, обещая интересный день.

Разноцветное лето

Фото Н. Свиридовой

У кого есть скакалка?

Школьники

о домашней физкультуре

Здоровье наших ребят, их спортивная закалка — общая забота, общая задача школы и семьи: одними своими силами каждому из этих «опекунов» с ней не справиться. Мы знаем, каковы сегодняшние возможности школы в области физического воспитания, и справедливо хотим, чтобы их было больше. Но что делается вне уроков, в какие игры ребята играют, какие виды спорта любят? Какова позиция родителей: одобряют ли они спортивные интересы ребят, заботятся ли о их «снаряжении», служат ли сами примером?

Чтобы тоже ответить на все эти вопросы, мы обратились к самим школьникам первых—десятих классов нашего города. На анкеты (они были анонимными) ответили 2279 ребят: 1141 мальчик и 1138 девочек. О чем же рассказали их ответы?

Анкеты наши начинались, если можно сказать, с азов — с вопроса: делаете ли вы утреннюю зарядку?

Судя по ответам, большинство ребят знают, что зарядку делать надо, что она полезна. Знают-то, знают, но вот систематически занимаются ею отнюдь не большинство, лишь около 30 процентов. 45 процентов признали, что делают нерегулярно, от случая к случаю, с перерывами. К сожалению, чем старше ребята, тем меньше регулярно занимающихся утренней гимнастикой. В девятих-десятих классах их среди девочек около 16 процентов, у мальчиков — примерно каждый пятый. А ведь к старшим классам увеличивается учебная нагрузка и ежедневные спортивные занятия, хотя бы и в такой скромной форме, особенно необходимы. Огорчительно и то, что чаще всего зарядкой пренебрегают те, кто не занимается в спортивных кружках или секциях.

Второй вопрос: делают ли зарядку ваши родители?

Увы, нельзя считать, что взрослые могут быть здесь безусловным примером. Гимнастику по утрам делают: папы — около 40 процентов, мамы — 26 процентов. Цифры невелики, соотношение же их говорит само за себя. Мы не выясняли, систематичны ли эти занятия, однако многие ребята сами делали приписки: «нерегулярно», «не всегда», «с перерывами».

Третий вопрос: умеете ли вы пла-

вать, ездить на велосипеде, ходить на лыжах, кататься на коньках?

Эти спортивные навыки мы делили, во-первых, потому, что они практически значимы, и, во-вторых, потому, что здесь особенно велики возможности совершенствоваться самостоятельно в свободные часы и в каникулярное время. Оказалось, что мальчишки здесь по всем возрастам и по всем «статьям» превосходят девочек. Велосипед и лыжи большинство ребят осваивают еще до школы — 78 процентов мальчиков и около 50 процентов девочек. Хуже обстоит дело с плаванием и коньками. Умеют плавать в первом классе лишь 34 процента мальчиков и 25 процентов девочек, кататься на коньках — 40 процентов (у мальчиков и девочек показатели одинаковы). К старшим классам показатели, естественно, улучшаются, однако и среди выпускников не умеют плавать 6 процентов мальчиков и 26 процентов девочек. Причем перемены к лучшему начинаются лишь с четвертого-пятого класса. А ведь именно в первые школьные годы эти навыки усваиваются легче и быстрее.

Четвертый вопрос: есть ли у вас дома свой спортивный инвентарь?

Здесь картина, в общем, может показаться благополучной. Но вот о мелочах дома нередко забывают. Например, обыкновенная скакалка для прыжков есть всего у 29 процентов мальчиков (и у 81 процента девочек). Разница существенная! Школьной программой по физкультуре предусмотрено обучение упражнениям со скакалкой в первом-четвертом классах всех детей; эти упражнения включены в перечень обязательных домашних заданий. Специально же проведенный в этих классах «экзамен» показал, что две трети мальчиков совершенно не владеют скакалкой, да и из тех, кто умеет прыгать, лишь один из шести выполнил упражнение на «отлично». У девочек дела были, естественно, получше, но и среди них не умела прыгать каждая четвертая. Такой немудреный снаряд, как гимнастическая палка, был дома лишь у одного из десяти ребят. А упражнения с ней включены в программы по физкультуре для четвертого-седьмого классов и тоже рекомендованы в качестве домашних заданий.

Пятый вопрос: в какие подвижные и спортивные игры вы любите играть в свободное время?

Здесь девочки оказались «богаче»: они назвали 33 игры, мальчишки — только 25. Меняется ли «игровой репертуар» с возрастом? В первом классе он включает 12 игр мальчиков и 17 у девочек, во втором — уже 10 и 11, а в третьем — всего 8 и 6 игр. В четвертом классе снова скачок вверх — названо 16 и 13 игр. А затем их число постепенно снова снижается до 7—8 в восьмом-десятом классах.

Как видите, в начальной школе де-

ти, увы, не только не знакомятся с новыми играми, но даже теряют то, что им нравилось до школы. Не оттого ли это, что мы нередко считаем: ребят учить играть не надо, сами друг от друга всему научатся.

Какие же подвижные игры привлекают детей? Сохраняют популярность те, что и нам памяты с детства — «прятки», «догонялки», «казаки-разбойники» (до шестого

класса), «жмурки» (до четвертого класса), получила признание и полюбилась ребятам военно-спортивная игра «Зарница». А вот с лаптой случилось что-то странное: ее назвали девочки и из первого, и из пятого, и из девятого классов, а мальчики не упомянули ни разу.

Самой большой популярностью, как и следовало ожидать, пользуются у школьников спортивные игры. У мальчиков всех классов на первом

месте футбол и хоккей. Названы с первого класса также настольный теннис и волейбол, со второго — баскетбол и бадминтон, с третьего — ручной мяч, но они получили заметно меньшее число голосов. У девочек пальма первенства отдана волейболу и бадминтону (с первого класса), а баскетбол, настольный теннис и ручной мяч названы лишь с пятого класса.

Шестой вопрос: занимаетесь ли вы в какой-нибудь спортивной секции школьного коллектива физкультуры или в спортивной школе?

Здесь показатели достаточно высокие. В первом классе регулярно занимаются спортом 12 процентов мальчиков и 16 процентов девочек. В дальнейшем эти цифры растут и достигают максимума у мальчиков в шестом-восьмом классах (50—55 процентов), у девочек в пятом-седьмом классах (35—40 процентов). К сожалению, к старшим классам многие девочки оставляют спорт: среди выпускниц в секциях занимается лишь каждая десятая.

Седьмой вопрос: как вы относитесь к урокам физкультуры в школе?

Ответы показали — большинство ребят любят физкультуру. Но большинство — не значит все. Сколько же тех, кто в меньшинстве? В среднем девочек 12 процентов, мальчиков 18 процентов, но по возрастам эти цифры заметно колеблются. Больше всего голосов «против» в последних трех классах — 15 процентов у мальчишек и 28 процентов у девочек. Можно, конечно, предположить, что старшеклассникам при их нагрузке просто не до физкультуры. Но скорее дело в том, что для какой-то части «продвинувшихся» ребят уроки физкультуры слишком легки и поэтому не интересны; для слабых они не интересны потому, что слишком трудны.

Какие же общие выводы можно сделать, какие советы можно дать родителям? Советы эти во многом очевидны и не новы, и все-таки анкеты помогли яснее увидеть их настоятельность.

Не забывайте об утренней зарядке.

Помните, что девочкам спорт нужен ничуть не меньше, чем мальчикам.

Не опаздывайте с обучением ребят таким важнейшим навыкам, как плавание, ходьба на лыжах, владение мячом, и не откладывайте это до пятого-шестого классов.

Учите ребят играть: как видите, они далеко не всегда могут сами пополнять «игровой репертуар».

И не забывайте о мелочах, вроде той же скакалки.

*Г. Васильков,
кандидат педагогических наук,
доцент
Львовского государственного
института физической культуры*

Больше сочувствия!

Х. Джино

Детские вопросы: их скрытый смысл

Беседа с детьми — особого рода искусство со своими законами. Дети на редкость наивны в своих отношениях с внешним миром. Их высказывания часто как бы закодированы и поэтому требуют расшифровки.

Придя первый раз в детский сад, пятилетний Брус увидел на стене рисунки и громко спросил маму: «Кто нарисовал эту гадость?» Мама смутилась. Она неодобрительно посмотрела на сына и сказала: «Нехорошо называть рисунки гадостью, а тем более такие красивые». Воспитательница же, поняв смысл вопроса, улыбнулась: «Тебе не придется рисовать точно такие картинки. Ты будешь рисовать так, как тебе нравится». Брус был счастлив, потому что ему ответили как раз на то, что его действительно волновало: «Что случается с мальчиком, который не умеет так хорошо рисовать?»

Затем Брус поднял сломанную заводную игрушку и с видом праведника спросил: «Кто сломал эту игрушку?» Мама ответила: «А тебе не все равно? Ты ведь никого здесь не знаешь». Но Бруса и не интересовало, кто именно это сделал. Он просто хотел выяснить, что грозит мальчику, который ломает игрушки. И воспитательница опять поняла: «Игрушки созданы для того, чтобы с ними играть. Иногда они ломаются. Это бывает».

Брус был удовлетворен, он узнал то, что хотел: «Это добрая тетя. Она не сердится, даже если картинка получается ужасной, а игрушка ломается. Мне нечего бояться, и остаться здесь не страшно».

Двенадцатилетняя Кэрол была взвинчена и готова заплакать. Ее любимая кузина уезжала домой после проведенного вместе лета.

Кэрол (со слезами на глазах): Сузи уезжает. И я опять остаюсь совсем одна.

Мать: Ты найдешь себе другую подругу.

Кэрол: Мне будет так одиноко.

Мать: Ну, это пройдет.

Кэрол: Ох, мамочка... (Плачет).

Мать: Тебе уже двенадцать лет, а ты такая плакса!

Кэрол кинула на мать отчаянный взгляд и вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

Эта история могла бы иметь и более счастливый конец. Даже если маме предстоящая разлука не показалась такой уж трагичной, она должна была проявить больше сочувствия. Чувство ребенка должно быть воспринято всерьез. Маме бы

надо подумать: «Кэрол страдает. Будет лучше, если она увидит, что я понимаю, как ей плохо». Дочери она могла бы сказать: «Будет очень пусто без Сузи. Ты уже по ней скучаешь». Или: «Тебе тяжело будет одной, вы так привыкли быть вместе». Или: «Тебе покажется, что без Сузи дом как-то опустел».

Такие разговоры сближают родителей с детьми. Когда ребенок уверен, что мама понимает и разделяет его чувства, боль и одиночество ослабевают, а любовь к маме углубляется. Благожелательность матери помогает ребенку справиться с собой.

Оскорбления — что они значат?

Оскорбления, как отравленные стрелы, могут использоваться только против врагов, а не против маленьких детей. Когда кто-то говорит: «Этот стул уродлив», со стулом ничего не произойдет. Стул останется таким же, как его ни назови. Но когда ребенка называют уродливым, или неуклюжим, или глупым, это даром не проходит. На это реагируют и тело и душа ребенка. У него возникают гнев и ненависть. Рождаются фантастические планы мести. Появляется чувство вины за эти фантазии и тревога из-за этого чувства вины. Возникает цепная реакция, несущая зло и ребенку, и родителям.

Когда ребенка назовут неуклюжим, он может возразить: «Нет, я ловкий». Но чаще он верит своим родителям и сам начинает считать себя неуклюжим. И когда он споткнется или упадет, он может громко сказать себе: «Ты такой неуклюжий». Он может с этого времени избегать ситуаций, когда надо проявить ловкость, потому что он убежден: он слишком неуклюж и у него все равно ничего не получится.

Как учить вежливости?

Вежливость может быть как чертой характера, так и формой поведения. Она либо намеренно воспитывается родителями, либо образуется просто как результат подражания. Во всех случаях ее нужно прививать вежливо. Однако родители часто делают это грубо. Когда ребенок забывает сказать «спасибо», родители указывают ему на это при посторонних, что само по себе, по меньшей мере, бестактно. Родители торопятся напомнить ребенку, что надо сказать «до свидания», хотя он мог просто не успеть попрощаться.

Шестилетнему Роберту только что дали завернутый подарок. Полный любопытства, он схватил коробку и хотел скорее посмотреть, что в ней.

Мать: Роберт, прекрати! Ты испортишь подарок! Что надо сказать, когда тебе дают подарок?

Роберт (раздраженно): Спасибо.

Мать: Вот теперь хороший мальчик.

Мать могла бы преподать урок вежливости менее грубо и более действенно. Она могла бы сказать: «Спасибо, тетя Патриция, за такой чудесный подарок». Возможно, что Роберт поблагодарил бы тетю вслед за матерью. А если бы он не сделал этого, мать могла бы дать урок хорошего тона позднее, когда бы они остались одни. Она могла бы сказать: «Тетя Патриция думает о тебе и вот принесла подарок. Давая напишем ей и поблагодарим ее. Она будет рада, что мы подумали о ней».

Хотя это труднее, чем прямой выпад, такой подход более эффективен. Искусство хорошего тона не может быть достигнуто попреками.

Когда дети влезают в разговор взрослых, те обычно раздражаются: «Как тебе не стыдно! Это бестактно — прерывать беседу!» Однако прерывать прерывателя тоже бестактно. Родители не должны быть грубыми, приучая ребенка к вежливости. Вероятно, лучше было бы сказать: «Я хотел бы договорить. А после этого ты скажешь».

Сказать ребенку, что он груб, — значит не достигнуть цели. Вопреки ожиданию, он от этого не станет вежливым. Опасность состоит в том, что он согласится с нашей оценкой. Однажды решив, что он грубый мальчик, он войдет в образ, сживется с ним. Грубому мальчику естественно и вести себя грубо.

Визиты к друзьям и родственникам только усиливают в детях нежелание демонстрировать свою воспитанность. Эти посещения должны быть приятны родителям и детям. Этого легче всего достигнуть, если всю ответственность за детское поведение предоставить самому ребенку и хозяину. (Наша же помощь должна заключаться в том, чтобы ребенок видел, что мы понимаем его желания и чувства).

Тогда дети понимают, что мы не склонны их одергивать в чужих домах. Поэтому они предпочитают именно эти дома, чтобы вести себя так, как хочется. А уже на это пусть реагирует хозяин дома так, как он считает нужным. Когда ребенок прыгает на диване у тети Мэри, пускай тетя Мэри сама решает, приспосаблил ли для прыжков ее диван и в какой степени. Ребенку легче слушаться, если требования исходят от постороннего. Мать, освобожденная от дисциплинарных обязанностей, может помочь ребенку, сказав ему еще раз на улице: «Здесь так принято».

Это возможно только тогда, когда между хозяином и гостем существует полная договоренность о разделении сфер влияния. Естественно, чтобы хозяин требовал выполнения правил своего дома. А долг матери в этом случае временно отказаться от роли наставницы. При такого рода невмешательстве мать поможет ребенку сориентироваться в ситуации.

Перевод с английского
Р. Орловой

Любовь Кабо

Минута молчания

«Широкое открыто поле...»

Это я слова Михайлы Ломоносова вспомнила: «Широкое открыто поле, где музам путь свой простирать...» Все служит воспитанию наших детей, все музы — и живописи, и поэзии, и музыки, и театра. И — кино, хоть музы кино, как мы понимаем, сроду не было.

Служит все. Вернее, все зависит от того, как мы, старшие, умеем активизировать внешние впечатления, полученные нашими детьми, и обратить их к наращиванию душевных богатств. Насколько умеем мы, старшие, эти впечатления разделить.

Мы касаемся только крошечного раздела, правда, немаловажного: кино. Воспитание через кино — если позволительно так неуклюже и громоздко выразиться: «Воспитание!» «Через кино!» — воспитание это только часть нашей кропотливой, изо дня в день, многолетней и не очень легкой работы.

От раннего детства...

Работенка, впрочем, не без приятности. Представляете, что это за радость: разделить с малышом первые его впечатления от детского кинематографа, от детского театра. Вы вместе с ребенком приобщитесь к шедеру, сказочному миру картин Александра Птушко или Александра Роу, вместе порадуетесь этому неизменному посрамлению зла и торжеству открытого, ясного, как солнце, добра. Хорошо? Очень! Вместе с ребенком уйдете в милый мир мультипликаций — с его простодушным, как само детство, Карсоном, трогательным Чебурашкой, победительным и неуязвимым Зайцем, лихо выходящим из всех этих своих перипетий со злодеем Волком. Вместе окупаетесь в мир откровенной игры и неистощимой фантазии Ролана Быкова, будете смеяться над злоключениями Бармалея и бояться до смерти за лежащую на пути у танков беспомощную черепаху. Вам есть что делать в мире детского кинематографа, уверяю вас!.. Вам будет удивительно уютно там — так же, впрочем, как и в мире детского рисунка или детского театра, — очень отранно для взрослых это освещающее прикосновение к миру детства.

А уж как для ребенка полезно чувствовать рядом с собой непосредственную, ребячливую реакцию величайших авторитетов современности — Его Папы и Его Мамы!..

И до поздней юности

Вот так и пойдет все это дальше, через всю вашу жизнь. Рядом с подросшими вашими детьми вцепитесь вы в подлокотники кресла, с горестным недоумением следя, как гибнут одна за другой пять прекрасных девчонок; многое можете вы после сеанса рассказать, многим поделитесь, потому что многое сохранила ваша, пусть даже детская в годы войны, память. Вы не выдержите, наверное, вы заплачете, глядя фильм «Минута молчания», и подросшее ваше дитя, всему открытое, уважительно разделит ваше молчаливое потрясение.

Вы вместе будете смотреть «Ромео и Джульетту», и подросшее дитя ваше, боязливо, искоса следя за вашей реакцией, в которой раз подумает: «Я так и знал, что мои родители — люди! Все понимаем...» Потому что почувствует этот подрастающий человек, для которого проблема разделенной любви едва ли не важнейшая в жизни, — почувствует он, как уважительно все это воспринимаете вы, какой неостывшей и для вас, «стариков», является вечная эта тема.

Вы скажете: как бы не так, пойдет он с нами в кино, подрастающий наш!.. Он с кем-нибудь другим пойдет, с тем, кто помоложе, кто ему интереснее...

Экая беда, подумаешь! Ну и пойдет с кем-нибудь другим, как мы в свое время ходили! Дело не в этом. Между прочим, и с вами пойдет — если с вами будет интересно, смею заверить.

Дело, повторяю, не в этом. Можно то же самое посмотреть и самим. Дело в готовности делиться. Дело в дружбе. Или она есть, эта дружба, или нет ее. Или это дружная, исполненная взаимного доверия и уважения жизнь — или жизнь, идущая по параллельным прямым, разобщенная, не пересекающаяся нигде, разве только формально.

А кино — что ж, кино! Кино — только частность. Если оно влетает в эту вашу совместную с детьми жизнь, тогда оно помощник и друг. И оно само, кино, может способствовать дружбе и единомыслию.

По росту ли одёжка?

Не естественно ли, что в нравственном поиске бескомпромиссная юность ищет идеалы высочайшие и обращается к историческому опыту, который нажит поколениями старшими.

И юные люто завидуют жизни, наполненной до предела. Примеряют к себе то истасканную в походах шинель и буденовку Корчагина, то изодранную под пытками рубашку Тюленина, то кажанку комиссара

Амелина из фильма «Красная площадь». Они будут размышлять: по росту ли одёжка? Смогу ли я смотреть в глаза смерти, бестрепетно идти на таран, прикрыть своим телом амбразуру? Они будут выписывать в записные книжки афоризмы, которые издавна помогают юности жить. Они выпишут и это: «Жизнь дается человеку всего один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было... стыдно за мелочное прошлое...» — слова из романа «Как закалялась сталь», которые знает наизусть каждый выпускник средней школы.

«Прожить её надо так...»

Вот они смотрят на телевизионный экран, наши ребята, — на стремительный бег словно из-под земли вырывающейся конницы, на бешеный ритм отлично снятой атаки, их захватывает ритм всей этой стремительной, до предела напряженной жизни: Они вглядываются в чистые черты В. Конкина (Павлу Корчагину, на наш взгляд, «повезло» прежде всего в его исполнении), вглядываются придирчиво и пристально, все, что происходит с ним, невольно соотнося с собой, — потому что в лице Корчагина нет печати избранности, и глаза на этом лице теплеют при взгляде на мать или на друзей, и грустят при мысли о погибших, и задумчиво смягчаются, когда звучит главная песня юности, — они вовсе не всегда воспалены решимостью и гневом, эти глаза. И поэтому ребята следят за героем с невольной симпатией и думают при этом свое: как надо прожить свою единственную и неповторимую жизнь?

Они вовсе не все примут, современные юноши и девушки, мальчики и подростки. Не большие любители они воинствующей иступленности и категорических императивов: у каждого времени свой язык.

И все-таки что-то невольно проникает в их души, сначала задевает, а потом заворачивает, когда следят они из вечера в вечер за этой опалюющей жизнью. Нормальная, здоровая юность — она всегда тоскует, — повторяю это! — по жизни цельной, по жизни осмысленной, освещенной высоким идеалом, единой целью. Но все хочется до конца осмыслить, понять самому. И подвиг тоже.

«Пятнадцатая весна»

Что ж, кинематограф понимает глубинную эту потребность и в этом идет нашим ребятам навстречу.

Не лучшей в этом ряду, очень ровной, но очень талантливой кажется нам картина Инны Туманян «Пятнадцатая весна» — картина, посвященная памяти юного героя Отечественной войны Саши Чекалина.

До поры до времени герой фильма Саша живет нормальной жизнью всякого нормального подростка: ведет переулочные бои с такими же,

как он, мальчишками. тонет с головой в нетоптанной луговой траве, закликает шепотом девочку, идущую от калитки к дому: «Оглянись, оглянись...» Нормальный счастливый подросток, шепотом закликающий свою судьбу, не знающий еще, что совсем иная она, что она — у порога.

И вот потянулись военные эшелоны. Это прекрасный кинематографический образ, когда герой наш попадает на путях между двумя одновременно двинувшимися эшелонами: один идет с беженцами на восток, другой — с войсками! — на запад. Саша приседает, чтоб удержаться, не уласть, зажимает, оглушенный, уши — и вдруг кричит,

словно преодолевая этот нарастающий грохот войны...

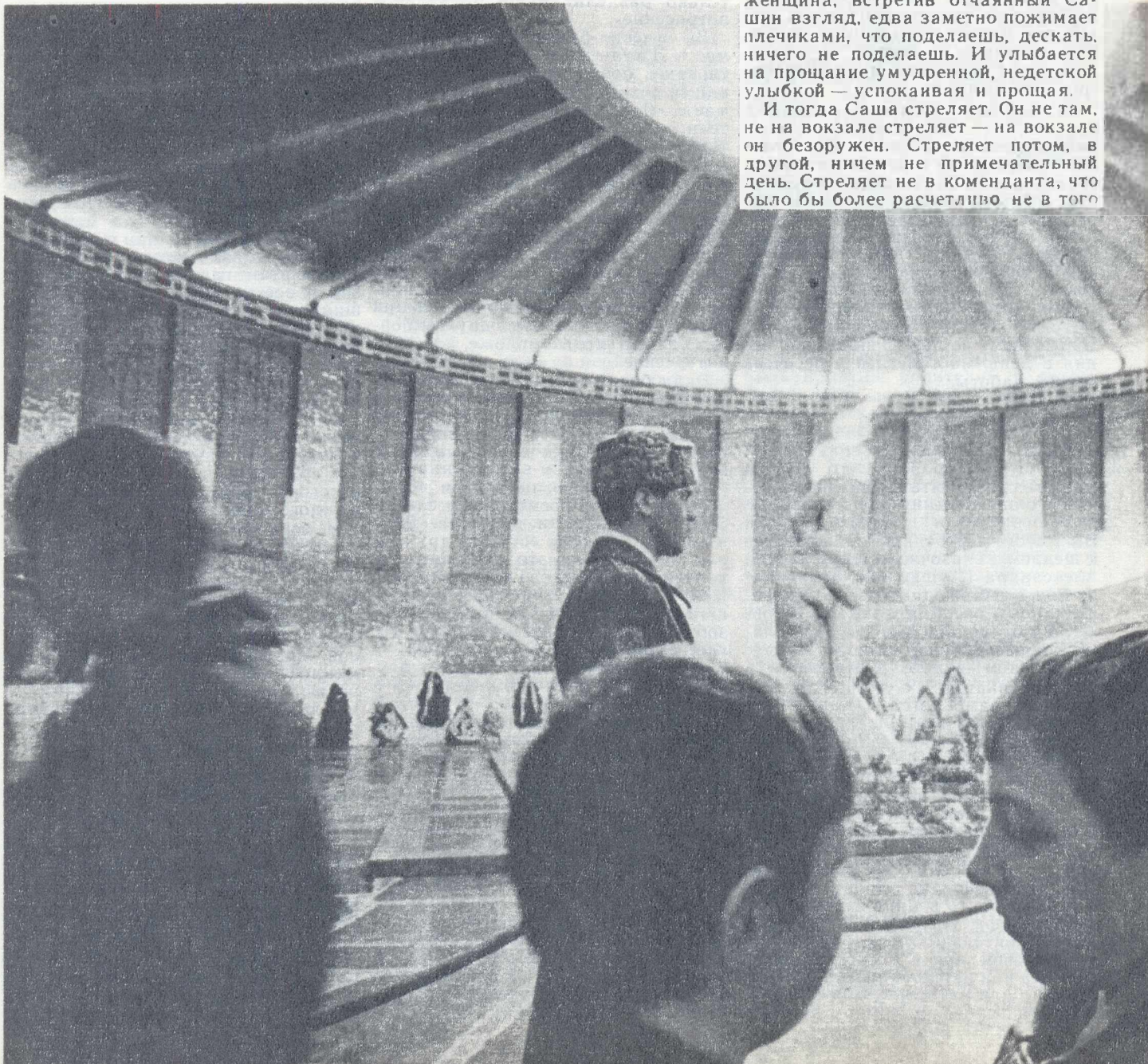
Война забрасывает в Сашин дом крошечную девчурку, потерявшую всех своих родных. Ребенок со старческим благоразумием, прижимая к груди цыпленка, рассуждает о том, что вот курочка вырастет, начнет нести яички, ничего, как-нибудь все они прокормятся, как-нибудь проживут... Рассуждения эти невозможно слушать. Ребенок вдруг спохватывается: «Дедушка, а вы не отдадите меня...» Сашин дедушка и, конечно, сам Саша горячо заверяют маленькую Марусю: никому они ее не отдадут, пусть девочка ничего не боится...

А немцы уже здесь, уже заполня-

ют весь город. Они вовсе, казалось бы, не страшны, они — миролюбивы. Но что нам до того, что они пока еще не творят откровенного зла: то, что происходит, раздирает сердце.

Предчувствия не обманывают нас. Вот фашистский выродок, подвыпивший фельдфебель, стреляет в играющего ребенка, как в живую мишень. Вот детдом в своих одинаковых, трогательных белых панамках тянется парами к ожидаемому на железнодорожных путях эшелону — детдом увозят далеко от этих мест, в глубь Германии. Вот идут парами вслед за этим детдомом другие дети — под раздирающие крики родных, под вопли матерей. Вот идет среди других детей и маленькая Маруся, которую Саша так и не сумел защитить. Четырехлетняя женщина, встретив отчаянный Сашин взгляд, едва заметно пожимает плечиками, что поделаешь, дескать, ничего не поделаешь. И улыбается на прощание умудренной, недетской улыбкой — успокаивая и прощая.

И тогда Саша стреляет. Он не там, не на вокзале стреляет — на вокзале он безоружен. Стреляет потом, в другой, ничем не примечательный день. Стреляет не в коменданта, что было бы более расчетливо, не в того

фельдфебеля-убийцу — стреляет в беспечного немца с губной гармоникой. Не может он больше. Не может существовать более рядом с открытым и безнаказанным злом.

А потом скрывается. Бежит в расположение партизанского отряда, и командир отряда, которому Саша рассказывает все, невольным жестом охватывает голову мальчика и прижимает к своей груди, словно пытаясь защитить его от того, от чего уже защитить невозможно: от всего, что пришлось мальчику пережить.

Мы не знаем, как в конце концов попал Саша в лапы к немцам, — это остается за пределами картины. Мы не видим казни его, только без-

молвно расступающуюся толпу на его последнем пути. Все это нам не нужно. Это фильм-размышление, фильм-осмысление, и мы вместе с создателями его, освободившись от подробностей, которые и сами можем довообразить себе, не только горюем о том, как неотвратимо вытягивалось беспечальное детство в трагическую воронку войны. Но строго и трепетно, умом и сердцем приникнем к истокам подвига. Волнуясь, будем говорить об этом с нашими детьми. Сашиними ровесниками. И волнуясь, ждать их суждения, отклика...

Пять против шестнадцати

Фильм «А зори здесь тихие» — тоже размышление о подвиге. Наше, зрительское. Начинается оно с той самой минуты, как перед старшиной Васковым и пятью зенитчицами суровое, непреложное: сколько бы их ни было, этих немцев, бесшумно появляющихся в чащобе, — сколько бы их ни было, матерых, рыжих, вооруженных до зубов, пропустить их нельзя.

И именно это, не вырывающееся наружу, но отчетливо нами ощущаемое, позволяет нам без лишних слов почувствовать самую сокровенную пружину подвига, стоящий за ним нравственный принцип. Почувствовать — и принять, как свое личное; каждому зрителю поможет, даже очень юному и не соприкасавшемуся, слава богу, с войной. А дальше зритель будет следить не отводя глаз, за всеми перипетиями боя, и в сердце каждого, даже самого юного, отзовется васковское: «Не сберег я тебя, Сонечка». И так уж пойдет — очень лично, с болью, с тоской: «И ты, Лиза». «И ты, Женечка». «Рита, милая, и тебя не сберег!»

Здесь ощущение подвига, осмысленного предельно, его непреложность. То самое, что определяло не отдельный эпизод в Отечественной войне, но всю ее.

Пусть сегодняшняя юность смотрит на все это, обливаясь жаркими слезами. Не надо уберегать детей от этих врезающихся впечатлений. Пусть приобщаются к подвигу своего народа, пусть лишний раз подумают, примерят к себе: могу ли я так, по росту ли мне эта одежда?..

Внук неизвестного солдата

Последующим поколениям одинаково дороги и исписанные фамилиями обелиски, и безвестные, затерянные в партизанских лесах могилы. Об одной такой могиле и рассказано в картине режиссера И. Шатрова «Минута молчания».

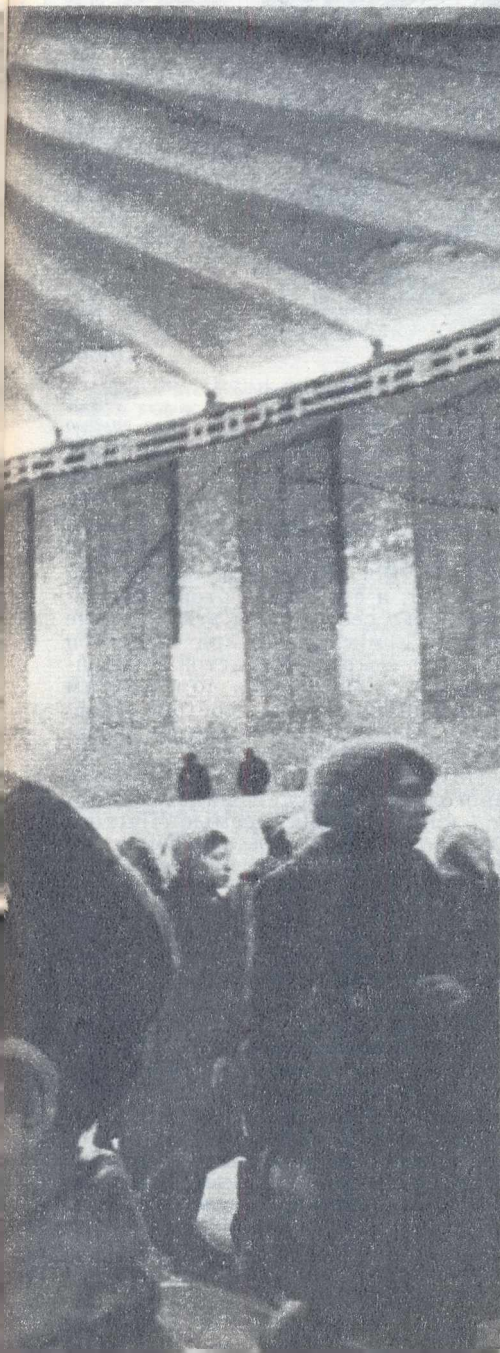
Вспомните героя этой картины Сергея, паренька из стройбригады, тянущей дорогу и наталкивающейся невзначай на безвестную солдатскую могилу. Кто в бригаде принимает Сергея всерьез? Никто. Он треплив, и легковесен, и отлынивает от работы под любым предлогом.

Но как меняется он на наших глазах — по мере того, как глубже и глубже уходит в поиск неизвестного, захороненного в этой могиле, по мере того, как узнает о судьбе подразделение сержанта Бокарева — горсточке бойцов, сгинувших в свое время бесследно. Сколько в этом пареньке, оказывается, тайлось и совестливости, и чувства ответственности, и способности к сочувствию. Мы все больше уважаем его за «странную» его память, которая, как поется в песне, сопровождающей этот фильм, сохраняет то, что было «не с ним». Уважаем его за упорство. Сочувствуем, когда ему предстоит сказать собравшейся в дальнюю дорогу старой женщине, уже и дом продавшей, и связавшей немудреный свой скarb, — сказать матери Бокарева, что, как выяснилось, вовсе не ее сын лежит в обнаруженной могиле. Вы взгляните в эти исполненные немого сострадания глаза Сергея! Старая женщина и без слов понимает все. «Ничего, — торопится она снять с юной души непосильную тяжесть, — Ничего, я хоть на той земле поживу, где мой сын воевал...»

Вместе с Сергеем мы следим за судьбой каждого из погибших солдат. Вот сам Бокарев — как напоминает он нам того же Сергея: и он не прочь свалить на других работу погрязней, и он любит пустить пыль в глаза, покрасоваться, распустить перья. И он преобразается на наших глазах в обстоятельствах нешуточных — завязывая неравный бой, поджигая немецкий штаб, бестрепетно глядя в глаза неминуемой смерти. А сверстник Сергея, молодой паренек, которого, тяжело раненного, товарищи оставили в первом попавшемся доме. Вот он слышит почти в бреду звуки приближающейся облавы, слышит испуганное перешептывание многодетной, приютившей его семьи. Не желая никого губить, несмотря на протесты добрых людей, он через силу поднимается, выбирается задами в ближайший овраг. Он мог бы отсидеться в этом овраге, мог бы еще спастись, если б не отчаянный девичий крик с моста. И он выпрямляется во весь рост, этот молоденький солдат, он выходит из засады навстречу этому крику, дает залп из автомата по хохочущим немцам — и погибает.

А тот солдат, что, как выяснилось похоронен в безвестной могиле, Борис Краюшкин, пожилой человек. Вспомните, как поплевал он на ладони, плотнее перехватывая баранку немецкого бензовоза, — перед тем, как направить его в самую гущу сбившихся немецких машин: «Ну, молитесь, сволочи, вашему немецкому богу...»

Нет, недаром проходят люди, невольно замедляя шаг, мимо могилы Неизвестного солдата в яркий весенний полдень! Вечна память народа, — и как драгоценную эстафету, берет молодежь эту память в глубины собственных потрясенных сердец.

Печальные глаза малыша Дэви

Роман «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» Диккенс любил больше других своих книг. В авторском предисловии 1869 года он откровенно признался в этом.

К тому времени книга была уже переведена в России и издана несколько раз. Ею зачитывались, ее искали. Следует добавить: книгу читали взрослые — она была адресована им.

За сто с лишним лет читатель романа изменился. Теперь книге воздадут почести посетители детских библиотек, слушатели детских радиопередач и зрители детских театров. По-прежнему, они — надо сказать правду — забывают о ней.

Однако весь мир мыслей и чувств диккенсовского романа, вся его мудрость и человечность доступны только зрелому возрасту.

Вернуться к «Дэвиду Копперфилду» не скучно, к счастью, и в тридцать, и в пятьдесят лет. Каждый, кто попробует сделать это, не только еще раз пройдет по улицам старого Лондона в толпе диккенсовских чудачков, злодеев и мечтателей. Обогащенный жизненным опытом человек, вновь вернувшись на страницы «Дэвида Копперфилда», наверняка изумится, насколько близок нам своим человеческим содержанием этот старый роман.

Мир «Дэвида Копперфилда» — это с точностью и красочностью выписанная «околостоличная» Англия первой трети XIX века: тихие идиллические особняки, почтовые кареты, маленькие городки на больших дорогах, парусные корабли в тихих гаванях, оплывающие свечи на каминах, частные пансионы, неотличимые от тюрем для несовершеннолетних, меняльные лавки в сумрачных подворотнях, карликовые юридические конторы в тени долговых тюрем — и, конечно, деньги: пенсы, фартинги, шиллинги, гинеи и соверены.

Все это могло бы показаться неким забавным музеем, лавкой древностей, если бы через этот мир не вел читателя маленький мальчик Дэви, ставший, несмотря на все невзгоды, настоящим человеком.

Диккенс рассказал об этом так, как мог рассказать только он: покоряя читателя неожиданными поворотами сюжета, безграничным юмором, чередованием глубоко драматических сцен с эпизодами необычайного веселья, но самое главное — горячей человеческой заинтересованностью.

Теперь в Англии нет ни почтовых дилижансов, ни парусных кораблей, а малыш Дэви дожил до наших дней и стал «своим человеком» не только на родине — в любой стране. Потому что удивительная история Дэвида Копперфилда заставляет размышлять о нравственных проблемах, далеко не безразличных нынешнему веку. Во всяком случае, непоколебимое диккенсовское убеждение, что нравственные условия формирования личности определяют ее судьбу, — остается злободневным.

Разумеется, никакого специального исследования о воспитании Диккенс не писал. В «Дэвиде Копперфилде» он, как и в других своих книгах, «просто изображал жизнь». Но в словах и поступках людей из романа, с которыми интересно, весело, грустно, а временами и жутковато, открывается самое главное и для Диккенса, и для нас: выстраданное понимание ценности человеческой жизни, неприкосновенность человеческого достоинства и право на справедливое отношение для каждого человека — семьдесят ли ему лет или семь.

Особенно — если ему семь.

«Одинок и задумчиво звучала эта песенка, и я решил, что мать одна. Я тихо вошел в комнату. Она сидела у камина, кормила грудью младенца и придерживала у себя на шее его крошечную ручонку. Ее глаза были опущены и устремлены на личико ребенка, и она пела ему...»

Дэвиду Копперфилду рано пришлось узнать, что такое несправедливость. Когда ему исполнилось восемь лет, в его жизнь вторглись отчим и его сестра. Два эти мрачные фигуры — мистер Эдуард Мэрдстон и мисс Джейн Мэрдстон — хозяйской поступью прошли по комнатам «Грачевника» в Бландерстоне, графство Суффолк, принеся семье Дэвида одни только несчастья.

Позднее Дэвид убедится, что зло многолико. Он будет свидетелем того, как разрушит семью Пегготи Стирфорт и как подло разорит его бабушку Урия Хип. Но самый первый и самый жестокий удар нанесли ему брат и сестра Мэрдстон, не посчитавшиеся с хрупким внутренним миром ребенка, который они коверкают, ломают, уродуют только по праву силы.

Ребенок всегда слабее взрослых, он естественно подчинен им. Принудить его, заставить выполнять любые требования совсем не трудно.

Все дело — в цене, которой оплачено это насилие. Все дело — в недоброй памяти, которая оседает в душе.

«Когда мы остались вдвоем с мистером Мэрдстоном, он закрыл дверь, уселся на стул, поставил меня перед собой и пристально посмотрел мне в глаза. Я чувствовал, что смотрю ему

в глаза не менее пристально. И когда я вспоминаю, как мы остались с ним лицом к лицу, сердце мое и теперь начинает колотиться в груди.

— Дэвид! — начал он, сжав губы и растянув рот в ниточку. — Если мне приходится иметь дело с упрямой лошадкой или собакой, как, по-твоему, я поступаю?

— Не знаю.

— Я ее бью.

Я что-то беззвучно пробормотал и почувствовал, как у меня перехватило дыхание.

— Она у меня дрожит от боли. Я говорю себе: «Ну, с этой-то я справлюсь. И хотя бы мне пришлось выпустить всю кровь из ее жил, я все-таки добьюсь своего!»

Мэрдстон разговаривает с Дэвидом как с закоренелым преступником. А все «преступление» мальчика — это естественный взрыв детских чувств: ошеломленный известием о втором замужестве матери, остро осознавший крах тихого идиллического бытия, проплакавший всю ночь, ребенок отказался выйти к общему завтраку, потому что не был в силах представить себе чужого человека за семейным столом.

Но какое дело Мэрдстону до этих переживаний? В следующей же главе он выполняет торжественно данное им Дэвиду и самому себе обещание: укрощает ребенка точно так же, как укрощал бы собаку или лошадь.

«Он вел меня наверх в мою комнату торжественно и важно — я уверен, ему доставлял удовольствие этот торжественный акт правосудия, — и, когда мы там очутились, внезапно зажал подмышкой мою голову».

— Мистер Мэрдстон! Сэр! — кричал я. — Не надо! Пожалуйста, не бейте меня! Я так старался, сэр! Но я не могу отвечать уроки при вас и мисс Мэрдстон! Не могу!

— Не можешь, Дэвид? Ну, мы попробуем вот это средство.

Он зажимал рукой мою голову, словно в тисках, но я обхватил его двумя руками и помешал ему нанести удар, умоляя его не бить меня. Помешал я ему только на мгновение, через секунду он больно ударил меня, и в тот же момент я вцепился зубами в руку, которой он держал меня, и прокусил ее. До сих пор меня всего передергивает, когда я вспоминаю об этом.

Он сек меня так, будто хотел за-сечь до смерти... Затем он ушел и запер дверь на ключ. А я лежал на полу, дрожа как в лихорадке, истерзанный, избитый и беспомощный в своем иступлении».

Во всей мировой литературе это одна из самых немногословных и самых потрясающих сцен избияния взрослым ребенка — избияния с упованием, избияния запланированного, избияния как системы воспитания, избияния тем более ужасающего, что в роли истязателя выступает не малограмотный нижегородский мещан-

нин Каширин, а респектабельный английский джентльмен.

Диккенсу, в те времена, когда он звался просто маленьким Чарли, тоже пришлось в полной мере испытать, что такое грубость, жестокость, эгоизм, вольное или невольное унижение слабых, — а дети ведь в этих случаях всегда «под рукой», — теми, кто сильнее.

Он, повторяем, не сочинял трактата о воспитании. Кульминационная сцена между маленьким Копперфилдом и взрослым Мэрдстоном — вовсе не исследование взаимоотношений отчима и пасынка. Это — человеческий протест против растаптывания всеильными взрослыми беззащитного детского мира. Это — не подлежащее обжалованию обвинение тем, кто с высот «взрослой» самоуверенности топчет, неоправданно рая, детские души.

«Видит бог, что я... на всю жизнь, быть может, стал бы другим, услышь я в то время ласковое слово! Слово ободряющее, объясняющее, слово сострадания моему детскому неведению, слово приветствия от родного дома, заверяющего, что это мой родной дом, — такое слово родило бы в моем сердце истинную покорность мистеру Мэрдстону вместо лицемерной и могло бы внушить уважение к нему вместо ненависти».

Ободряющие слова? Мэрдстоном они неведомы. Единственным способом ликвидации детских капризов они считают физическое и духовное принуждение.

«— Итак, Дэвид, — продолжал мистер Мэрдстон, оборачиваясь ко мне и устремляя на меня холодный взгляд, — я с сожалением заметил, что у тебя угрюмый нрав... Со свойственной тебе угрюмостью ты уединился в своей комнате. Ты сидел в своей комнате, когда тебе следовало находиться здесь. Запомни теперь раз и навсегда: я требую, чтобы ты был здесь, а не там! И еще я требую от тебя повиновения. Ты меня знаешь, Дэвид. Этого повиновения я добьюсь».

Итак, повиновение любой ценой. Страх перед взрослыми во что бы то ни стало. И наказание — не столько за действительные проступки (не прилежность в учении, к примеру),

«Мое пребывание приближалось уже к концу, когда было объявлено, что Пеэгоги и мистер Баркис предпримут увеселительную прогулку, а мы с малюткой Эмми будем их сопровождать...»

Когда мы высыпали за дверь, я увидел, что мистер Пеэгоги приготовил старую туфлю, чтобы бросить ее на счастье наяд вслед, для какой-то цели он и пожелал вручить ее миссис Гаммидж...»

а за непочтительность к затраченным на ребенка наставлениям, за невнимание к мэрдстоновским заботам: взрослый — всегда прав, а ребенок — всегда виновен.

Таковы убеждения Эдуарда Мэрдстона, а точнее говоря — дремучие предрассудки, которые он кичливо называет «твердыми». Он ли один? И только ли в те далекие времена?

Когда в пансионе Сэлем-Хаус неведжда Крикл, до вступления на педагогическое поприще торговавший хмелем, рассыпает направо и налево пинки, щелчки и зуботычины, — это омерзительно, но от невежды и неуча Крикла большего и ждать нечего. Когда в Лондоне наглый долговязый парень бессовестно грабит малыша Дэви, то очевидно, что для этого парня насилие над слабыми — привычный и незамаскированный образ действий. Когда полубезумный старьевщик обкрадывает ребенка — на другое он не способен, он всю жизнь кого-нибудь обманывает и обчитывает.

Это все несправедливость, по мнению Дикенса, сама собой разумеющаяся: так уж устроены нежественные управители частных пансионов, ростовщики и дорожные бродяги.

Бесчинства «уважаемого джентльмена», жестокость, прикинувшаяся необходимостью, — вот что страшнее всего.

Однако «взрослые» эгоизм, жестокость и подлость истоками своими уходят в то же самое детство: ведь и Мэрдстоны были когда-то маленькими и беззащитными...

Великий реалист Диккенс в том же романе уясняет для нас и для себя, что вырастает из посеянных в детстве жестокости и злобы, к какому нравственному итогу приводит унижение, испытанное человеком в детстве и юности.

Примерно в середине книги предстает перед читателями Урия Хип

(он немногим старше Дэвида) — человек, которому тоже пришлось несладко в его ранние годы.

«...И мой отец, и я учились в частной благотворительной школе для мальчиков, а мать — в общественной, тоже благотворительной. С утра до вечера нас обучали смирению и больше ничему. Мы должны были быть смиренны и перед этой особой, и перед той особой, здесь мы должны ломать шапки, там отвешивать поклоны и всегда знать свое место, и всегда унижаться перед высшими! А сколько этих «высших» у нас было! За свое смирение отец получил бляху старшины в школе. И я также. За свое смирение отец получил место пономаря. «Будь смиренным, Урия, — учил меня отец, — и ты далеко пойдешь. Это всегда твердили и мне, и тебе в школе, и так оно будет лучше. Будь смиренным, и ты добьешься своего». И в самом деле вышло неплохо».

Как на самом деле это вышло — мы знаем от Диккенса: Урия Хип вырос негодяем. Результатом унижений, испытанных в детстве, оказались злобные воспоминания о былых обидах, неукротимое желание расквитаться за них и полное безразличие к чужим страданиям.

Еще одна судьба: Джеймс Стирфорт. Он был с самого детства выучен матерью презирать других. Высокомерие прямо-таки было взлелеяно в нем. Эгонистическая жестокость этого молодого человека — только следствие того, как всемерно

«— А что скажет мальчик? Ты согласишься цехать с ним, Дэвид? — спросила бабушка.

Я ответил: «Нет!» — и стал умолять, чтобы она меня оставила у себя. Я сказала, что ни мистер Мэрдстон, ни мисс Мэрдстон никогда меня не любили и никогда не были со мною ласковы. Сказала, что они измучили из-за меня мою маму, которая горячо любила меня...»

С рисунков «Физа» (Х. Н. Брауна), выполненных для первого издания книги

поощрялись в его юные годы любые, самые неистовые желания семейного кумира.

Все начинается с детства. Познание справедливости — тоже.

Жестокость, насилие, ложь, окружающие ребенка, могут и не сломить его, если он на живых примерах убедится, что сильны не одни только злоба и подлость, что существуют, кроме того, дружеская поддержка, человеческое участие, если он требует не только сочувствия к себе, но и протестует против бесправия других, наконец, если его учат всему этому.

Для великого гуманиста Диккенса важнее всего было опровержение несправедливости, победа над ней. Поэтому по воле автора Дэвид встречает в жизни не только Мэрдстонов и Криклов, но и славных Пегготи, надежного друга Томми Трэдлса, преданную Агнес, очаровательную Дору. Поэтому-то герои романа, вопреки множеству несчастий, выпавших на их долю, добиваются в конце концов до счастливой гавани.

Конечно, сегодня, сто с лишним лет спустя, легко убедиться, что диккен-

совским надеждам на преодоление реальной несправедливости одними лишь абстрактными добротой, честностью, трудолюбием — не суждено было оправдаться. В диккенсовской Англии сотни и тысячи маленьких мальчиков по четырнадцать часов в день стояли у ткацких станков: их трудолюбие и честность не изменили их судьбы. Сотни и тысячи надсмотрщиков и управляющих, жестоких, как Эдуард Мэрдстон, и лицемерных, как Урия Хип, господствовали над ними, выколачивая самое для Мэрдстонов и Хипов важное — прибыль. И никого из них не сажали в тюрьмы и не изгоняли из «приличных домов»...

Счастливая история Дэвида Копперфилда и его друзей оказывалась единичной — да и то лишь в романе...

Однако не так уж он был наивен в своих мечтах, Чарльз Диккенс. Он не был оторван от времени — недаром в «Дэвиде Копперфилде» звон денег весьма часто заглушает вздохи обездоленных и призывы к милосердию. По-прежнему где-то в другом особняке издевается над новой женой Эдуард Мэрдстон, процветает на посту мирового судьи бывший деятель просвещения Крикл. Зло остается в мире: великий реалист Диккенс не мог умолчать об этом.

Мы знаем, что остается оно и сейчас, хотя за полтора века в корне изменились наши представления о добре и зле, о праве и бесправии. Мы вряд ли возьмемся утверждать, что злобу и произвол можно исправить терпеливостью и добротой. За полтора века человечество узнало более радикальные способы борьбы с бесправием семейным и социальным.

Однако роман Диккенса нужен нам не для того, чтобы продемонстрировать на его примере беспочвенность надежд на преобразование жизни благими намерениями. Злободневность диккенсовской книги доказана тем, что несправедливость к ребенку в самых различных проявлениях оказалась живучей, а расшатанные в детстве нравственные основы человеческого характера способны породить множество ущербных судеб.

В «Дэвиде Копперфилде» эта угроза человеческому счастью заклеимлена с огромной художественной силой.

Поэтому так долго остается с нами эта книга, и печальные глаза малыша Дэви долго будут смотреть на нас, напоминая о необходимости уважения к человеку и ненависти ко всему, что его унижает.

«абоненты» станции — Всесоюзный ожоговый центр института хирургии, центр отравлений, сосудистый центр клиники Петровского, почечный центр, институт трансплантации органов и т. д. В каждом из них выделены специалисты для работы в санитарной авиации. Специалисты не только дают консультации по телефону, но и вылетают в любой город или населенный пункт. Санитарная авиация доставляет также лекарства и медикаменты из Москвы. Станцией выполняются срочные задания по профилактике массовых заболеваний, по обслуживанию районов, пострадавших от стихийных бедствий.

В диспетчерской круглосуточно дежурят медицинские сестры, фиксируя каждый звонок-заявку.

Само понятие «санитарная авиация» обозначает неразрывную связь врачей и авиаторов. Действия и тех и других отработаны до малейших деталей, синхронны.

В практике работы станции не было случая, чтобы авиация не выполнила санитарного задания. Спасено немало людей, предотвращены массовые заболевания, вовремя доставлены лекарства.

«Гражданская авиация», № 4, 1974

Имена в Эфиопии

У жителей Эфиопии нет фамилий, они называют друг друга по именам, а в официальном обращении к имени человека прибавляется имя его отца.

У христианских народов Эфиопии ребенок получает два имени: церковное (при крещении) и мирское. Интересно, что суеверные люди скрывают свое церковное имя, боясь, что на них наведут порчу.

К выбору имени относятся очень серьезно, вкладывают в него глубокий смысл.

Часто имя показывает, каким родители желают видеть сына или дочь. Например: Тэсфайэ — «моя надежда», Гобазе — «мой храбрец», Ашеннафи — «победитель».

Восторг родителей в связи с появлением малыша на свет также отражается в именах: Тырунэх — «ты хороший», Аггам-Йеллех — «ты несравненный», Амарэ — «он красивый» и т. п.

Иногда ребенку дают такое имя, которое вместе с именем отца образует предложение, передающее определенную мысль. Например, мужское имя Йемсысраг с «отчеством» Тэсэмма составит фразу: «Радостная новость была услышана», а сочетание Мэнгисту Лемма означает: «Его государство стало процветающим». Женское имя Цыге-Рэда Аббэбэ значит: «Роза расцвела».

Бывает, что мать дает сыну имя, которое в сочетании с именем отца ребенка звучит как выражение ее любви к мужу: Антэнэх Мэсай — «Он твоя копия».

«Азия и Африка сегодня», № 5, 1974

Ферменты и наше питание

Наука установила, что многие процессы, идущие при переработке растительного сырья, зависят от ферментов, которые содержатся в клетках растений. Когда разрушается клетка (например, при помоле зерна или когда давят виноград), ферменты способствуют образованию вкусовых и ароматических веществ. Под их воздействием тесто превращается в хлеб, а виноградный сок — в вино. Реакциями ферментов можно управлять. Так, при длительном хранении пшеницы в результате ферментативного окисления жиров в зернах появляется горечь. А если просо обработать паром, пшено хранится лучше и дольше. Некоторые ферменты, например В-галактозидаза, помогают вводить в хлеб до 15 процентов ценного молочного белка, что не только улучшает вкус хлеба, но и делает его очень полезным для здоровья.

Известно, как трудно вырастить и собрать урожай овощей, но еще трудней этот урожай сохранить. А вот если помещение, где хранятся овощи, подвергать активной вентиляции (продувать прохладный воздух), в клубнях картофеля образуются ферменты, предохраняющие его от порчи. Ферменты, извлеченные из растительного сырья, применяются в кулинарии: жесткое мясо, обработанное препаратом ферментов, становится мягким, сочным, приятным на вкус, лучше усваивается. У нас в стране начала создаваться ферментная промышленность, выпускающая эти вещества. С их помощью качество блюд, выпускаемых предприятиями общественного питания, станет много лучше.

«Химия и жизнь», № 5, 1974

Воздушная скорая помощь

В одном из корпусов Московской клинической больницы имени Боткина находится республиканская станция санитарной авиации. Сюда по каналам связи поступают сигналы тревоги со всей республики, здесь нередко решается судьба людей. Станция эта оказывает экстренную помощь населению. В ее распоряжении подразделение самолетов Быковского аэропорта. Постоянные

Доктор неимущих

В тихом московском Малом Казенном переулке, у здания Института гигиены детей и подростков, стоит памятник доктору, лечившему неимущих и бесприютных. Имя его — Федор Петрович Гааз.

Удивительна и поучительна жизнь этого замечательного человека.

Начало его карьеры предвещало безмятежную и обеспеченную жизнь. Молодого военного медика, участника войны 1812 года, наперевоз зазывают в лучшие дома Москвы, вместе с популярностью растет и его счет в бабке. Но вот доктор приглашают на должность в пересыльную тюрьму, и отныне цель своей жизни Федор Петрович видит только в одном — облегчить участь заключенных.

Доктор не только лечит больных, но и пишет прошения за них, стремится сделать их жизнь хоть чуточку легче. Гааз хлопочет об облегчении участи ссылаемых в Сибирь политзаключенных, горцев-заложников, крепостных крестьян.

Доктору удалось отменить многопудовый прут, к которому намертво приковывались заключенные, он добился продления отдыха на этапе, разрешения на передачу калачей арестантам у Московской заставы, открытия школы для детей арестантов и многого другого.

Все, что он имел, — деньги, имущество, одежду, — все было отдано обездоленным. Последнее, что он успел сделать, — открыть больницу «для бесприютных всех званий и без платы».

В похоронах доктора Гааза участвовало более двадцати тысяч человек: ввиду небывалого стечения народа были подняты по тревоге казачьи части.

«Спешите делать добро» — этот девиз всей жизни доктора Гааза написан на постаменте его памятника. Автор памятника — известный русский скульптор Николай Андреев.

«Филателия СССР», № 5, 1974

А драконы все-таки есть!

Ю. Дмитриев. *Человек и животные.* Рисунки Б. Кыштымова. М., «Детская литература», 1973.

Новая книга Ю. Дмитриева начинается словами Всемирной хартии по охране диких животных: «Любовь и уважение к живым существам должны вытекать из любви и уважения вообще, как высочайших качеств и стремлений, присущих человеку». Это и есть ключ ко всей книге. Проблема «человек и животные» автор решает как проблему нравственную, и это, безусловно, правильно.

Книга большая, около четырехсот страниц. И очень красивая — ее с любовью оформил художник Б. Кыштымов, полиграфически она исполнена с большим вкусом.

История отношений человека и животных — вот структура этой научно-художественной книги. «Человек поклоняется и проклинает», «Человек узнает и изучает», «Человек открывает и находит», «Человек верит, сомневается, ищет», «Человек убивает и уничтожает», «Человек охраняет и спасает», «Человек изучает и учится». Так называются семь

ли от хищников — пум и волков, и американцы начали этих хищников уничтожать. Охотники быстро справились с поставленной задачей: все волки и пумы в этом районе были уничтожены. Охотники обрадовались. Да и было чему: оленей сразу стало во много раз больше. Но радость оказалась недолгой: прошло еще несколько лет, и началась массовая гибель оленей. И скоро их стало меньше, чем до истребления волков и пум. А еще через некоторое время оленям на этом плато стало грозить полное вымирание.

Причиной на этот раз явились хищники, точнее, их отсутствие.

Как же так? Казалось бы, отсутствие хищников должно способствовать постоянному увеличению поголовья оленей. Ведь их теперь никто не уничтожал!

На самом деле все гораздо сложнее. И если человек вмешивается в жизнь животных, он должен прежде всего хорошо обдумать. Посчитать.

Сторонники уничтожения хищников не умели или не хотели считать. Иначе они поняли бы, что сильно размножившиеся олени стали опустошать все вокруг. А опустошив.

стали гибнуть от голода.

Однако смерть от голода — не единственный результат полного уничтожения хищников: животные начали гибнуть и от болезней. Возможно, те, кто задумал уничтожить хищников, не знали, что эти животные активно предупреждают массовые заболевания... Они в первую очередь уничтожают слабых, больных животных, пресекая тем самым передачу, распространение болезней.

Книга захватывающе интересная. Я представляю себе школьника, который будет читать ее. Он будет читать ее долго, не спеша. Он будет с удовольствием ждать этой минуты, когда уроки сделаны, ничто его не тревожит и можно раскрыть книгу. Тогда произойдут удивительные встречи. Он увидит бегущих по траве зебр. Обезьяну, смешную и грустную. Пушистого умницу бобра. Он узнает: лягушка хватается жука с такой скоростью, что даже самый внимательный наблюдатель не может за этим моментом уследить. Узнает, что, оказывается, есть на земле настоящие драконы — они живут на острове Комодо. Он рассмотрит прекрасные фотографии, интересные рисунки. Вот таким представляли себе льва древние люди. А такой он на самом деле. Обезьяна лежит на спине, а в поднятых руках держит де-

Люди всегда были убеждены, что моря и океаны населены необычными существами

«Волшебная сова». Работа современной эскимосской художницы из Канады (слева)

Этот рисунок людей-обезьян появился примерно за сто лет до теории Дарвина

глав этой книги. Прослеживается эволюция отношения к животным на протяжении всей истории человечества. От страха и преклонения люди постепенно пришли к высокомерию и пренебрежению. А теперь расплачиваются. Правда, люди стали умнее и пытаются извлечь уроки из ошибок прошлого.

Автор утверждает, что лишних зверей, птиц, насекомых на планете Земля нет. Нет лишних, даже вредные чем-то полезны. Потому что природа — это равновесие, гармония.

Вот пример. «Американцы решили спасти оленей на плато Кайбаб в штате Аризона. Олени очень страда-

теньша. И подписи: «Кто сказал, что животным недоступно настоящее счастье?»

На фотографии сайга. Рога винтом, кудрявый загривок и грустные глаза. Подпись: «Еще недавно сайга была кандидатом в список полностью истребленных животных». Так и кажется, что грусть в глазах этого животного осмысленная.

На другой странице изображен тигр. Он лежит спокойный, достойный, красивый. А рядом снимок: красавица в роскошной шубе. И подпись: «Эта, возможно, самая дорогая в мире шуба радует свою хозяйку, тешит ее тщеславие. Но у людей, любящих животных, имя кинозвезды, по капризу которой было убито десять тигров, не вызывает симпатии».

Юрий Дмитриев — биолог, и потому его рассказы содержат большой и серьезный материал. Но он и писатель, и потому он прекрасно знает тех, кому он рассказывает. Он говорит с юным читателем уважительно. Он как бы внушает ему: ты самый сильный на земле, потому что ты человек. Сильнее тигра и слона, сильнее всех. И значит, ты обязан быть самым добрым.

Автор как бы говорит детям: я знаю много, очень много интересно. И рад этим интересным с тобой поделиться. Сейчас буду тебе рассказывать. Я никуда не тороплюсь, и ты никуда не торопись. Посидим вместе, подумаем, поговорим. Есть все основания думать, что мир станет совершеннее, что все живые будут живы. Но это зависит и от тебя, и от меня.

Людмила Матвеева

Неистовый Виссарион

Лев Славин. Неистовый. Повесть. М., Политиздат, 1974.

Одна из последних книг серии «Пламенные революционеры», выпускаемой Политиздатом, — серии, для которой характерен жанр так называемой романизированной биографии, посвящена Виссариону Григорьевичу Белинскому.

Читателя юного, знакомого с Белинским лишь по школьному курсу литературы, может, пожалуй, удивить причисление его к пламенным революционерам. Но не Белинский ли совершил переворот в русской литературной критике, разработав ее теорию и дав могучий толчок ее практике? Не он ли создал в России самую профессию литературного критика? Не он ли подготовил будущий небывалый взлет русской литературы в XIX веке, по праву именуемый золотым веком нашей литературы?.. Ну а о пламенности натуры Белинского свидетельствует имя,

данное ему современниками, — «неистовый Виссарион»...

В жизни Белинского не было приключений, не было путешествий в экзотические страны, он не скакал с шашкой наголо по бранному полю; он был человеком, скорее, кабинетным, и полями битв были для него листы чистой бумаги. Оттого-то, наверно, личность Белинского не слишком вдохновляла авторов «романизированных биографий»: если брать литературу художественную, то, пожалуй, ни о ком из русских классиков не было написано так мало, как о Белинском. И это при огромнейшем его влиянии на самые высокие и передовые умы своего века!

Тем сложнее была задача, вставшая перед автором книги. И если она была решена полностью, то произошло это потому, что автор проникся близким и кровным пониманием людей и событий минувшей эпохи.

В книге возродилась атмосфера, в которой действует, мыслит, творит Белинский, возник живой облик времени, переданный через судьбы, характеры и поступки. Мы встречаемся с Пушкиным, Лермонтовым, Герценом, Бакуниным; трудно перечислить всех тех, кто так или иначе был связан с главным героем этой книги.

Множество страниц повести отдано спорам, диалогам, раздумьям о судьбах литературы и народа. Великолепен трагический портрет Чаадаева, достаточно полно показаны кружки Грановского и Станкевича, где всходил талант молодого Белинского.

Идет спор со славянофилами, кипит журнальная полемика, обличаются полицейские агенты Булгарин и Греч, пишется знаменитое письмо к Гоголю, известное нам еще по школьным занятиям, но сейчас все это предстает перед нами во многих бытовых подробностях. Вот встреча Белинского с арестованным Лермонтовым. Четыре часа провел Белинский в камере у Лермонтова, чьими произведениями он восхищался и кому предсказал великое будущее, и рад был, что не ошибся в своем кумире.

К Белинскому за советом приходят и молодые и маститые литераторы, популярность его растет. Но по-прежнему он остается неустроенным в личной жизни, обремененным бесконечными долгами, зависящим от произвола издателей и цензуры. Тяжелый, непрерывный труд, позволявший кое-как сводить концы с концами... И только в последние год или два жизни он получил наконец сносное место для работы и атмосферу, в которой можно было творить, — в редакции знаменитого «Современника». Но силы его были безнадежно подорваны. Хоронили его там, где хоронят бедняков, — такова была воля умирающего Белинского.

Новая книга Льва Славина — результат большой и кропотливой работы. Познавательное значение ее

безусловно. Она написана так, что читать ее с интересом будут и школьники, и их родители, и специалисты-литературоведы — все те, кого привлекает история нашей литературы.

И. Рахтанов

Недавно выпущено

Алексеев С. и Рубель Р. Размышления о туризме. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1974. 112 страниц.

Если туристы собираются посетить исторические места и идут туда пешком, плывут на пароходах и т. д. — это не вызывает ни у кого сомнения в целесообразности. А спортивный туризм? В чем его ценность, каково его воспитательное значение, нужно ли стремиться развивать его? Об этом размышляют авторы — профессор Свердловского юридического института и доцент педагогического института, занимающиеся туризмом, «прошедшие, проплывшие, пролетевшие всю страну, водившие в сложные походы большие и малые группы».

Брагин В. Юный моряк. Издание 3-е, переработанное и дополненное. М., Издательство ДОСААФ, 1973. 144 страницы с иллюстрациями.

Эта книга тем подросткам, кто, мечтая о профессии моряка, занимается в кружках, отрядах или клубах юных моряков. В ней краткие сведения о современных судах советского морского флота, о его вооружении; об основных системах и механизмах корабля. Специальная глава посвящена вопросам обучения плаванию. Текст сопровождается схемами, попутно дается объяснение специальных терминов.

Возраст познания. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1974. 192 страницы с иллюстрациями.

Известные советские ученые — математики и физики, философ и историк, механик и кибернетик — рассказывают молодежи о главном деле своей жизни — науке, о ее радостях и трудностях.

Галахова Г. Поющий тростник. Повесть. Л., Лениздат, 1974. 255 страниц с иллюстрациями.

Эта повесть о школе, о первоклассниках и их родителях. Г. Галахова — не педагог, а инженер, но у нее трое детей, и все недавние первоклассники, так что она, несомненно, основывается на собственном родительском опыте.

Дружников Ю. Скучать запрещается. М., Политиздат, 1974. 159 страниц с иллюстрациями.

Книга о детском досуге, о том, как взрослые должны следить за тем, чем занимаются их дети в часы досу-

га, направлять его. Интересуются его, родители школьными делами своих детей, помогают им по возможности. Отчего ж не помочь им и во вне-школьных делах?

Железников В. Жизнь и приключения чудака. Повесть. М., «Детская литература», 1974. 160 страниц с иллюстрациями.

Герой этой повести Боря Збандуто, уже знакомый юным читателям по предыдущей книге того же автора («Чудак из шестого «Б»»), — вожатый у первоклассников. Невольно он становится участником сложных событий, происходящих в семье его «подопечной» Наташи. В конечном итоге он помогает и самой Наташе, и ее отцу. Адресована книга детям среднего возраста.

Зайцев В. Рассказы о Макаренко. Издание 2-е, дополненное. Мурманское книжное издательство, 1974. 71 страница.

Рассказы бывшего воспитанника Макаренко, коммунара. После того как он расстался с коммуной, он поддерживал связь с Антоном Семеновичем, переписываясь с ним. В своих коротких рассказах он с волнением вспоминает о разных случаях из жизни дружного, большого коллектива; в них раскрывается отношение Макаренко к своим воспитанникам — строгое, но внимательное и сердечное.

Емельянов Б. О смелом всаднике. Гайдар. М., «Молодая гвардия», 1974. 160 страниц с иллюстрациями.

В серии «Пионер — значит первый» вышли рассказы об Аркадии Петровиче Гайдаре, написанные одним из лучших друзей писателя. В этих коротких рассказах — а всего их 33 — встает образ замечательного человека, доброго, чуткого, смелого и благородного.

Никитин Б. Морская рыба. Издание 2-е, переработанное. М., «Экономика», 1974. 144 страницы с иллюстрациями.

В магазины нынче поступает много морской рыбы, — вероятно, поэтому появляется и все больше книг о ее достоинствах и способах приготовления. Эта — одна из них. Здесь рассказано о видах морских рыб, наиболее часто встречающихся в нашей торговле, их питательных и вкусовых качествах, а также способах их хранения и приготовления.

Печерникова И. и Чубаров Л. Детские и юношеские организации и семья. М., «Педагогика», 1973. 128 страниц.

От родителей многое зависит, чтобы пребывание детей в пионерской и комсомольской организациях стало школой политического воспитания. Эта книга подскажет родителям, как помочь детям в делах октябрятских, пионерских, комсомольских: провести сбор, выпустить стен-

газету, организовать вечер отдыха, добросовестно выполнять первые общественные обязанности. Есть в ней рекомендации и по работе родительского общешкольного и классного комитетов.

Путь первоклассника к книгам. Составитель Н. Светловская. М., «Педагогика», 1974. 80 страниц.

Эта книга рассчитана прежде всего на учителей начальных классов, но может быть полезна и родителям, интересующимся проблемой самостоятельного детского чтения. Как развить у ребенка желание читать книги самостоятельно, как выработать элементарные читательские навыки, какие трудности при этом могут встретиться — эти вопросы рассматривают авторы сборника: научные сотрудники АПН СССР, учителя, библиотекарь.

Соколов Н. Занимательное из жизни птиц. Минск, «Ураджай», 1974. 144 страницы с иллюстрациями.

Книга для широкого круга читателей. В нее включены наиболее интересные описания и заметки из газет и журналов, издаваемых в нашей стране. Авторы заметок — не только ученые, но и рядовые любители природы.

Солоухин В. По грибы. — Стрижев А. Заметки фенолога. М., «Реклама», 1974. 127 страниц с иллюстрациями.

Эти две маленькие книжки, на первый взгляд разные, недаром соединены в одну: и в поэтичном очерке писателя Владимира Солоухина, и в более деловых фенологических заметках действительного члена Географического общества СССР Александра Стрижева главное не собиранье или заготовка грибов, а общение человека с природой, познание удивительных тайн русского леса, открывающихся лишь внимательному взгляду.

Спицын Н. Пятидневка и воспитание детей в семье. (Пособие для учителей и родителей). Пермское книжное издательство, 1974. 67 страниц.

Увеличение свободного времени открывает перед родителями немалые дополнительные возможности для воспитания детей. Об этом свидетельствуют, в частности, социологические исследования, проведенные в Перми и Пермской области, — исследования, результаты которых и легли в основу данной книги.

ГОВОРЯТ ДЕТИ

Катя, 5 лет

Увидела на пылесосе пыль. Вытирает ее и укоризненно выговаривает:

— Пол ты чистишь, а сам за собой последить не можешь.

Инна, 4 года

— Кто спит на боку — тот лежебока, а на спине — кто?

Элина, 2 года

Показывает на очки:

— Это что?

— Оправа.

— А где олева?

Рустам, 3 года

— Что такое прогресс? Это когда прогревают?

— Деда, куда ты залез? Здесь у меня склад, тебя складут и увезут на машине.

Лена, 3 года

Слушает сводку погоды. Обещали дождь с мокрым снегом:

— А про грязь-то и не сказали!

Оксана, 4 года

Маме:

— Купи мне что-нибудь.

— Что?

— Что-то такое, чего у меня нет.

— Ты, папа, знаешь, под какой тучкой солнышко ночует?

— Под какой?

— Под синтетической...

— Знаете, какое море?

— Какое?

— Как лицо у бабушки.

Увидела маленького ребенка:

— В конце концов, когда же все люди станут взрослыми?!

Дима, 4 года

— Эх, и часто меня в садике наказывают!

— За что же?

— Да я на занятиях бегаю и всем говорю «Тише!...»

— Мама, последи за мной, чтобы я никуда не убежал!

— Я воин, а хотите, буду еще войнее?!

Едет в машине. На спуске с горы:

— Опять мы унижаемся.

Записали наши читатели: Ф. Макаревич (Брестская область), Г. Решетникова (Липецкая область), Л. Долгушева (г. Омск), Е. Кленчина (г. Уфа), Н. Храмцова (Свердловская область), В. Коробко (г. Хмельницкий), А. Слонова (г. Саратов)

Знание сказки и жизни

Далеко не все знакомы с фамилией художника Курдова, зато рисунки его видели многие. Вот хотя бы «Лесная газета» — сочинение Виталия Бианки, писателя, любимого и взрослыми и детьми. Изданная впервые в 1935 году, «Лесная газета» до сих пор и у нас, и за рубежом из года в год выходит неизменно в иллюстрациях Валентина Ивановича Курдова. Художник нашел, как теперь нам кажется, единственно возможный облик книги. Завидная судьба. И это потому, что В. И. Курдов, старейший наш мастер детской книги, отличается не только особым пониманием и чувством живого мира полей и лесов, но, главное, знанием сказки и жизни, людей и стран, прошлого и современности, личным опытом талантливого человека, много видевшего и пережившего.

Рисунки Курдова к сочинениям В. Бианки — это огромный цикл работ, заполнивший десятилетия творческих исканий художника. И сейчас, сорок лет спустя, тайны леса, жизнь зверей и птиц — все это неисчерпаемо для Курдова. Как бы обретая новое зрение, он снова и снова вглядывается в вечную жизнь природы нашей земли, открывая в знакомом новом, неуловимом, всегда прекрасном лице мира.

Одной из первых книжек художника была «Конная Буденного» со стихами А. Введенского, изданная в 1931 году.

И вот он, этот вихрь революции, в неудержимом нарастании далеко еще бега атакующей конницы. Первые отдельные всадники, тачанка. И вот накатился огненный вал. Бежит неприятель. Невозможно, нет сил устоять, выдержать страшный напор сокрушительного удара краснозвездной конницы.

Все приметы времени, песни и лозунги, ритмы и настроение — все собрано и сохранено удивительными рисунками о конармейцах Буденного.

В 1936 году издается «Айвенго» Вальтера Скотта с иллюстрациями В. И. Курдова. Курдов уже известен как талантливый анималист, певец природы, оригинальный сказоч-

ник. А здесь — седая старина, легендарная Британия Робин Гуда и короля Ричарда Львиное Сердце.

Курдов безошибочно схватил главное в книге. Энергия, головокружительное раскручивание сюжета, напряжение событий и страстей до предела — вот что важно, а не дошный перечень примет времени. Когда сшибаются бронированные гиганты, горит замок, идет приступ, кто станет спокойно рассматривать, изучать детали?

А вместе с тем — какой замкнутый, хмурый, неприступный лес с одинокой луной и мрачными тенями вокруг всадника, Черного рыцаря, на глухой заповедной тропе! Какая чудовищная мощь в корявых, приземистых стволах дубравы. Как тяжкие циклопические глыбы сводов жуткого подземелья замка Фрона де Бефа. Все вокруг — в первозданной грубости, неотесанности, неуклюжести — заключает бешеную, необузданную силу страстей, событий, перемен... Курдову потребовалось показать корни самой жизни далекой эпохи, ее почву и порожденное ей племя. И сделал он это так, что исторический комментарий к роману стал почти излишним.

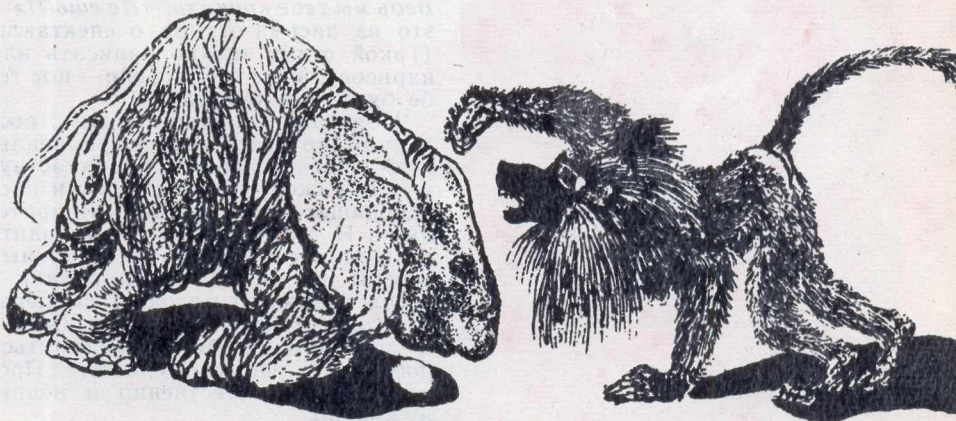
Мастерство художественного воплощения Курдовым литературного источника особенно впечатляет в рисунках к «Сказкам» Киплинга, в первую очередь, к истории Рикки-

Тикки-Тави. Он захотел представить читателям прямой смысл слов Киплинга, начинающего историю так: «Это рассказ о великой войне, которую вел в одиночку Рикки-Тикки-Тави». В авторском тексте почти нет отступлений, описаний, пейзажей. Писатель все внимание отдает событиям, их смыслу. Для него это история — притча о смертельной схватке отважного героя и черного зла.

Курдов также делает изображение эпическим. Акварельный рисунок обложки становится олицетворением высшей драмы жизни: борьбы добра и зла. Не случайно, показав на первом рисунке мангуста и извивающуюся кобру перед первым столкновением, готовых к бою, Курдов помещает их у корней раскинувшегося во всю страницу дерева: тут будет схватка. Сад и все живое в нем будет защищать Рикки. Напряжение поединка нарастает от страницы к странице. Победу мангуста осеняет приветственный шелест листьев — и трав спасенного Сада.

Природа для художника — самое полное и безусловное выражение величия и ценности жизни. Это свое убеждение он умеет сообщить глубоко и проникновенно любому зрителю, и большому и маленькому. В этом значении его многолетнего служения книге и людям.

В. Фрадкин

На уроках Наталии Сац

В эту оперу зрители идут не поодиночке — всем классом, с учителем или вожатым. И в фойе перед началом ребята тоже держатся вместе, вместе проходят в зрительный зал, места их рядом, совсем, как в школе. И в зале они еще долго оглядываются, встают со своих мест, окликая по фамилии одноклассников, а те, кто посмелее, успевают, пока медленно гаснет свет, подбежать к сцене, заглянуть в гулкий полумрак оркестровой ямы, крикнуть и подождать: будет ли эхо?

Откроется занавес Детского музыкального театра, и зрители увидят оперу. Увидят потому, что пришли «смотреть». Для них опера — действие, которое имеет свойство время от времени прерываться для собственно музыкальных моментов, таких, как, например, ария. И хотя многие из зрителей в этом театре впервые, оперу они заранее не любят и считают скучной. Но руководитель Детского оперного театра Наталия Ильинична Сац утверждает, что «опера — истинно детский жанр».

О вкусах здесь спорят.

Детскому оперному театру нет еще десяти лет (открылся он осенью 1965 года). Но на самом деле он гораздо старше. Премьеры будущего музыкального театра можно бы-

ло увидеть 50 лет назад на сцене первого нашего драматического театра для детей, которым тоже руководила Наталия Ильинична Сац. Спектакли, которые она ставила в двадцатые годы в своем театре, называли синтетическими. Слово, музыка и движение находились в них в согласном единстве, помогая друг другу и усиливая друг друга.

Да, у Детского музыкального театра большая предыстория. Если проследить ее с самого начала, придется вернуться в 1918 год, когда пятнадцатилетняя сотрудница Детского отдела Темусека (театрально-музыкальной секции Моссовета) Наташа Сац по воскресеньям отыскивала по всему городу несколько подвод (другого транспорта тогда не было), чтобы привезти артистов на детские утренники. Перед новыми хозяевами московских особняков, только что ставших Домами культуры, выступали А. Нежданова, Н. Обухова, Е. Гельцер, А. Гречанинов, артисты Камерного театра. Инициатор и устроитель этих концертов Наталия Сац знала, что детям рабочих нужно показать все самое лучшее, что есть.

Прошло несколько десятилетий и опыт таких постановок, как «Золотой ключик», «Негритенок и обезьяна» (они и сейчас в репертуаре нового театра, правда, совсем не похожие на первые постановки) и многих других спектаклей, уточнил важнейшее условие музыкального детского театра: «Работать для детей нужно не только лучше, чем для взрослых, но и иначе».

Когда девять лет назад создавался театр, конкурсный набор актеров проходил не совсем обычно. Выпускники консерваторий должны были продемонстрировать не только свои вокальные возможности, но и драматические дарования, а также умение танцевать, владение основами пантомимы, балета и даже акробатики. Из двухсот претендентов было выбрано сорок. Они и составили труппу первого в мире музыкального театра для детей.

«Дорогая Белоснежка! Мне очень понравилось, как ты выступала, только зачем ты откусила яблоко? Ведь мы тебе кричали: «Не ешь!!!» — это из письма-отзыва о спектакле. (Такой отзыв можно написать или нарисовать тут же, в фойе — вот тебе бумага и карандаш.)

Ребятишки, сидящие в зале, воспринимают театр как самую реальную действительность. Они чувствуют себя скорее соучастниками происходящего, чем пассивными зрителями. И театр стремится утвердить их в этом самочувствии. В нужный момент со сцены подадут знак — и зал подхватит мелодию из оперы. В антракте герои спектакля выйдут к зрителям, чтобы познакомиться поближе и еще спеть вместе. Происходит это естественно и непринужденно.

Говорят, что опера по самой сво-

ей природе должна оставаться условной. Но условность условности рознь. Разве детские игры не являются собой множество всевозможных условностей? И оперы Детского музыкального театра построены на условностях, которые как бы предлагают сами зрители. Путь этот подразумевает знание детей, особенностей их восприятия. Он очень благодарен, потому что позволяет установить близкий контакт со зрителем, расшевелить их любопытство, узнаваемым, понятным.

В опере М. Ковалев для самых маленьких «Волк и семеро козлят» мама спрашивает козлят:

— Что надлежит сказать тебе?

В спектаклях театра в действие часто включаются даже акробатика и цирковые номера. Они никогда не оказываются вставными, инородными. В каждом случае это точно найденная театральная форма подлинной жизненной ситуации, решенной яркими средствами театра для детей. И все же основное внимание театр уделяет органичному сочетанию вокальной и разговорной речи. В одной из самых удачных работ театра, сатирической опере Т. Хренникова «Мальчик-великан», кажется, что герои поют только в тех случаях, когда и не петь нельзя. А между тем говорят они в спектакле совсем мало.

— Спаси-бэ-э-э-э, бэ-э-э... — уморительно тянут козлята. Музыкальная шутка, основанная на звукоподражании, вызывает в зрительном зале бурю восторга.

Выпускники консерваторий, актеры Детского оперного театра обладают высоким вокальным мастерством, и их мастерство нуждается в оценке зрителей — без этого не может существовать театр. Но для того чтобы получить ее, каждому актеру театра приходится быть воспитателем своего зрителя, учить его воспринимать не только ход событий, но и музыку оперы, пробуждать его эстетический вкус, доставляя слушателю радость постижения красоты человеческого голоса.

из инструментов оркестра звучит все время — «бум-бум-бум...» На сцене еще никого нет, но зрители уже догадались о приближении Карабаса. На фоне этого «бум-бум-бум» беззаботным смехом рассыпается флейта. Это музыкальная тема Буратино. Он тоже здесь, рядом.

Музыка — действующее лицо спектакля Детского оперного. Она то «резвый кузнечик», то «сердитый лев», то шум далекого леса, то тревожное состояние героев. И зрители уже слушают ее как интересную книгу, которая позволяет им пережить все чувства — от улыбки до слез. И как это бывает с хорошими книгами, захочется узнать и запомнить имя автора: Чайковского, Прокофьева, Красина, Хренникова, Кабалевского и многих других композиторов, чья музыка звучит на сцене Детского оперного театра.

Большинство опер, входящих в репертуар детского музыкального театра, написаны специально для этого театра. Часто это дебюты ведущих советских композиторов.

Существование Детского музыкального театра разрушает глухую стену практического разделения музыкальной культуры на музыку для детей и музыку для взрослых, то есть на музыку упрощенно развлекательную и серьезную, классическую. Разделения, которые, по сути дела, отгораживают детей от настоящих ценностей музыки.

Е. Компанец

Вот вопрос: может ли петь волк? Сомнений у зрителя нет. Если умеет, пусть поет. Другое дело — когда? И все внимание режиссера и исполнителя сосредоточено на том, чтобы пение выглядело вполне естественным. Чем меньше слушатель, тем больше требуется от театра находчивости и фантазии.

Сегодня кажется, что Н. И. Сац всегда была оперным режиссером, хотя очень много лет она проработала в театрах драматических. Но ее опыт режиссера драмы не пропал даром. Детские оперы у Сац получаются особо сценичными, полными динамики, на основе которой возникает необычное слияния музыкальной стихии со стихией зрелищной.

...На протяжении пяти тактов один

Ирина Пивоварова

Маленькая повесть

Верная собака Уран

«Давай купим
тебе бегемота»

Все было, как обычно.

Обычный день.

Обычная погода.

Наш обычный двор.

Как обычно, мы с Люськой играли во дворе в классики. Люська с закрытыми глазами перешагивала из одной клетки в другую и спрашивала:

— Мак?

— Мак.

— Мак?

— Ты давай не подглядывай.

— Бессовестная! Я не подглядываю!

— Сама бессовестная. Я вижу — подглядываешь. Зажмурься изо всех сил.

Люська зажмурилась изо всех сил, сделала шаг и наступила на черту.

— Мак?

— Дурак!!!

Люська открыла глаза и уже открыла рот, чтобы заспорить. Но тут с ней что-то случилось. Она так и осталась стоять с разинутым ртом...

Из подъезда выплывал во двор огромный красный самокат. Он сиял на солнце. Он весь светился. Он горел как огонь. Смотреть на него было больно. Его блестящий звонок так сверкал на солнце, что резало глаза. У него были чистые белые резиновые шины.

Самокат выплыл из подъезда и медленно направился к песочнице. Он был гордый и рогатый, как олень. Рядом с ним шел Павлик Иванов.

Возле песочницы самокат остановился. Павлик сел на край песочницы и стал дуть на самокат.

Мы нерешительно подошли к Павлику.

— Павлик, дай прокатиться, — почему-то шепотом попросила я.

Павлик дунул на блестящий звонок и стал тереть его рукавом. Потом он зазвонил. На нас он даже не посмотрел.

— Разойдись! — сказал Павлик. Он поставил одну ногу на самокат и поехал.

Мы стояли и смотрели, как он едет.

Сначала Павлик катался на левой ноге. Потом стал кататься на правой. Он ездил вокруг нашего дома. Потом вокруг лужи. Потом прямо по

луже. Потом он стал гоняться на самокате за кошками. А потом Павлик гонялся за нами и кричал: «Задавли!» И мы, как дуры, от него бегали.

А потом он дал нам прокатиться. Всего по одному разу. И тогда я поняла, что больше всего на свете люблю кататься на самокате.

Я еле дождалась, когда мои родители пришли с работы.

— Мама и папа, — сказала я. — Слушайте меня внимательно. Сейчас я вам скажу что-то очень важное.

— Ты получила единицу! — сразу испугалась мама.

— Ничего подобного. Единиц я уже два месяца не получала.

— Ну значит, снова разбила окно! — сказал папа.

— А вот и не угадал! Просто я хочу у вас что-то попросить... Мама, ну что ты так смотришь?

— Проси скорее, — сказала мама. — У меня на кухне картошка подготавливается.

— Мама и папа, — сказала я. — Купите мне, пожалуйста, самокат.

Мама посмотрела на меня как на сумасшедшую и пошла на кухню.

— Зачем тебе самокат? — сказал папа и раскрыл газету. — Давай лучше купим тебе бегемота.

— Мне бегемот не нужен, — сказала я. — И потом, если хочешь знать, бегемот в сто раз дороже самоката.

— Ну тогда давай купим тебе мотоцикл, — предложил папа. — Мотоцикл дешевле бегемота.

— Папа, да ты пойми, мне самокат нужен. Самый обыкновенный самокат! Красный. На резиновых шинах.

Но папа уже читал газету. Из кухни вернулась мама.

— Займись-ка делом, — сказала мама. — Поставь на стол тарелки.

И я пошла на кухню за тарелками.

Я несла тарелки и думала: «Вот сейчас возьму и швырну эти проклятые тарелки на пол. Скажу, что споткнулась... Любимая дочь! Единственная дочь на свете! Какой-то самокат несчастный пожалели! Никогда в жизни у них больше ничего не попрошу!»

Я поставила на стол тарелки и ушла на кухню.

— Не дури, Люська! — крикнула мне вдогонку мама. — Иди ужинать.

И не подумав... Я вытащила из сковородки горячую котлету и стала ее есть.

Что бы такое придумать? Где достать денег на самокат? Может, бутылки?

Я посчитала наши пустые бутылки. Их было три. И еще две банки из-под варенья. Нет, на это самокат не купишь.

А что если достать большой хороший мешок и ходить с этим мешком по свалкам? Тогда можно будет насобирать столько пустых бутылок, что их на три самоката хватит!

Надо будет это с Люськой обсудить.

Я подошла к телефону и набрала Люськин номер.

— Люсь, привет! Ты чего делаешь?

— Привет, Люсь, ничего не делаю. А ты чего?..

— Да я тут одну вещь придумала.

— Какую?

— Не скажу. А то разболтаешь.

— Ну скажи, Люсь. Честное слово, не разболтаю!

— Честно-пречестное?

— Честное-пречестное!

— Поклянись.

— Клянусь.

— Ну ладно, завтра скажу.

— А сейчас?

— Сейчас не могу. Родители подслушают.

— А ты шепотом...

Но тут вышла из комнаты мама и заставила меня идти ужинать.

Что придумала Люська

Утром я все рассказала Люське.

— Здорово! — сразу закричала Люська. — Я тоже хочу самокат!

— Значит, будем вместе по свалкам ходить?

— Нет, по свалкам я не хочу... — задумалась Люська. — Меня бабушка не пустит.

— Ну а где же нам тогда раздобыть столько денег?

Мы помолчали.

— Ой, что я придумала! — вдруг закричала Люська. Она даже подпрыгнула на месте.

— Ну говори скорей.

— Надо читать объявления, — торжественно произнесла Люська.

— Какие еще объявления?

— Очень простые — о пропаже собак.

— Люсь, ты что, спятила?

— Сама ты спятила. Сейчас я тебе все объясню. Бывают такие объявления... Ну пишут, например, что какая-нибудь собака пропала. А кто ее найдет, тому за это дадут вознаграждение.

— Вознаграждение? А что это такое?

— Вот дурочка! — сказала Люська. — Не понимает! Деньги это, понятно тебе? Сто рублей. А может и тысяча.

— Ура! — закричала я. — Ура! Люська, ты молодчина!

И мы выскочили из школы на улицу и помчались читать объявления.

Все встречные столбы были сверху донизу обклеены маленькими белыми бумажками. Это были объявления.

Мы стали читать.

«Меняю прекрасную комнату 14 метров в замечательном кирпичном доме с телефоном. Соседи всего три. На двухкомнатную квартиру! Можно трехкомнатную! Плохих не предлагать!! Первый и последний этажи не предлагать!!!!»

«Недорого продам табуретку, цинковое корыто и аквариум с рыба-

ми. Кроме того, могу продать «Утро в сосновом бору» художника Шишкина».

«Продается подержанный холодильник в хорошем состоянии».

Но это все было не то. Нам не нужны были ни подержанный холодильник, ни цинковое корыто. Нам нужны были деньги. Простые деньги, чтобы купить самокат. Вот бы кто-нибудь написал такое объявление:

«Даются бесплатно деньги. Сколько хочешь!»

Я бы тогда не взяла много — я не жадная. Я бы взяла ровно на один самокат.

Ну, может, еще на кино.

Правда, еще на лыжи можно взять. Все-таки плохо без лыж.

А интересно, что же я — в пальто буду кататься? Нет, лыжный костюм тоже надо будет купить.

Ну на мороженое можно взять. Ведь это совсем немного. Это ерунда.

И кролика мне давно хочется. Пусть бегает по комнате... А если он убежит? Нет, клетку тоже надо обязательно...

Я так задумалась, что совсем перестала читать объявления. Но вдруг Люська дернула меня за рукав и ткнула пальцем в старое, выцветшее, полуразмытое объявление. Оно было сбоку заклеено другим объявлением, но все-таки на нем можно было кое-что разобрать. Вот что там было написано: «...ала собака ценной ...роды ...ичке Уран. ...ричнева ...хматая. Левое ух...елое. На спине ...рное пятно. Просьба вернуть ...баку по адресу ул. Симагина дом 8 квартира 31. За ...личное вознаграждение!»

— Люсь, ты что-нибудь понимаешь? — спросила я Люську.

— А что тут понимать? Все очень просто, — сказала Люська, — «ала» — это пропала. «Пропала собака», понятно? Как раз то, что нам нужно!

— А дальше? Какие-то «роды». Уроды, что ли? Интересно, причем тут уроды?

— А может, народы? — задумалась Люська. — Или, может, природы? Догадалась! Породы! Ценной породы! «Пропала собака ценной породы по кличке Уран. Коричневая. Лохматая!»

— А что такое «левое ухелое»?

— «Левое ухо белое. На спине черное пятно. Просьба вернуть собаку по адресу ул. Симагина дом восемь квартира тридцать один», — выпалила Люська.

— Люсь, ну а что такое «личное вознаграждение»?

— Приличное, бестолковщина! Это значит очень хорошее. Замечательное. Не меньше тыщи рублей. Мы тогда купим сразу два самоката — тебе синий, а мне красный.

— Как это тебе красный? Ничего подобного, красный мне. А тебе синий.

— Фигушки! Я так не согласна.

— Я по объявления придумала? Я.

— А кто про самокат придумал? Ты, что ли?

— Ну, ладно, — сказала Люська. — Вот что сделаем. Купим два красных самоката — тебе и мне. Согласна?

...Для начала мы огляделись по сторонам.

Урана вокруг не оказалось.

Бегала там какая-то собака, но мы сразу догадались, что это не Уран. Потому что она была вся черная и гладкая.

Тогда мы вернулись в наш двор и обыскали его. В нашем дворе собак вообще не оказалось. Были одни кошки.

Тогда мы обшарили все соседние дворы. В одном дворе человек в полосатой рубашке чинил матрас. Но Урана не было и там.

Мы стали спрашивать старушек на лавочках, не видали они коричневую, лохматую, с белым ухом собаку. Одна старушка сказала, что видела.

— Она влево побегла, — сказала старушка. — Худющая, как скелет.

Мы пошли влево и наткнулись на высокую каменную стенку, возле которой росли одуванчики...

Да, оказывается, не так-то просто получить приличное вознаграждение!

Замечание в дневнике

На следующий день первый урок был математика.

Вера Евстигнеевна что-то объясняла, стоя у доски. А я сидела за партой и смотрела в окно. Там, вдалеке, между деревьями бегала какая-то рыжая собака. Я никак не могла разглядеть, есть у нее на спине черное пятно или нет.

— Синицына, — сказала вдруг Вера Евстигнеевна. — Куда ты смотришь? Повтори, что я сейчас сказала!

— Вы сказали: «Синицына, куда ты смотришь?»

Все засмеялись. Вера Евстигнеевна нахмурилась:

— Интересно, — сказала она, — что в этом смешного, если ученик не слушает урок и еще при этом дерзит учителю?! Синицына, если я еще раз замечу, что ты меня не слушаешь, я напишу тебе замечание в дневник. Садись!

Я села и стала слушать. Я слушала изо всех сил. Мне вовсе не хотелось получать замечание в дневник. Я не сводила глаз с Веры Евстигнеевны. Я даже шевелила губами, повторяя про себя ее объяснения...

А Вера Евстигнеевна стояла у доски и говорила:

— Возьмем икс и игрек. Если мы сложим икс и игрек, то у нас получится...

Получится... У нас получится... Ну еще бы! У нас конечно получится! Мы обязательно его найдем! Да он наверняка где-нибудь тут поблизости ходит. Такой коричневенький

весь, симпатичный, одно ухо белое... Может быть, даже он сидит сейчас вот под этим окном...

И вдруг за окном кто-то залаял!

Я подскочила на месте и толкнула Люську локтем в бок.

— Ой! — на весь класс завопила Люська. — Ты что, с ума сошла?

— Косицына, в чем дело? — медленно и раздельно сказала Вера Евстигнеевна.

Я согнулась над тетрадкой и замерла.

— Наври чего-нибудь, — тихонечко сквозь зубы пробормотала я.

А Люська уже вставала за партой, охая и держась обеими руками за левый бок, как будто там была огромная рана, из которой текла кровь.

— Сама толкается, а сама говорит, чтобы я врала, — растягивая слова, плаксиво говорила Люська. — Пусть сама врет, если хочет...

— Так, — сказала Вера Евстигнеевна. — Значит, опять Синицына! Ну на сегодня хватит. Дай-ка, Синицына, сюда свой дневник! Скорее, скорее...

И через минуту в моем дневнике появилась размашистая надпись: «Т. родители! Ввиду безобразного поведения вашей дочери на уроках прошу вас зайти в школу для разговора».

...Мы стояли на тротуаре перед большим серым домом. Светило солнце. Было жарко. Сегодня мы уже два часа шатались по улице — искали Урана.

Перед нами была дверь. Она велась в просторный широкий подъезд. Дверь была открыта.

Мы зашли. В подъезде сидела сонная лифтерша.

— Чего вам, девочки?

— Скажите, пожалуйста, тут не проходила собака?

— Собака?! — Лифтерша сразу оживилась. Она даже выпрямилась на стуле. Глаза у нее стали какие-то вредные. — А куда это, интересно, ваша собака должна проходить?

— Туда, — показала Люська.

— Туда никакая собака не проходила.

— А обратно?

— И обратно не проходила. А вы сами откуда будете?

— Из дома номер шесть.

— А здесь вам чего нужно?

— Собаку ищем.

Лифтерша возмущенно всплеснула руками.

— Тут вам не собачья площадка! — закричала лифтерша. — Тут люди живут, а не собаки.

В других подъездах лифтерш не оказалось. Целый час мы лазили по лестницам, спускались в подвалы и поднимались на чердаки.

Когда мы с шумом спускались по грязным пыльным лестницам черных ходов, перед нами неслись целые стада кошек всех кошачьих цветов. Но Урана нигде не было.

В эту ночь мне снились каменные лестницы и мусорные ведра. На

ведрах сидели кошки и мяукали:

— Самок-а-т, самока-а-т...

Происшествие в сквере

Ура! Сегодня уроков не будет! Сегодня уроки отменили. Вера Евстигнеевна заболела.

Мы вышли из школы. Торопиться нам было некуда. День был замечательный. И мы решили сначала посидеть на лавочке в сквере, а потом опять искать Урана.

Мы сидели, ели кислый гранат и глазели по сторонам. Ох, и хорошо было просто так сидеть на лавочке! Не писать диктанты, не решать задачи, а болтать ногами, есть кислый гранат и на всех смотреть.

— Люсь, гляди, какая тетка смешная! Целый дом на голову наде-ла.

— Ой, умора! Помереть от смеху можно!

— Да куда ты смотришь? Я же тебе не туда показываю. Ну и бес-толковая ты!

Я хотела рассердиться, но тут к нам подбежал маленький, рыжий, ужасно веселый щенок. Одно ухо у него было белое. А на боку было круглое черное пятнышко.

— Люська, Уран! — закричали мы в один голос и бросились к щенку. Щенок отпрыгнул в сторону. Мы подскочили к нему, но он снова отпрыгнул, пригнулся к земле и завилял хвостом. Он, видимо, думал, что мы с ним играем.

Тогда я вспомнила про гранат.

— Уран, Уран, на-на-на... Возьми гранатик! Вкусный гранатик! Вкусный гранатик!

Уран подошел ко мне и стал нюхать гранат.

— Люська, окружай! — зашептала я.

Люська медленно обошла Урана сзади и схватила его за хвост.

Уран взвизгнул и цапнул Люську за палец.

Люська выпустила Уранов хвост и заорала так, как будто Уран ей руку откусил. И тогда я подкралась к Урану, схватила его, крепко прижала к себе и сказала:

— Люська, пошли!

Но тут раздался чей-то пронзительный крик:

— Зита, Зита! — вопила какая-то тощая гражданка, подбегая к нам. Она выхватила у меня щенка и, не переставая кричать «Зита! Зита! Что они с тобой сделали!», стала целовать его прямо в морду. Щенок отворачивался. Наверное, ему было неприятно. А эта гражданка все целовала его и говорила:

— Зиточка! Бедненькая! Как ты переволновалась! Девочка моя!

Потом она стала кричать:

— Воровки! Хулиганки!

Вокруг нас стали останавливаться люди. А женщина тыкала в нас пальцем и кричала:

— Они хотели украсть мою Зиту!

Я не знала, куда деваться от стыда. Чтобы не смотреть по сторо-

нам, я стала выковыривать зернышки из граната.

— Как будто их и не касается, — покачала головой женщина в платочке. — А еще с портфелями! Чему их только в школе учат!

— Выдрать их надо, — сказал гражданин в кепке. — Сразу бы помучили!

— Вы не правы, — сказал гражданин в шляпе. — Вот меня, знаете, родители никогда не били, и я, знаете...

— Да что вы к ним пристали?! Это же дети! Что уж им и поиграть нельзя?.. А вы, гражданка, сами виноваты. Нечего тут собак распускать.

— Это уж точно! Развели собак. Людям посидеть негде! Безобразия!

Вокруг нас уже стояла целая толпа.

— В чем дело, граждане? — раздался вдруг строгий голос, и мы увидели, что сквозь толпу протискивается милиционер.

— Товарищ милиционер! Товарищ милиционер! — затораторила тощая гражданка. — Вот эти девицы хотели украсть мою собаку!

— Мы не украсть... Мы просто взять хотели, — пролепетала я.

— Ага! Взять! Вы слышали? Слышали?

— Вы хотели взять чужую собаку?!!

Милиционер посмотрел на нас и грозно нахмурил белые брови.

— Постойте, постойте, — вдруг сказал он. — Что-то мне ваши лица знакомы. Кажется, мы уже с вами встречались.

Я взглянула на милиционера, и у меня похолодело в груди.

Я вспомнила...

В тот ясный солнечный день наша школа с самого утра собирала металлолом.

Мы с Люськой явились в школьный двор раньше всех.

Люська, конечно, опоздала бы, если бы я за ней не зашла. Она, кажется, вообще хотела прикинуться больной и нигде не идти. Но я стала ей рассказывать, как это интересно — собирать металлолом, и как мы с ней соберем больше всех металлолома, и нас сфотографируют для школьной стенгазеты, и даже потом возьмут и пошлют наши фотографии в «Пионерскую правду». И все будут разглядывать наши фотографии и скажут: «Да, вот эта девочка очень красивая, просто настоящая красавица! А вот у этой девочки хоть и не очень красивое лицо, но зато очень умное!»

— Ничего у тебя не очень красивое лицо! — проворчала Люська и нехотя стала надевать ботинки.

— Скорее, скорее... — торопила я Люську.

Вчера Коля Лыков просил меня прийти пораньше.

Через десять минут мы уже стояли в школьном дворе рядом с Колей Лыковым, а через пятнадцать — уже ходили по подъездам, стуча-

лись во все подряд квартиры и спрашивали:

— Скажите, пожалуйста, у вас есть металлолом?

Но ни у кого почему-то не было никакого металлолома. Только одна бабушка дала нам какую-то облезлую зеленую кружку.

Так мы и ходили с одной этой кружкой, а другие ребята на наших глазах тащили железные кровати, кастрюли и ведра.

И вот, когда мы уже совсем отчаялись найти что-нибудь подходящее, мы вдруг наткнулись возле какого-то дома на обломок старой ржавой трубы.

Это было как раз то, что нужно. Мы схватили эту трубу и понесли. Но она оказалась ужасная тяжелая! Скоро мы были уже совершенно мокрые и пытели, как паровозы.

Тогда нам в голову пришла замечательная мысль. Мы решили прокатить трубу по земле метров пять, а потом выйти с трубой в Горбатый переулок и пустить ее вниз по переулку.

Так мы и сделали. Наша труба как будто только этого и ждала. Она тут же покатила. Она катилась все быстрее и быстрее, и вот она со страшным грохотом, подпрыгивая на камнях и пугая прохожих, понеслась по самой середине переулка. Мы мчались за трубой. Из окон высовывались люди. Кошки и голубы шаркались во все стороны. А труба гроыхала уже где-то в конце переулка, почти рядом со школой...

И вдруг в переулок въехал грузовик.

Труба со всего размаха ударила о его колеса, стукнула грузовик по фаре, перевернулась в воздухе и встала как вкопанная.

Грузовик тоже встал.

Мне больше не хотелось мчаться за трубой. Больше всего на свете я хотела сейчас остановиться и побегать обратно, вверх по переулку, но мы обе так разбежались под горку, что остановиться было просто невозможно.

Из грузовика выскочил здоровенный шофер. Он согнулся, широко растопырив руки... и через секунду мы обе уже трепыхались у него в руках, как будто пойманные рыбы.

— Ой! — отчаянно отбиваясь, пищали мы. — Пустите нас! Пустите! Это не мы! Мы не нарочно!

— В отделении разберутся, что к чему, — говорил шофер. — Я вам покажу, как грузовики ломать!

Так мы оказались в милиции.

За столом сидел молодой милиционер с розовым круглым лицом, со смешным толстым носом и совершенно белыми бровями. Лицо у него было совсем не строгое, и он все время хмурил свои белые брови, чтобы выглядеть построже.

— Так, — сказал он, когда сердитый шофер ушел. — Значит, хулиганим?

— Что вы, товарищ милиционер! — закричали мы наперебой. — Мы не хулиганам! Мы металлолом собирали! И ничего мы не нарочно. Это он сам нарочно. Чуть нашу трубу не раздавил. Она себе катилась, никому не мешала...

— Катилась, значит? — сказал милиционер. — Ну что ж, придется в школу сообщить!

И тут мы не на шутку перепугались.

Мы заняли в один голос:

— Товарищ милиционер, мы больше не будем! Не говорите в школе. Мы правда-правда больше не будем! Вот честное слово! Честное пионерское!

И слезы у нас закапали. И не понарошку, а по-правдашнему.

Милиционер опять посмотрел на нас, грозно нахмурился и вдруг сказал:

— Ладно, что с вами делать? Прощу на первый раз. Но только смотрите — если еще что натворите, приему меры.

И он поднял карандаш и еще раз повторил:

— Приму меры.

Так удачно окончилась тогда наша история с трубой и милиционером. Но сейчас...

— Ну, конечно же, старые знакомые! — сказал милиционер. — Так-то вы свое слово держите? Красиво, нечего сказать! А ну, ведите-ка меня к себе домой. Придется мне познакомиться с вашими родителями!

Мы шли домой с милиционером. Я шла красная как рак, а Люська белая как мел.

Все на нас смотрели.

Я шла и думала: «Нина Васильевна, миленькая, уйдите, пожалуйста, на рынок. Или в магазин. Или в гости. Но только дома не сидите. Дома вредно сидеть. Пойдите погуляйте, какая погода хорошая! Или засните крепко-крепко и дверь никому не открывайте. Ну пожалуйста, не открывайте никому двери! Мало ли какие воры ходят!»

Мы поднялись по лестнице. Милиционер позвонил один раз. И сразу же за дверью зашаркали шаги Люськиной бабушки Нины Васильевны. Все пропало!

Нина Васильевна открыла дверь и схватилась за сердце. Мы вошли. Милиционер не уходил долго. Мы сидели в соседней комнате и ждали. Потом мы услышали, как хлопнула входная дверь, и Люськина бабушка, мрачнее тучи, вошла в нашу комнату.

— Марш за уроки! — приказала она Люське. — Все доложу родителям! А ты ступай домой, — кивнула она в мою сторону. — Когда мать с работы приходит?

— В шесть, — сказала я и поплелась домой.

Я долго ковыряла ключом в двери. Скажет Нина Васильевна моей маме? Скажет или не скажет?

Я места себе не находила. Чтобы

ни о чем больше не думать, я легла на диван и заснула.

Мама ужасно сердится

Когда я проснулась, мама уже была дома.

Мы сели ужинать вдвоем. Папы с нами не было. Он уехал в командировку.

Есть мне не хотелось. Я ковыряла в тарелке еду и все думала, скажет Нина Васильевна или не скажет?

Мама поглядывала на меня так, как будто происходит что-то очень интересное. Потом она вдруг спросила:

— Ну и как, ничего?

— Что «ничего»?

— Да то, что ты ешь?

— А-а... Ничего.

— Люсь, да ты что?

— А что?

— Да ведь это шампиньоны в сметане!

— Ну и что?

— Люсь, ты нездорова. А ну давай сюда лоб!

Она встала и притронулась губами к моему лбу.

— Странно, температуры нет. А ну покажи горло?

Я открыла рот и высунула язык.

— И горло нормальное. Странно. Очень странно.

В это время зазвонил звонок.

Я вскоčila как ужаленная и побежала открывать. «Скажу, что мамы нет дома», — решила я. Но за дверью никого не оказалось. Когда я вернулась в комнату, мама клала на рычаг телефонную трубку.

— Ошиблись номером, — сказала мама. — Да, ты ведешь себя очень странно. А ну-ка скажи, как у тебя дела в школе?

— Все хорошо. Сегодня уроков не было. И завтра не будет, Вера Евстигнеевна заболела.

— Так что же с тобой делается?

— Ничего не делается. Мама, а тебе не хотелось бы пойти в кино?

— Что-о?!

— Ты пойдн. Ну пойдн, пожалуйста, очень тебя прошу! А я тут одна побуду. Ты, главное, не волнуйся. Я люблю одна по вечерам дома сидеть.

— Что-то мне все это не нравится, — сказала мама. — А ну покажи-ка мне свой дневник!

Я рылась в портфеле полчаса — делала вид, что никак не могу разыскать дневник. Но все-таки мне пришлось его вытащить. Я нехотя протянула дневник маме.

— Ну вот, теперь все понятно, — сказала мама. — Как же я сразу не догадалась! Ведь от тебя, кроме безобразного поведения, ничего не дождешься. И в кого ты только такая уродилась?! Мы тебя кормим, поим, воспитываем, а с тебя все как с гуся вода. Возмутительно! Никакой ответственности! Брава бы пример со своей подруги — и милая, и аккуратная, и послушная, и в школе

у нее все в порядке, и бабушка на нее не нахвалится...

И вдруг опять зазвонил звонок. Теперь уже точно в двери. Я вскоčila.

— Сиди! — приказала мне мама. — Я еще не все тебе сказала! — И она пошла открывать дверь.

Щелкнул замок. Так и есть. Нина Васильевна.

Она заговорила прямо с порога и без остановки:

— Здравсьте, Лидия Сергеевна. Ваша-то хороша, нечего сказать! Нашу так и подбивает, так и подбивает! Пользуется, что старшая. И как, ей только не стыдно!

— В чем дело, Нина Васильевна! — растерялась мама. — Я что-то не понимаю!

— Участковый Милюков приходил, вот что. Обоих за шкуру привел. Дожили. А все ваша!.. Так и подбивает, так и подбивает!

— Да на что подбивает? — уже чуть не плача проговорила мама. — Я вас не понимаю, Нина Васильевна!

— Как на что? — подбоченилась Люськина бабушка. — То по свалкам ходить, то чужих собак подбирать!..

— Этого не может быть, — прошептала мама. — Тут какое-то недо-разумение! Я знаю свою дочь... Люська, в чем дело?! Скажи, что это не так!

— Да нет... — сказала я.

— Вот видите! — обрадовалась мама.

— Да нет, — сказала я, — по свалкам ходить — это правда я придумала, но зато про собак...

— Вот видите? — перебила меня Люськина бабушка. — Эх, балуете вы дочку, Лидия Сергеевна! А с ними поостроже надо! Построже!

Они еще о чем-то говорили. Я уже не слушала. Я поняла главное — Люська все свалила на меня.

Что было потом, мне даже рассказывать неохота.

— Какой ужас! Какой кошмар! — твердила мама. — Ты бегаешь по улицам, ты шатаешься неизвестно где! Ты хватаешь чужих собак! Тебя приводят домой с милиционером! Какой позор! И это моя дочь! Со всех сторон на тебя сыплются жалобы! Ты совершенно не жалеешь свою мать! Ты пользуешься тем, что отец в командировке! Ты совсем разболталась! Поведение твое действительно безобразно!

Ну неужели говорить столько всяких слов легче, чем просто немножко помолчать и спокойно выслушать другого человека?

Но молчала я, а мама все говорила и говорила. Я знала, что когда она так сердится, спорить с ней невозможно.

Нашёлся!

Я проснулась, когда мамы уже не было. Я быстро поела и хотела выйти во двор. Но дверь оказалась закрытой на два замка.

Итак, меня заперли. Прекрасно! Замечательно! Изумительно! Человеку десять лет, а его заперли. Ну прямо как кролика. Как мышку какую-нибудь. Человек в третьем классе учится! Все папе расскажу. Все. Он бы никогда меня не запер! Ни за что на свете! Я ведь не разбойник. И не вор. Откуда я знала, что собака чужая? А милиционер этот — тоже хорош. Сразу жаловаться! Ни за что маме не прощу! Вот она придет с работы, откроет дверь, а я как выскочу за дверь! Как запру ее! И уеду к папе в командировку. А мама так и останется запертая.

И Люську тоже запру... И почему так бывает? На одних все шишки валяются, а другим хоть бы хны. Меня заперли, а она гуляет. Ее все любят — и мама, и папа, и бабушка, а меня — только папа. Даже бабушки у меня нет! И вообще, она такая милая, такая аккуратная и еще какая-то... А я просто чудовище! Вот меня даже и в клетку заперли!

Тут у меня защемило в глазах и потекло из носа. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я открыла окно и села на подоконник. Люська увидела меня и сразу закричала:

— Люсь, выходи гулять.

— Я с предателями не гуляю.

— Это я предатель? Бессовестная! В чем я тебя предавала?

— Предавала, и все. Не хочу с тобой разговаривать.

— Ну и не надо! Подумаешь, какая! Я сама первая с тобой не хочу разговаривать.

И она закричала:

— Павлик, выходи!

Павлик вышел, конечно, с самокатом, Я стала за ними наблюдать. Люська подошла к Павлику и так нежненько сказала:

— Павлик, ну до чего же ты замечательно катаешься на самокате!

— Правда? — обрадовался Павлик.

— Провалиться мне на этом месте! Я бы так, как ты, ни за что не смогла бы прокатиться!

— Ну, может быть, и смогла бы, — сказал Павлик.

— Да что ты, Павлик, ты даже не представляешь, какая я неспособная! — тяжело вздыхая, сказала Люська.

— Да ты сначала попробуй! — сказал Павлик.

И Люська стала кататься на красном самокате.

Она целых шесть раз обогнула двор и села на лавочку отдыхать. Вся раскрасневшаяся, она обмахивала себя рукой и как будто хотела мне сказать: «Вот, посмотри, полюбуйся, какая я умная и хитрая! Захочу — еще сто раз прокачусь! А ты так и будешь всю жизнь сидеть взаперти! Потому что ты — самая настоящая балда. И так балдой на всю жизнь и останешься!»

Я так разозлилась, что стала нарочно с грохотом закрывать свое окно. И вдруг совершенно случайно я увидела, что под лавочкой, на ко-

торой сидела Люська, спит, свернувшись калачиком, какая-то собака. Я всмотрелась внимательнее. Нет, я не ошиблась, это был Уран! Самый настоящий Уран! Никакой не щенок. Взрослая хорошая собака.

— Люська! — закричала я и показала ей пальцем под лавку.

Люська посмотрела под лавку и сразу все поняла. Она нагнулась и стала гладить Урана. Уран потянулся, зевнул и вылез из-под лавки.

Тогда Люська спокойненько вынула из косы длинную розовую ленточку и обвязала ее вокруг Урановой шеи. Потом она взялась за кончик ленты и помахала мне рукой.

Я заметалась по комнате. Что же делать? Может, выпрыгнуть из окна? Нет, все-таки второй этаж. А может, вылезти из окна по веревке? А потом — обратно! Мама ничего не узнает. Она придет, а я уже дома.

Я бросилась в кладовую и вытащила оттуда толстенную белую веревку. За одну минуту я привязала ее к батарее и залезла на подоконник. Подумаешь, второй этаж! Да я лучше всех в классе лажу по канату!

Уран встретил меня радостно. Он был ужасно лохматый и добродушный. Да, это был самый настоящий Уран. Одно ухо у него было белое. И другое тоже было белое. Шерсть на спине у него была коричневая.

— Люська, а где же черное пятно?

Черного пятна почему-то не было. Мы с Люской посмотрели друг на друга.

— Придется красить, — быстро решила Люська.

Она сбежала домой и принесла пузырек с черными чернилами и кисточку. Мы зашли с Ураном в подъезд. Пока Люська кормила Урана пирожком, я быстро нарисовала на его спине черное пятно. Пятно получилось красивое. Ровное и круглое как тарелка.

Уран посмотрел себе на спину, цапнул за пятно зубами и остался доволен.

...Улица Симагина была недалеко. Мы почти бежали. Уран так рвался вперед, что я еле-еле удерживала его за ленточку.

Так мы дошли до дома № 8.

Лифт не работал.

Я не согласилась, чтобы Люська одна получала приличное вознаграждение, и стала карабкаться следом за ней на седьмой этаж.

На двери висела табличка «Е. И. Сидоров». Под ней была приколота белая бумажка. На бумажке было от руки написано: «Дорогой Степан Аркадьевич, извините, что вас не дождался. Дочка заболела и просила меня приехать. Я пробуду у нее, пока она не поправится. Ее адрес: Печорская, 13, кв. 12. Сделайте милость, зайдите ко мне туда. Буду вам рад. Ваш Е. И.»

Мы потоптались на площадке. Молча спустились вниз. Люська на меня не смотрела.

— Ну я пойду, — сказала Люська. — Мне еще хлеба купить надо.
— Люсь, а как же я? Мне тоже домой пора.
— Ну тогда пойдем вместе.
— Люсь, а как же Уран?
— Ну и что Уран? Подумаешь, Уран! Что же, нам теперь с ним до самой ночи ходить, что ли?
— А что же нам с ним делать?
— Я же сказала — отпустим.
— И что с ним станет?
— Откуда я знаю, что с ним станет? Какое мне дело?
— Люсь, да ведь он же от голода умрет! Ему же без хозяев нельзя!
— Ну мне пора, — сказала Люська. — Пока. — И она повернулась и пошла.
А я осталась. Что мне было делать? Не бросать же Урана на улице? К тому же — самокат...
И я решила ехать на Печорскую.

Мы едем на Печорскую

— Скажите, пожалуйста, где улица Печорская?.. На пятом трамвае? Восьмая остановка? Спасибо.
Подожел, грохоча, пустой трамвай, и мы влезли на площадку. Мы сели у окна и стали смотреть на дома, на витрины, на людей. Но вскоре трамвай подошел к остановке, и в проход между скамейками вышел водитель.
— Девочка, — ласково сказал водитель, — а с собаками в трамвае нельзя ездить, ты, что ж, не знаешь?
— Вы не волнуйтесь, — сказала я. — Он не кусается. Он дрессированный.
— Я понимаю, что дрессированный, — сказал водитель. — А все равно нельзя. Закон такой.
Пришлось нам с Ураном вылезать из трамвая.
— Скажите, пожалуйста, какая это улица? Какая-какая? Электрическая? Я такой даже не слышала... Как колено болит, прямо ужас! И есть хочется.
— Уранчик, что же делать? Может, бросить тебя? Может, ты сам своего хозяина найдешь?
Уран радостно завилял хвостом, и я поняла, что никого он не найдет. Так и будет беспризорный бегать по улицам.
Я спросила, как пройти на Печорскую, и мы двинулись дальше. Вокруг потемнело.
Стал накрапывать какой-то противный маленький дождик. Колено мое ныло ужасно. Я не могла быстро идти. А Уран изо всех сил тянул меня вперед. Тогда я выпустила из рук ленточку.
Уран помчался вприпрыжку. Неужели убежит? Нет, вернулся. Вернулся, миленький. Потом снова убежал, потом снова прибежал. Так мы и шли. Уран возвращался и смотрел на меня. Он как будто не мог понять, чего это я так медленно иду.
А я шла и думала: «Удивительно, почему собаки не устают? Может,

потому, что у них четыре ноги? Вот было бы у меня сейчас четыре ноги! Одна бы хромала, а три другие шли. На трех ногах не так трудно идти, как на одной!»

Еле волоча ноги, вся вымокшая, я поднялась на второй этаж маленького деревянного дома и позвонила в дверь.

За дверью залаяли собаки. Наверно, сразу штук сто. Уран зарычал, и шерсть у него поднялась дыбом.

Дверь открылась.

На пороге стоял старичок. За его спиной, в темном коридоре, оглушительно лаяли собаки.

— Цыц! — крикнул старичок, и собаки замолчали. Они выскочили на площадку и стали обнюхиваться с Ураном. Их оказалось всего две.

— Чего тебе, девочка? — ласково спросил старичок.

Я не ответила... Я не могла ответить. Я смотрела на собак. Обе они были лохматые и коричневые. У обеих было по белому уху. А у одной из них на спине было большое черное пятно.

Наверно, у меня стал очень несчастный вид. Старичок вдруг посмотрел на меня внимательно и сказал:

— А ну-ка, девочка, заходи в дом. Чего в подъезде стоять?

Мы вошли в коридор. В коридоре было тепло и пахло лекарством. Собаки вбежали следом за нами.

— Так в чем дело, девочка? Ты чего-нибудь ищешь? — спросил старичок.

— Да, — промямлила я. — Я ищу... Здесь живет... э-э..?

И вдруг открылась из комнаты дверь и в коридор вышла... Вера Евстигнеевна.

Я прямо оцепенела. Я, наверно, даже рот открыла. Вера Евстигнеевна тоже открыла рот, но тут же его закрыла.

— Синицына... — вымолвила Вера Евстигнеевна. — Люся... Папа, это моя ученица Люся Синицына!

— Очень приятно, — сказал старичок. — Очень, очень приятно! Будем знакомы. Меня зовут Евстигней Иванович. Что же ты в дверях стоишь? Заходи. Молодец, что учительницу пришла проводить!

— Вот видишь, папа, какие у меня заботливые ученики! — засмеялась Вера Евстигнеевна. — С такими не пропадешь!.. Но ты уж меня извини, Люсенька, я все-таки никак не ожидала от тебя такого подвига! Как иногда приятно ошибаться в людях!

И она обняла меня за плечи и пошла в комнату.

Потом мы обедали. Вера Евстигнеевна в постели, а мы с Евстигнеем Ивановичем за столом. Вера Евстигнеевна вместе с нами ела суп. Оказывается, учительницы тоже любят суп. И котлеты едят самые обыкновенные. С самой обыкновенной жареной картошкой. Завтра всем в классе об этом расскажу.

Дома Вера Евстигнеевна была совсем не такая, как в школе. Дома она была веселая и разговаривавшая. И рассказала мне, что она в постели потому, что у нее болит сердце.

Мне было очень стыдно. Я и представить себе не могла, что у Веры Евстигнеевны может болеть сердце. И никто в классе этого не знает. Завтра же всем расскажу, и мы будем навещать Веру Евстигнеевну каждый день.

Пока я ела, Уран сидел рядом и смотрел на меня голодными глазами. Раза два я незаметно сунула ему под стол хлеб. Но он все равно на меня смотрел. Тогда я спросила:

— А можно я дам Урану полкотлеты?

— Да мы ему сейчас супу нальем, — сказал Евстигней Иванович. — Пошли, Люсенька, кормить твою собаку.

И мы пошли на кухню. Собаки побежали за нами.

— Прости, Люсенька, меня, старика, — сказал Евстигней Иванович. — Должно быть, я ослышался. Но мне показалось, что твою собаку зовут Уран. Это верно?

— Да, верно.

— Неужели Уран? Какое совпадение! — воскликнул Евстигней Иванович. — Такая редкая кличка! Ведь моего тоже зовут Уран.

Он погладил своего Урана с черным пятном и сказал:

— У нас тут с Ураном неприятность вышла. Потерялся он. Недели две назад. Насилу его нашли. Соседи где-то увидели и привели. Мы с Верочкой очень тогда переволновались. Мы ведь к ним так привыкли! Уран — мой, Чика — Верочкина. Чика с Ураном брат и сестра. Оба редкой ценной породы.

— Мой Уран тоже ценной породы, — сказала я.

— Хорошая у тебя собачка, — сказал Евстигней Иванович. — Я в породах не очень-то разбираюсь. Но сразу видно — хорошая собачка. Душевная.

Тут он наклонился и хотел погладить Урана, но я вспомнила про черное пятно и закричала:

— Ой! Не надо! Он кусается!

Евстигней Иванович отдернул руку.

— Вот и хорошо, что чужих не подпускает, — сказал Евстигней Иванович.

...За окном все темнело. Я вдруг вспомнила про маму, про открытое окно, про веревку, и у меня похолодело внутри.

Я заторопилась и стала прощаться. Евстигней Иванович провожал меня до самых дверей.

Хулиганы

Когда мы вышли, был настоящий вечер.

Мы медленно шли по улице. Колени у меня снова ужасно разболелись. Как же я с таким коленом залезу

обратно по веревке?.. Просто идти невозможно. Посидеть на лавочке, что ли? Может, пройдет?

Мы зашли в какой-то двор. Я села на лавочку и стала дуть на колено. Оно было распухшее, как подушка.

Вдруг Уран заворчал. Я подняла голову и увидела, что из темного подъезда ко мне направляются два довольно взрослых парня в кепках.

— Это что за драный цыпленок? — спрашивает один другого.

— Сейчас выясним, — отвечает ему другой.

Я оглянулась. Во дворе больше никого не было. Значит, драный цыпленок — это я. Я встала и хотела уйти. Но тут оба парня подошли совсем близко. Я сделала шаг вправо — они шаг вправо. Я — влево, они — влево.

Уран заворчал сильнее.

— А это еще что за страхолюдина?! — удивился один из них. А ну, цыц!

Уран испугался и прижался ко мне. Он даже ворчать перестал. Тогда другой хулиган протянул ко мне руку, схватил меня за шапку, прямо за круглый помпончик на макушке, рванул и оторвал его.

— Ой! — вскрикнула я.

И тут Уран как залаял, как кинется на этого парня! И этот парень как отскочит!.. Но тут другой парень пошарил по земле, схватил здоровенный камень и нацелился им прямо в Урана. Бедный Уран весь прижался к земле. Он даже глаза закрыл.

— Не смей! — закричала я. — Не трогай его! Он тебе ничего не сделал! — И я вдруг, сама того не ожидая, изо всех сил пихнула обеими руками этого парня прямо в живот.

— Ах ты!.. — Парень угрожающе двинулся на меня.

— Да ладно, — сказал вдруг другой. — Чего с мелюзгой связался? Сейчас мамаша прибежит — визг поднимет...

И они вдруг ушли. Скрылись, как будто их и не было.

Я совсем про свою коленку забыла. Я про приличное вознаграждение забыла, про все на свете...

— Уранчик, миленький! — говорила я. — Мы их прогнали! Прогнали! Здорово мы их, а! — И Уран вертел хвостом и прыгал мне на грудь.

Пока мы шли домой, я всю дорогу с ним разговаривала.

— Ты не думай, — говорила я Урану. — Да если бы он тебя только тронул, я бы знаешь что с ним сделала? Прямо убила бы его, честное слово! Я ведь ужас какая смелая! Ты прямо даже не представляешь! Ты же видел, как я его пихнула, а? Он прямо вверх тормашками полетел! Да если бы они не ушли, я бы их обоих излупила бы... А ты тоже молодец! Как ты залаешь тогда, как он отскочит!.. Молодец, молодец... — И мы останавливались, и я гладила его по голове и по спине с нарисованным пятном.

— Сейчас мы придем домой, — объясняла я ему, — и я уговорю маму, чтобы она разрешила тебе остаться у нас жить. У меня мама добрая. Она хорошая. Я ее вообще-то люблю. Она знаешь какая? Она ругается, ругается, а потом сама переживает. Она очень даже хорошая. Я ее очень даже люблю. И папа у меня хороший. Он только сейчас в командировке. Но зато, когда он вернется, знаешь, как он обрадуется, что у нас в доме собака?! Да еще не простая, а редкой ценной породы!

И не нужно мне приличное вознаграждение! Зачем оно мне? И самокаты мне не нужны. Я и без него обойдусь.

Мы шли по темной улице. О том, что делается дома, я старалась не думать.

Вдруг рядом со мной резко затормозил мотоцикл. Из него выскочил милиционер. Он бросился ко мне и схватил меня за руку.

— Люся, это ты?

Я узнала участкового Милюкова.

— Быстро садись в коляску, — сказал участковый Милюков. — Тебя разыскивают.

И он, не говоря больше ни слова, подхватил меня под мышки и сунул в коляску. Уран заскулил.

— Я без Урана никуда не поеду, — сказала я.

Участковый немного подумал и сунул Урана ко мне.

Мотоцикл затарахтел. Мы куда-то поехали. Может быть, в милицию, а может, в тюрьму. Я так устала, что мне уже было все равно.

Через пять минут мотоцикл затормозил возле нашего подъезда.

Мама встретила меня вся в слезах. Но она не ругала меня. Нет-нет! Наоборот, она без конца целовала и обнимала меня. Просто не давала мне вздохнуть.

— Я виновата перед тобой, — твердила мама. — Я не должна была тебя запирать! Я весь день на работе места не находила! Прибегаю домой, а тебя нет... Вместо тебя стоит в комнате этот мальчишка — Иванов, кажется, фамилия — и ест жареную картошку прямо со сковородки... Я чуть с ума не сошла! Спрашиваю, как ты сюда попал? А он подводит меня к окну, показывает мне на веревку и начинает что-то объяснять про какую-то там собаку...

Я ничего не могу понять. Бросаюсь к телефону. Звоню Люсе. Там та же самая история. Те же разговоры... Какой-то Уран, какое-то приличное вознаграждение. Чувшь какая-то!

Какое счастье, что мне товарищ участковый помог! Я уже думала, что никогда тебя не увижу!

Тут она снова начала всхлипывать. Мне стало так ее жалко, что я сразу поняла — нет, никогда в жизни я не буду ее запирать.

Бедная моя мама! Хорошая моя мама!

Она была так рада, что я нашлась,

что даже на заметила сначала Урана. Она не заметила его и наступила ему на хвост. Уран взвизгнул. Мама так и подскочила.

— Что это? — закричала мама. — Боже мой, Люсенька, что это за чудовище?

— Мапочка, это не чудовище. Это Уран, — сказала я.

— Сейчас же выставь за дверь это животное! — рассердилась мама. — Мало того, что ты шляешься бог знает где! Нет, это уже слишком! Я этого не вынесу!

Она как будто уже забыла, что минуту назад плакала и целовала меня.

— Мама, но я обещала Урану, что он будет у нас жить.

— Ни за что на свете! — воскликнула мама. — Ни за что на свете! Товарищ участковый, вы видели когда-нибудь подобное чудовище?!

— Да вообще-то пес неплохой, — сказал участковый. — Довольно даже симпатичный пес.

— Вы находите? — огорчилась мама. — А по-моему, ничего симпатичного... И потом, я ведь уже решила купить ей самокат. Нет, этот ребенок меня в гроб вгонит!

Мама еще немного поспорила для виду и сдалась.

— Имей в виду, — сказала мама, — ухаживать за своим другом будешь сама.

Уран сразу все понял. Он подошел к моей маме и дал ей лапу, хоть она его и не просила. Пришлось маме пожать рыжую Уранову лапу. После этого Уран лизнул маму прямо в лицо.

— Фу, гадость какая! — отшатнулась мама. — Он еще и целуется! Нет, вы видели таких нахалов? Ну и смешный зверь!

Конец истории

Когда мы с мамой мыли Урана в тазу, был уже поздний вечер.

Мама мылила Урана и все не могла наудивляться, почему мыльная пена на нем сразу становится черной.

— Какое-то таинственное четвероногое! — говорила мама, выливая пятый таз черной, как деготь, воды. — Наверно, он притворяется, что рыжий, а на самом деле он сделан из ваксы!

И тогда я ей все рассказала.

И про черное пятно, и про приличное вознаграждение, и про Веру Евстигнеевну, и про Евстигнея Ивановича, и про все, все, все.

Мама то смеялась, то плакала, то просто качала головой.

А когда я уже засыпала, приехал из командировки папа. Он вошел в комнату и сказал:

— Что я вижу?! В нашем доме появилась собака! И не простая, а редкой, ценной породы!.. Да, теперь у нас начнется прекрасная, замечательная жизнь!..

Но, может быть, он так и не говорил. Может быть, мне это уже снится.

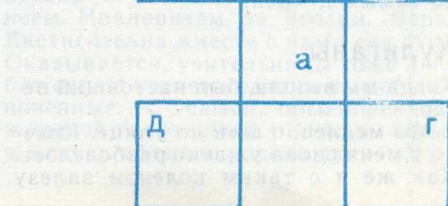
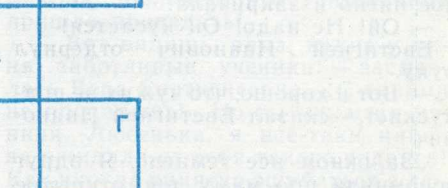
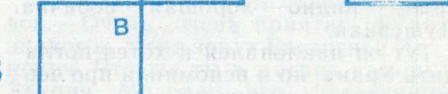
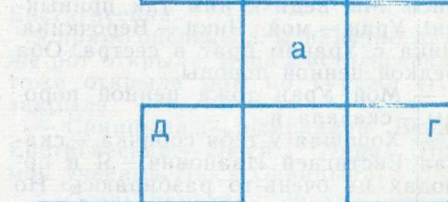
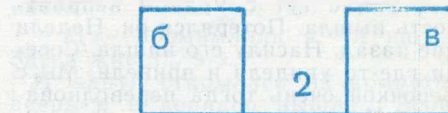
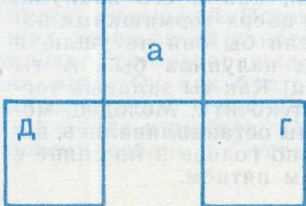
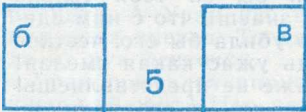
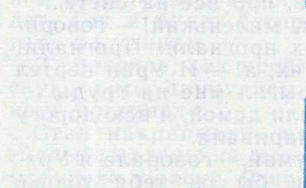
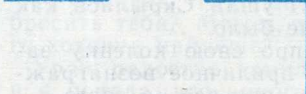
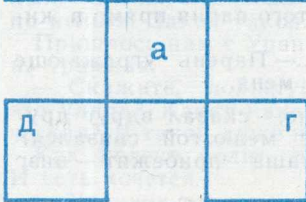
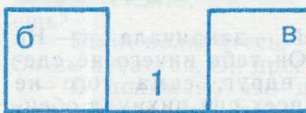
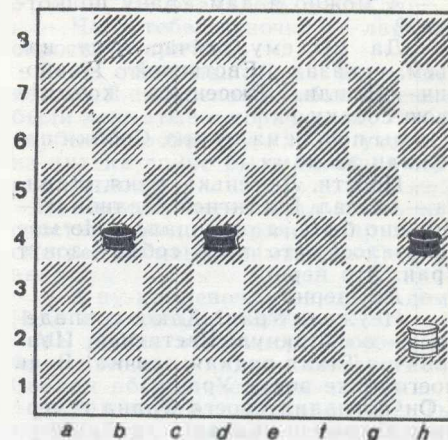
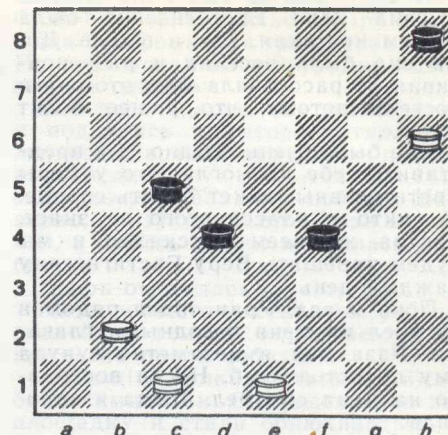
в свободное время

Игра у финиша

В шашечных заданиях — концовках, этюдах — обычно требуется найти путь к победе. Для желающих научиться хорошо играть такие поиски очень полезны. Но не менее важно уметь, попав в плохое положение, «выйти сухим из воды».

На обеих диаграммах результат игры уже не за горами. И в одном и в другом положении преимущество у черных.

В первой позиции (автор Б. Бейнфест) черные атакуют и вот-вот прорвутся в дамки, а тогда белым останется лишь сдаться. Во второй (автор И. Кузнецов) — черные стремятся хотя бы одну шашку сделать дамкой и занять ею большую дорогу. Кажется, что такое в их силах, не правда ли? Однако оба автора утверждают, что белые могут спастись. Согласны вы с ними?

Не выиграть и не проиграть

Когда мне было 12 лет, среди мальчишек нашей улицы я считался лучшим игроком в шашки.

Однажды в сквере подошел ко мне малыш лет семи и попросил поиграть с ним. Я, конечно, быстро забрал все его шашки и уже собрался взять последнюю, когда к нам приблизился мальчишка, который был года на три старше меня. Положение на доске в этот момент было такое — белые (мой): Д.с3, пр.е1, е3, г1, черные: пр.г6.

— Ты что? Выигрываешь? — спросил меня мальчишка.

— Неужели нет!

— Смотри! Этот пацан с моего двора. Попробуй только выиграть — вздую!

Мальчишка не шутил. Я понял, что стоит мне выиграть — не оберешься неприятностей. Что же делать? Проиграть? Но тогда вся улица узнает о моем позоре: проиграл первоклашке! А что если ни то и ни это. Не выиграть и не проиграть, а сделать ничью! Но как? Ведь этот несмышленыш, мой партнер, того и гляди по глупости подставит свою последнюю шашку...

И вот как сейчас помню: думал, думал я, как же сыграть так, чтобы мой противник не смог даже нарочно проиграть, чтобы обязательно ничья получилась, и нашел способ!

Но теперь, когда мне уже не двенадцать, я, видно, хуже стал в шашки играть. И хотя позицию помню, но как ничью сделал, хоть убейте, не покажу. Не подскажите ли вы мне?

Любителям шахмат предлагаем решить этюд Л. Куббеля — белые: Крг7, Лг8, Ка4, черные: Крб1, Cf5, п.f2.

У белых перевес в силах, но черной пешке всего шаг сделать — и она станет ферзем. Задержать ее белые не смогут... Как же им сманеврировать, чтобы спасти партию? Как свести игру вничью?

Ю. Барский,
заслуженный тренер СССР

Головоломки

Расставьте числа от 1 до 25 так, чтобы у вас получилось 12 одинаковых сумм (по 65) в следующих группах квадратов:

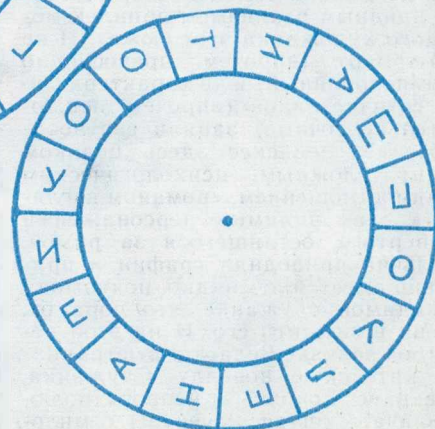
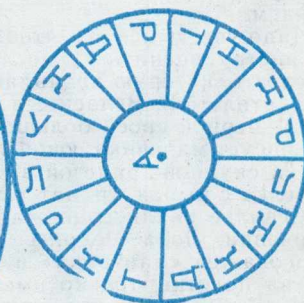
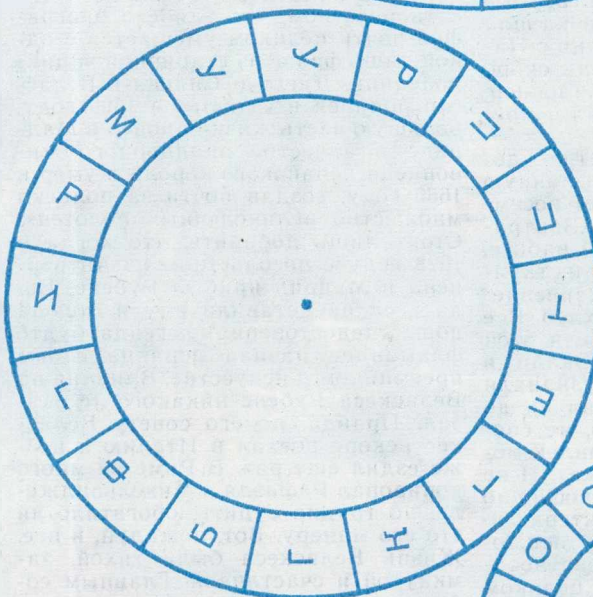
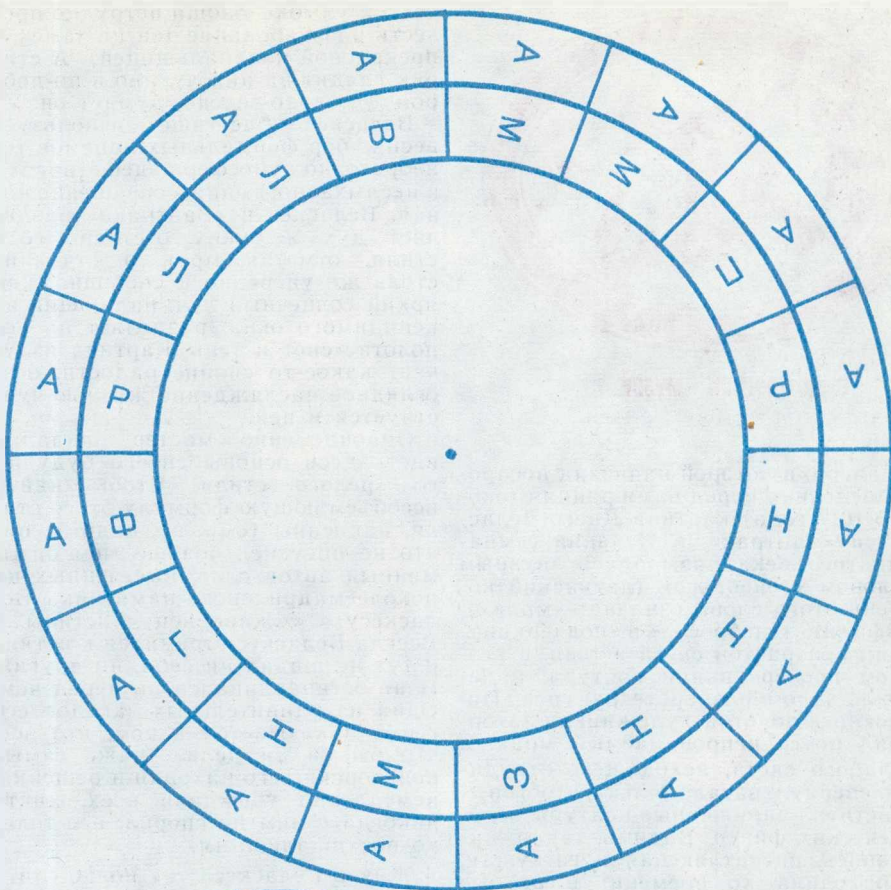
а) в каждой группе квадратов А, Б, В, Г, Д;

б) во всех квадратах, помеченных буквой А;

в) в группе, состоящей из квадратов А1, Б2, В3, Г4, Д5;

г) в группе, состоящей из квадратов А5, Б4, В3, Г2, Д1.

63 (Рисунок на соседней странице)

Вырежьте из бумаги или картона такие вот круги с буквами. Наложите их друг на друга (на больший — меньшие). Если в центре вы закрепите круги булавкой или иголкой, вы сможете легко вращать их.

А теперь постарайтесь найти такое положение кругов, чтобы можно было прочесть по радиусам 16 слов (все они начинаются и кончаются буквой А).

домашний музей

Манера, в которой написана воспроизведенная перед вами ранняя (около 1617 года) картина Диего Веласкеса «Завтрак», в Испании семнадцатого века называлась звучным словом «тенебросо» (латинский корень этого слова означает «мрак»). Эффект тенебросо — в подчеркивании контрастов света и тени, в резком прорисовывании контура, в неожиданном развороте ракурса. Порою все полотна художников затопляло почти непроницаемый мрак, а слабого света, исходящего откуда-то сверху, хватало только, чтобы высветить напряженные контуры человеческих фигур. Видимо, такая живопись, впечатляющая и гнетущая, подходила ко времени: в первые десятилетия семнадцатого века шла изнурительная война Испании с Нидерландами. Тенебросо очень скоро провозгласили канонам в живописи, авторитет ее в Испании стал непреклонным.

Надо учесть все это, чтобы по достоинству оценить ту неслыханную смелость, которую проявляет восемнадцатилетний Веласкес в «Завтраке» — первой своей большой работе. Он рисует мальчика, юношу и старика за скудной трапезой в харчевне: тарелка с рыбой, гранаты, хлеб. Все в Севилье знали содержателя этой харчевни, дон Родриго. Знали и персонажей «Завтрака» и узнавали их на полотне, только имена их до нас не дошли. Но, конечно, не своим наивным реализмом привлек молодого художника этот сюжет. И не натюрморт (впрочем, превосходно скомпонованный) и не характеристики сотрапезников (впрочем, исключительно точные) заняли его воображение. Веласкес здесь целиком занят сложным психологическим взаимоотношением, «романом взглядов» трех видимых персонажей и четвертого, оставшегося за рамой. Мальчик приподнял графин и призывно смеется, очевидно, показывая невидимой служанке, что пора бы снова наполнить его. И на этой нехитрой завязке Веласкес выстраивает житейскую новеллу. Служанка, наверное, хороша и не прочь полюбезничать (шутя, конечно!) с милым мальчиком. В якобы ирони-

ческой улыбке юноши нетрудно прочесть разочарование (он не замечен прекрасной подавальщицей). А старик глядит на них лукаво и по-доброму: молодое-зелено, думает он.

Веласкес блестяще использует весь набор формальных приемов тенебросо, но атмосфера здесь (вот это и неслыханно!) иная, совершенно новая. Веласкес в «Завтраке» разделяет дух и букву отстоявшегося стиля, отменяя мрак и отчаяние столь же уверенно и свободно, как яркий солнечный луч, падающий из невидимого окна, разделяет на его полотне свет и тень. Картина излучает какое-то сияние радости, безоглядное наслаждение жизнью чувствуется в ней.

Одновременно мастер закладывает здесь основы своего будущего зрелого стиля. Чтобы найти всеобъемлющую формулу этого стиля, написаны тома, но, видимо, никто не преуспел больше, чем безымянный автор слов, высеченных на цоколе мадридского памятника Веласкесу: «...живописцу истины...» Всегда Веласкес стремился к истине и тут не щадил ни себя, ни других. И не останавливался ни перед чем. Одна из удивительных загадок его гения заключается в том, что все, что бы он ни делал, даже самые новаторские его находки и решения, немедленно убеждали всех, никто никогда с ним не спорил, все только восхищались им.

Жизнь Веласкеса так полно слита с творчеством, что вся его биография почти целиком уместается в одной лишь фразе из старинной энциклопедии: «Диего де Сильва-и-Веласкес родился в Севилье в 1599 году, большую часть жизни провел в Мадриде в качестве придворного живописца испанского короля и умер в 1660 году, создав почти за полвека множество великолепных полотен». Стоит лишь добавить, что когда в 1628 году с посольством из Антверпена в Мадрид прибыл Рубенс, Веласкеса представили ему и отсюда пошла недостоверная легенда, будто фламандец назвал испанца своим преемником в искусстве. Влияния на Веласкеса Рубенс никакого не оказал. Правда, по его совету Веласкес вскоре поехал в Италию и позже ездил еще раз. В Риме он много копировал Рафаэля и Микельанджело, но трудно судить, обогатило ли это его манеру. Вот, пожалуй, и все. Жизнь Веласкеса была тихой, замкнутой и счастливой. Главным событием в ней была работа.

Наследие Веласкеса очень разнообразно. Одно время, еще в молодости, он часто писал жанровые сцены (по-испански — «бодегенос»). Бодегенос он решительно обновил, как и все, чего ни касался. Он начал соединять жанровый мотив с каким-либо евангельским сюжетом. Например, он писал крестьянку за кухонной работой, старуху за ее спиной (печальные и суровые лица у этих женщин), а на стене дешевую

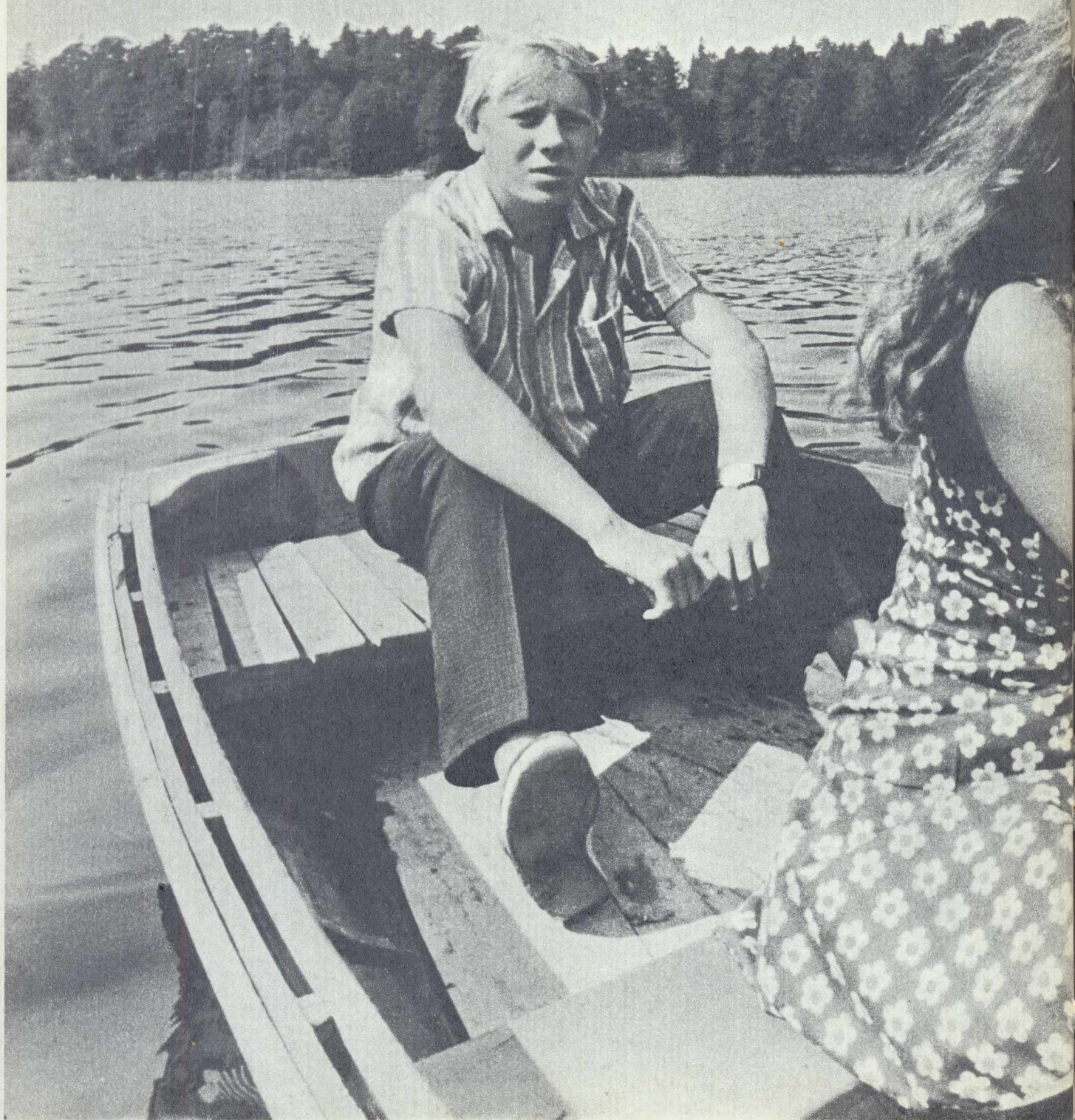
олеографию: Христос в доме Марфы и Марии. Звучать обе темы, по замыслу мастера, должны вместе, как единый музыкальный аккорд... Есть в творчестве Веласкеса мифологические композиции («Кузница Вулкана»), пейзаж («Вид парка виллы Медичи») и огромное батальное полотно «Сдача Бреды». Но главное в творчестве Веласкеса — портрет.

В выборе моделей Веласкес (живописец короля!) был свободен не вполне и некоторые из его портретов не отходят от придворного канона: на темном фоне во весь рост стоящая фигура, в одной руке — перчатка или письмо, другая — опирается на край стола или на эфес шпаги. Но в большинстве портретов все-таки есть отпечаток индивидуальности Веласкеса-портретиста: всегда, еще с юношеского «Завтрака», внимание мастера приковано к человеческим глазам. И, раз увидев, мы никогда не забудем с колдовской силой переданного выражения глаз на портретах папы Иннокентия X, или Конде дукэ Оливерса, или поэта Луиса Гонгора-Арготе. Молодое упоение жизнью давно уже сменилось у Веласкеса трезвым анализом ее, и портреты его, чем дальше, тем больше, превращаются в беспощадные социально-психологические исследования. Перед нами неповторимые индивидуальности, конечно, но и социально-психологические типы; в перспективе времени мы ясно видим, что перед нами — подлинные феодалы, с печатью вырождения на волевых и жестоких лицах. В серии портретов королевских карликов и шутов Веласкес обнаруживает еще одну, неожиданную, грань своего гения: он умеет разглядеть подлинную человеческую красоту в образах униженных и оскорбленных.

Картину «Менины» («Фрейлины») он пишет в 1656 году; это его вершина и, вместе, настоящая энциклопедия его мастерства. Здесь есть все: и смещенное пространство, и сложная игра перекрещивающихся взглядов, и осмысленный, одухотворенный свет. По жанру это — групповой портрет. Изображены инфанта Маргарита, ее родители, фрейлины и карлики. Включил Веласкес и автопортрет. Он написал себя в наряде испанского гранда; воинственный и красивый, настоящий рыцарь, он пристально смотрит в лицо модели, в тонкой руке сжимая свое оружие — свою кисть.

В. Алексеев

На 6—9, 24—27,
34—37-й страницах
фотоочерки
о летнем отдыхе
детей

